

2287(25) РФ

Библиотека
Императорского
Российского
Общества
Иркутск

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго

Географическаго Общества.

подъ редакцію Директора Дѣла.

ТОМЪ XXV.

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
Половъ И. И. Памяти Н. М. Идринцева и А. В. Потаниной	1	Смесь: Еленовъ А. С. Замѣтка къ археологіи окр. г. Иркутска	92
Прейль Я. Матеріалъ къ флорѣ остр. Ольхона на Байкалѣ	29	Пихтинъ М. В. Свидѣніе о пушиниѣ, кабаргоной струѣ и мамонтовой кости на Якутской армаркѣ 1893 года	96
Кроль М. Брошюры обряда и обычая у забайкальскихъ бурятъ	51	* Талызинъ Н. Дѣлѣ урнхайскихъ овраговъ	97
Адриановъ Г. В. Вѣдомость абсолютныхъ высотъ въ различныхъ пунктахъ Забайкальской области	88	Кытмановъ А. И. Три брацкія сплавы	102

См. на оборотѣ.

г. Иркутскъ.

Типографія К. І. Витковской.

1894.

1348 91

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Восточно-Сибирского
Географического общества

	Стр.		Стр.
<i>Библиографія:</i> Кытмановъ А.		Коржинскій. <i>Plantae amurenses in itinere anni 1891 collectae.</i>	
Матеріалы для флоры сосед. раст. Енис. окр., Енис. губ. Я. Прейна	115	Я. Прейна	127
Ивановскій А. Антропологич. очеркъ торговцовъ Тарбагатайской волости, Китайской Имперіи Ю. Талько-Грынцевича	118	Риттеръ. <i>Землеводѣніе Азии. Восточная Сибирь: оз. Байкаль и прибайкальскія страны, Забайкалье и степь Гоби, ч. I. Саянское нагорье въ предѣлахъ Иркутской губерніи и т. д.</i> И. И. Попова	132
Залѣескій С. I. Къ вопросу о содовомъ производствѣ въ Сибири. И. Исаева	123		

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

Памяти Николая Михайловича Ядринцева и Александры
Викторовны Потаниной.

Въ минувшій академическій годъ нашъ Восточно Сибирскій Отдѣлъ понесъ двѣ тяжелыя, невознаградимыя утраты. 19-го сентября 1893 г. въ глуши Китая, среди невѣдомыхъ странъ, мало-извѣданныхъ пустынь и горъ умерла Александра Викторовна Потанина, жена и другъ нашего знаменитаго путешественника Григорія Николаевича Потанина и сопутница почти во всѣхъ его экспедиціяхъ. 7-го іюня 1894 въ Барнаулѣ скончался членъ нашего отдѣла, извѣстный сибирскій общественный дѣятель, публицистъ и путешественникъ Николай Михайловичъ Ядринцевъ, до конца дней своей жизни сохранившій необычайную энергію и дѣятельную любовь къ своей суровой родинѣ. Оба они (Ядринцевъ и Потанина) погибли со знаменемъ науки въ охладѣвшихъ рукахъ, въ расцвѣтѣ силъ и въ разгарѣ научнаго труда. Оба они не были учеными въ строгомъ смыслѣ этого слова, но ихъ труды, особенно труды Николая Михайловича, помимо жизненнаго интереса, имѣли и глубокій научный характеръ.

Въ лицѣ покойнаго Ядринцева Сибирь потеряла разносторонняго изслѣдователя ея и самаго вѣрнаго — преданнаго ей сына, всю жизнь чутко прислушивавшагося къ нуждамъ матери-родины, всю жизнь некрено болѣвшаго и скорбѣвшаго о нихъ, до сѣдыхъ волосъ вѣрою и правдою, беззавѣтно и самоотверженно служившаго ей своими силами. Истый сибирякъ по своему рожденію и воспитанію, Николай Михайловичъ посвятилъ себя всецѣло нуждамъ и интересамъ Сибири, избравъ еще въ юности своей цѣлью широкое изслѣдованіе вопросовъ сибирской исторіи и современнаго экономическаго и правственнаго общественнаго быта какъ русскихъ, такъ и ино-

родцевъ. Покойному принадлежатъ весьма цѣнные труды по бытовому изученію Сибири и обстоятельная разработка вопросовъ, касающихся сибирской общественной жизни, народнаго хозяйства, этнографіи и другихъ вопросовъ. Николай Михайловичъ выступалъ съ цѣлымъ рядомъ статей и изслѣдованій о ссылкѣ, объ административной реформѣ, о сибирской желѣзной дорогѣ, о принековомъ дѣлѣ, о нуждахъ рабочаго населенія Сибири, о реформѣ Сперанскаго, о сибирскомъ университетѣ, о вольномъ и невольномъ заселеніи Сибири и проч. и проч. Однимъ словомъ, онъ былъ одновременно историкомъ, этнографомъ, археологомъ, экономистомъ, виднымъ дѣятелемъ по народному хозяйству и образованію, публицистомъ и литературнымъ работникомъ. Изучая Сибирь, Николай Михайловичъ совершилъ цѣлый рядъ опасныхъ путешествій по сибирскимъ дебрямъ и горнымъ высотамъ. Алтай въ лицѣ его имѣлъ одного изъ лучшихъ своихъ изслѣдователей; на Орхонѣ онъ открылъ развалины когда-то знаменитаго и затеряннаго современными историками Каракорума. Путешествія Ядринцева и послѣднее, совмѣстное съ Радловымъ, изслѣдованіе Орхона обогатили историческую географію и археологію цѣнными данными малоизвѣстной мѣстности. Заслуги Н. М. на этомъ поприщѣ признаны всѣмъ ученымъ міромъ. Оцѣнить по достоинству всѣ труды Николая Михайловича и его многостороннюю дѣятельность въ настоящее время нѣтъ возможности, да еще и не время. Капитальными трудами и единственными въ своемъ родѣ являются двѣ его книги: «Сибирь какъ колонія» и «Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ».

Н. М. былъ безусловно талантливый и выдающійся человекъ, глубоко вѣрившій въ прогрессъ и уважавшій науку; онъ былъ замѣчательный труженикъ, выдающійся писатель, сумѣвшій до конца дней своей жизни сохранить молодую душу, идеализмъ и дѣтски незлобивое сердце. Чѣмъ былъ покойный для Сибири — достаточно указать, что въ теченіе тридцати лѣтъ, кажется, не было изданія, въ которомъ онъ не помѣщалъ-бы статей на безконечную тему о Сибири.

Благодаря его неутомимой дѣятельности, русская публика познакомила съ настоящимъ положеніемъ Сибири и ея слабыми и хорошими сторонами жизни. Оцѣнка дѣятельности Николая Михайловича принадлежитъ будущему историку Сибири, но мы смѣло можемъ заявить, не боясь ошибокъ, что въ этой исторіи Н. М. Ядринцеву будетъ принадлежать одно изъ выдающихся мѣстъ.

Жизнь Александры Викторовны Потаниной была не столь блестяща, какъ дѣятельность Николая Михайловича. Дѣятельность ея была болѣе скромной и мало замѣтной для обыкновеннаго человека, но и ея заслуги передъ наукой не малы: ея работы по этнографіи бурятъ, инородцевъ и китайцевъ представляютъ цѣнный научный матеріалъ. Кроме того она принимала дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ своего мужа, вела метеорологическія наблюденія, собирала ботаническія коллекціи и проч. Не мало ея труда вложено и въ самостоятельныя работы самого Потанина. Александра Викторовна была первая женщина, вступившая въ предѣлы нагорной Азии съ цѣлью научныхъ изысканій и своей жизнью доказала, что и область путешествій также доступна для женщинъ, какъ и другія отрасли человѣческаго знанія. Имя Потаниной напоминаетъ намъ другое, для насъ дорогое, имя Прончищевой, болѣе ста лѣтъ тому назадъ сложившей свои кости на дальнемъ сѣверѣ, въ безпріютной и унылой тундрѣ. Эти два имени (Потаниной и Прончищевой) должны быть особенно дороги, какъ и для нашего отѣла, такъ и для нашей родины: эти имена первыхъ путешественницъ и изслѣдователей-женщинъ, блестяще доказавшихъ свою правоспособность, даже въ такой, повидимому совсѣмъ не подходящей для женщинъ отрасли научнаго труда, какъ путешествіе, сопряженное съ большими опасностями.

Участіе Александры Викторовны въ экспедиціи имѣло чрезвычайно благотворное воздѣйствіе на туземцевъ и не мало содѣйствовало успѣху ихъ и богатству собраннаго матеріала.

До Потанина, да и при немъ, экспедиціи Пржевальскаго, Пѣв-

цова и др. были скорѣе похожи на военные отряды, чѣмъ на ученые экспедиціи. Туземцы къ нимъ относились съ боязнью и опаской. Но имъ нечего было опасаться той экспедиціи, гдѣ участвовала женщина, гдѣ не было никакого военного конвоя; имъ было ясно, что подобная экспедиція преслѣдуетъ научныя цѣли, а не военную задачу. Благодаря такому отношенію туземцевъ, Потанинъ спокойно проходилъ среди буйныхъ тангутовъ, бесѣдовалъ съ фанатиками-тибетцами, проходилъ области, куда не вступала нога европейца и каждый разъ вывозилъ богатый матеріалъ для научныхъ работъ. Въ экспедиціяхъ Потанина, благодаря близкому общенію съ туземцами, преобладаетъ этнографическій матеріалъ, а у Пржевальскаго и др. — географическіе. Участіе А. В. въ экспедиціяхъ еще болѣе содѣйствовало разнообразію собраннаго Потанинымъ матеріала: передъ ней открывались двери тамъ, куда не могъ проникнуть мужчина; она обращаетъ вниманіе и замѣчаетъ тѣ стороны жизни, которыя легко ускользаютъ отъ мужчины и работая рука объ руку съ мужемъ, она дополняла работы послѣдняго.

Ядринцевъ и Потанина принадлежали къ числу наиболее выдающихся членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла и оказали ему неоцѣнимыя услуги. Оба они состояли членами сотрудниками центрального Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и оба за свои научные труды награждены золотыми медалями.

Естественно, что наша нравственная обязанность, выпускаемая первую послѣ ихъ смерти книжку Извѣстій Вост.-Сиб. Отд. посвятить въ ней нѣсколько страницъ памяти покойныхъ.

Конечно, еще не наступило время дать полныя біографическіе очерки этихъ двухъ выдающихся дѣятелей и возстановить образъ этихъ благородныхъ и прекрасныхъ людей, но воспользуемся тѣми данными о жизни покойныхъ, которыя или уже проникли въ печать, или извѣстны намъ по воспоминаніямъ. Давая отдѣльный некрологъ А. В. Потаниной, мы для Николая Михайловича ограничимся при-

веденіемъ рѣчи П. П. Попова, нѣскольکو дополнивши ее біографическими свѣдѣніями, разбросанными по разнымъ изданіямъ.

**Александра Викторовна
ПОТАНИНА.**

† 19-го сентября 1893 года.

Извѣстность въ наукѣ Александра Викторовна начала завоевывать съ 1874 года, когда она вышла замужъ за знаменитаго нашего путешественника Григоріа Николаевича Потанина и явилась, по выраженію вице-президента Имп. Рус. Геогр. Общ. П. П. Семёнова, «неразлучной и достойной подругой всѣхъ его тяжелыхъ трудовъ и лишеній, въ особенности во время далекихъ путешествій, поставившихъ его имя такъ высоко въ ряду дѣятелей русской науки».

Александра Викторовна происходила изъ бѣдной семьи сельскаго священника В. Лаврекаго. Родилась она въ Нижегородской губ. въ 1845 г. Воспитывалась она дома и отъ своихъ братьевъ семинаристовъ получила первыя элементарныя основы знанія, которое впоследствии пополнила усидчивымъ трудомъ. Взрослой дѣвицей она поступаетъ въ надзирательницы въ епархіальное училище. Жизнь ея до 30 лѣтъ шла однообразно и тихо: то въ школѣ, то за рукодѣліями. Александра Викторовна была чрезвычайно застѣливой и замкнутой натурой, но въ этомъ тихомъ, застѣливомъ человѣкѣ бродила безпокойная мысль, стремленіе къ знанію и иной жизни: окружающая обстановка не удовлетворяла ее, а исхода изъ нея она не видѣла и теряла надежду на возможность какой-бы то ни было перемѣны. Въ 1874 г. судьба сводитъ ее съ Григоріемъ Николаевичемъ Потанинымъ, который, вмѣстѣ съ братомъ Александры Викторовны К. В. Лаврекимъ, проживалъ въ ссылкѣ въ г. Никольскѣ, Вологодской губ. Александра Викторовна пріѣхала въ Никольскъ, для свиданія съ братомъ, познакомилась съ Григ. Ник. и черезъ полгода стала его женой. Съ этого момента жизнь ея совершенно измѣнилась; она съ особеннымъ стараніемъ принялась за пополненіе пробѣловъ своего

знанія, изучила англійскій и французскій языки. Вліяніе Григ. Ник. сдѣлало изъ простой женщины-самоучки человека образованнаго, который своимъ свѣтлымъ умомъ и обширными познаніями поражалъ встречающихся съ нею лицъ.

Александра Викторовна, сдѣлавшись женою Григорія Николаевича и проживши въ Сибири, полюбила нашу родину и чутко отзывалась на ея интересы.

Великій и необъятный міръ таинъ природы, доступный всѣмъ и каждому, увлекъ и Александру Викторовну: она принесла на алтарь науки, правды весь запасъ своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Она сдѣлалась такимъ-же неутомимымъ путешественникомъ, какъ и ея знаменитый супругъ. Съ 1876 г. всѣ путешествія и изслѣдованія Григорія Николаевича совершаются въ соупутствіи покойной, за исключеніемъ только одной его поѣздки въ Ургу. Во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ Александра Викторовна принимала активное участіе и вела самостоятельныя работы: гербаризировала растенія, вела метеорологическія наблюденія, первая изъ путешественниковъ обратила вниманіе на бытъ монгольской и китайской женщины, собирала образцы монгольскаго орнамента, надъ которымъ теперь трудится знатокъ исторіи искусствъ В. В. Стасовъ, дѣлала этнографическіе рисунки и проч. и вообще являлась дѣйтельнымъ помощникомъ своего мужа.

Экспедиціи Потанина совершались при самой скромной обстановкѣ и онъ избѣгалъ всякихъ конвоевъ, вѣря что гуманное отношеніе къ номадамъ сдѣлаетъ больше, нежели штыкъ или пуля. Ал. Викт. вполнѣ раздѣляла взгляды своего мужа. Конечно, мы не будемъ сравнивать ея заслуги съ заслугами знаменитаго ея мужа, но есть область, гдѣ ихъ заслуги одинаковы—это внесеніе въ среду полудикаго народа началъ гуманности и высшей правды. Тѣмъ-же гуманитарнымъ, просвѣтительнымъ началомъ была проникнута и частная жизнь Потаниныхъ, вліяніе которыхъ на молодежь, окружающую ихъ, было въ высшей степени благотворное.

Первое свое путешествіе Потанины совершили въ 1876—1877 гг. и посѣтили Кобдо, Хами, Улясутай, оз. Косоголь, монастырь Уланкомъ, обхвативъ какъ-бы кольцомъ сѣверо-западную Монголію.

Слѣдующая затѣмъ экспедиція въ 1879 г. была какъ-бы продолженіемъ предъидущей, для изслѣдованія и изученія тѣхъ мѣстностей, которыя имъ не удалось посѣтить въ первый разъ. Во время третьяго путешествія 1884—1886 г., Потанины посѣщаютъ китайскую восточную окраину нагорной центральной Азии, долины и подгорья ганьсуйской провинціи китайской имперіи.

Наконецъ въ 1892 году супруги Потанины отправляются въ четвертую экспедицію, окончившуюся роковымъ образомъ. Цель экспедиціи была посѣтить и изслѣдовать мало извѣстныя въ наукѣ мѣстности восточнаго Тибета.

Друзья совѣтовали А. В. не ѣхать въ эту экспедицію; въ томъ-же духѣ убѣждалъ покойную и гр. Кассини въ Пекинѣ; но спокойной, исключительной жизни была не по сердцу А. В.; она желала еще и еще работать. Она надѣялась, что обстановка путешествія, захватывающая научный интересъ, возстановитъ ея силы. Но она ошиблась. Болѣзнь подкрадывалась какъ тать: въ Торсандо — пунктъ, гдѣ были намѣчены главныя работы экспедиціи и предстояла долгая остановка, съ А. В. сдѣлался первый ударъ, который, хотя, и продолжался не долго, но надломилъ силы больной и она уже не могла продолжать своихъ занятій. Александра Викторовна плохо поправилась и экспедиція рѣшила двинуться въ обратный путь.

8-го сентября на обратномъ пути, въ 20 верстахъ отъ китайскаго города Чжао-хуа съ А. В. повторился ударъ. Напрасно экспедиція сѣшила къ пункту, гдѣ была возможна европейская медицинская помощь. Въ теченіе 10-ти дней больная, разбитая параличемъ, безъ языка, боролась съ смертію. Наступило роковое 19-е сентября и смерть побѣдила. Александра Викторовна скончалась на 48 г., между городами Бао-ин-фу и Чун-ци-фу. Григорій Никола-

евичъ рѣшилъ похоронить своего друга на русской землѣ, почему гробъ и былъ отправленъ въ Россію.

18-го декабря гробъ съ прахомъ покойной былъ торжественно встрѣченъ на границѣ въ Кяхтѣ; на гробъ было возложено болѣе 25 вѣнковъ отъ различныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ, друзей и почитателей покойной. Погребеніе было совершено 23-го января 1894 г. въ Кяхтѣ, за общественный счетъ и съ большою пышностью. При отпѣваніи, отъ М. Сизой сказано слово, а на могилѣ отъ лица ученыхъ обществъ и прессы говорили члены Вост. Сиб. Отд. антропологъ Ю. Д. Талько-Грышцевичъ и И. И. Поповъ. Надъ могилой въ ожиданіи памятника построена изящная деревянная часовня, по стѣнамъ которой и развѣшены вѣнки.

Первое извѣстіе о смерти Александры Викторовны было получено въ Кяхтѣ, 24-го октября, откуда немедленно была послана телеграмма въ Вост.-Сиб. Отдѣлъ. 27-го октября (1893 г.) въ залѣ музея В.-С. Отдѣла была отслужена панихида по скончавшейся русской путешественницѣ.

Кромѣ членовъ Отдѣла въ залѣ музея собрались многіе знакомые покойной отдать послѣдній печальный долгъ ей памяти. Въ совершеніи обряда приняли участіе кафедральный протоіерей о. Афанасій Виноградовъ, священникъ о. Василій Копыловъ, о. Симеонъ Писаревъ и о. Александръ Юнинъ—все лично знавшіе покойную. Общество, собравшееся въ залѣ музея, было довольно разнообразно и многочисленно; мы замѣтили среди него и маленькихъ дѣтей, съ которыми во время жизни въ Иркутскѣ занималась покойная. По настроенію собравшихся видно было, что не ради холоднаго исполненія долга явились они въ музей, а что всѣхъ ихъ соединяло одно общее сознаніе печальной утраты и участіе къ осиротѣвшему Григорию Николаевичу.

Послѣ совершенія панихиды взошелъ на кафедру правитель дѣлъ Отдѣла и обратился съ слѣдующей рѣчью къ присутствующимъ:

М. г-ни и м. г-ри!

Въ 1876 году, черезъ предгорія Алтая, вступила въ Монго-

лю первую экспедиция под начальством Г. Н. Потанина. Скромна была эта экспедиция по своей вышности: не окружалъ ее пышный конвой, скромны и скудны были средства, съ которыми она выступила на долгій и трудный путь. Не шумѣли о ней газеты столицъ, и самъ начальникъ экспедиции извѣстенъ былъ только специалистамъ-географамъ, высоко цѣнившимъ его глубокія свѣдѣнія, и небольшому кругу личныхъ знакомыхъ. Публика же мало знала его. Въ этой экспедиции въ качествѣ члена ея состояла и супруга Г. Н. Потанина, Александра Викторовна. Не мало нужно было самоотверженія, характера и рѣшимости для женщины, чтобы принять участіе въ такомъ предпріятіи. Многие русскіе, путешествовавшіе по Монголіи, особенно по внутренней Монголіи, вдали отъ извѣстнаго всегдѣ калганскаго тракта, рисовали страну и ея обитателей далеко не симпатичными чертами. Страна суровая, путешествіе исполнено лишеній и трудностей, обитаетъ тамъ грязный, дживый и коварный народъ, отъ котораго можно ожидать на каждомъ шагу непріятности. Путешествовать тамъ можно только, держа наготовѣ усовершенствованное оружіе. Проходили годы среди неустанной работы путешественниковъ, за первой экспедиціей послѣдовала вторая, за второй третья, такъ протекало съ небольшими перерывами 15 лѣтъ. По мѣрѣ того, какъ росла свѣдѣнія путешественниковъ объ изучаемой странѣ, росла и ихъ привязанность и любовь къ изучаемому народу. Намъ, мм. гг., товарищамъ Григоріа Николаевича Потанина, лучше чѣмъ многимъ извѣстны громадныя труды Г. Н. Потанина, но каждый изъ насъ, даже болѣе близкихъ къ его семьѣ, затруднится сказать, какая доля въ нихъ принадлежитъ покойной? Все мы догадываемся, что это участіе было весьма значительно; знаемъ мы, что нашъ почтенный другъ не предпринималъ ни одного рѣшенія болѣе или менѣе важнаго безъ совѣта покойной; знали, что она близко знакома была со всеми его трудами, но всегда на поставленный ей вопросъ въ этомъ родѣ она отдѣлывалась шуткой. Всегда готовая признать чужія заслуги, она тщательно умалчивала о своихъ. Нужно было

застать ее врасплохъ, нужно было коевеннымъ путемъ подойти къ дѣлу, заставить ее проговориться, чтобы узнать что-нибудь о трудахъ ея въ экспедиціяхъ. И оказывалось, что покойница принимала дѣятельное участіе въ собираніи богатыхъ ботаническихъ коллекцій Г. Н. Потанина, производила метеорологическія наблюденія, что надъ собранными ею образчиками монгольскаго орнамента усердно трудится нашъ глубокій знатокъ исторіи искусствъ В. В. Стасовъ.

Немного найдется и ученыхъ путешественниковъ, которые могли-бы равняться съ Г. Н. Потанинымъ по богатству и разнообразію собранныхъ новыхъ матеріаловъ. Нельзя, конечно, въ этомъ отношеніи и сравнивать съ нимъ женщину, которая довольствовалась скромной ролью сотрудницы и помощницы и не претендовала никогда на роль ученой путешественницы, но есть область, въ которой заслуги ихъ равны.

Если смотрѣть на путешественника не только какъ на собирателя матеріаловъ, но и какъ на представителя высшей культуры, посетителя началъ высшей правды и челоуѣчности среди полудикихъ народовъ, то, какъ носителямъ этой миссіи, трудно отдать преимущество кому-либо изъ супруговъ. Намъ, мм. гг., очень хорошо извѣстно, какою любовью къ изучаемому народу были проникнуты наши друзья. И здѣсь въ Иркутскѣ не прерывали они своихъ сношеній съ своими знакомцами. Мы видѣли, какъ относилась къ нимъ явившіеся въ Иркутскѣ буриты то за советомъ, то съ просьбой, то просто потолковать. Мы видѣли, какъ Александра Викторовна тратила цѣлые часы и дни, ходя по городу, то исполняя порученія своихъ далекихъ знакомыхъ, то знакомя ихъ съ Иркутскомъ и его достопримѣчательностями.

Все это мы знаемъ по личнымъ впечатлѣніямъ, но для того, кто не зналъ лично Александры Викторовны, достаточно хоти-бы бѣгло ознакомиться съ литературными ея трудами. Вспомнимъ хотя-бы ея живой этнографической очеркъ о положеніи женщины въ Китаѣ, гдѣ она съ такой глубокой симпатіей рисуетъ намъ жизнь китайской простолюдинки, женщины рабочаго класса, ми-

мо которой проходилъ не одинъ знатокъ Китая, не подаривъ эту труженицу своимъ вниманіемъ. Тѣмъ-же симпатичнымъ отношеніемъ проникнуты и ея этнографическіе очерки бурятъ. Маленькая книжечка—Монголія и монголы, написанная для народа, ставитъ своей задачей ознакомить обширный кругъ читателей со страной и народомъ, разсѣять существующіе предрассудки о немъ. Бурятскій мальчикъ Доржди—дѣтскій разсказъ—преслѣдуетъ ту же цѣль. Авторъ, рисуя намъ исторію развитія маленькаго народа и его дальнейшую судьбу, хочетъ сказать русскимъ дѣтямъ: вотъ въ какой обстановкѣ живутъ ваши маленькіе товарищи въ степяхъ; похожъ онъ на васъ, у него тѣ-же стремленія, тѣ-же чувства, тотъ-же живой умъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ, не выдавшій въ дѣтствѣ ничего, кромѣ юрты и стада, займетъ такое же положеніе въ обществѣ, какое займете вы, когда выучитесь и вырастаете. Всѣ эти мысли носятъ особенно убѣдительный и, скажемъ прямо, трогательный характеръ, потому что они не были вызваны какими-либо теоретическими соображеніями, а вылились прямо изъ сердца, изъ нѣдръ любящей природы человека, проникнутаго теплымъ чувствомъ ко всякому, кто нуждается въ помощи, поддержкѣ и сочувствіи.

Эта глубокая любовь къ людямъ и дѣлу, которое стало жизненной задачей покойной, и увлекли ее въ четвертую экспедицію въ центральную Азію, окончившуюся такимъ печальнымъ событіемъ.

Хотя въ прошломъ году, прощаясь съ Потаниными, мы видѣли, что силы путешественницы уже не тѣ, что она часто похварывается; но мы надѣялись, что привычка, опытность и обстановка любимого труда поддержать ее. По плану экспедиціи предполагалось, что, основавъ главную квартиру въ Тарсандо, часть экспедиціи, находящаяся подъ начальствомъ г. Потанина, будетъ дѣлать кружные маршруты, а путешественница будетъ работать на мѣстѣ, во первыхъ угрожающія вѣсти получились уже изъ Пекина. Александра Викторовна слегла въ постель, перевздъ зимой по Монголіи вызвалъ припадки ревматизма. Благодарю за-

ботливости, которой окружены были наши путешественники, и стараніямъ врача, удалось поставить больную на ноги. Въ Пекинь совѣтовали покойной не ѣздить далѣе; нашъ уполномоченный посланникъ графъ Кассини, принимавшій самое теплое участіе въ судьбѣ нашихъ путешественниковъ, особенно горячо настаивалъ на остановкѣ ея въ Пекинь, но только что оправившаяся отъ болѣзни Александра Викторовна боялась больше смерти остановки въ Пекинь: она не выносила мысли о томъ, что она должна будетъ бросить начатое дѣло, повинуть свой постъ. Въ письмѣ изъ Пекина, послѣ того какъ состоялось окончательное рѣшеніе по этому вопросу, она радостно извѣщала, что она ѣдетъ съ экспедиціей. Состояніе здоровья, очевидно, еще не совсѣмъ окрепшаго, несколько не заботило ее. Другія мысли приводили ее на раздумье—сможетъ-ли она теперь работать такъ, какъ прежде, сумѣетъ-ли быть достаточно полезной для дѣла, окунутся-ли издержки ея путешествія. Еще болѣе неблагоприятныя вѣсти пришли изъ Тарсанда. Григорій Николаевичъ писалъ, что жена его не встаетъ съ постели; послѣ получилось два письма Александры Викторовны: въ первомъ она извѣщала, что «была больна, съ ней случился припадокъ и она подчасъ лежала безъ движенія, потерявъ возможность говорить, но при полномъ сознаніи—было такъ страшно. Теперь я поправляюсь—пишетъ она далѣе—«прогуливаюсь съ палочкой отъ нашей квартиры до жилища католическихъ миссіонеровъ». Слѣдующее письмо напоминало собою наиболее интересныя ей письма близкаго времени. Оно наполнено было живыми описаніями Тарсанда и его обитателей и обреченностей. Кстати скажу здѣсь, что въ письмахъ покойной съ гораздо большею яркостью выступалъ ей счастливый талантъ изложенія. Видимо, что въ статьяхъ, назначенныхъ для печати, она стеснялась, представляя себѣ, что ее прочтеть публика. Въ письмахъ, назначавшихся для близкихъ, она писала гораздо свободнѣе и подчасъ давала волю своему незлобивому, но мѣткому природному юмору, который такъ часто вскрился въ ея устныхъ беседахъ.—Писалось далѣе, что экспедиція разными дорогами

двинется изъ Тарсандо на западъ. Григорій Николаевичъ съ переводчикомъ Рабдановымъ думалъ двинуться прямо въ горы, а преараторъ Кашкаровъ и Александра Викторовна должны были идти по большой китайской дорогѣ.

Съ той поры, съ іюня мѣсяца текущаго года вплоть до роковой телеграммы 26-го октябри, замолкли все слухи объ экспедиціи. Когда и гдѣ случилось печальное событіе, мы не знаемъ до сихъ поръ. Управляющій почтовою частью при русской миссіи въ Пекинѣ, Николай Ивановичъ Гомбоевъ далъ знать о смерти А. В. нашему члену Ивану Ивановичу Попову въ Кяхту, а послѣдній телеграфировалъ мнѣ.

Уже не въ первый разъ, въ теченіе моей службы В. С. Отдѣлу, мн. г-ни и г-ри, мнѣ приходится съ этой-же кзедры говорить вамъ о горькихъ утратахъ русской науки и нашего Общества въ частности. Говори о дорогихъ покойникахъ, о ихъ заслугахъ, я утѣшалъ васъ и себя мыслью, что наши друзья не умираютъ. Кому великое, кому скромное мѣсто обезпечено не только въ благодарной нашей памяти, но и въ потомствѣ.

Когда скончался членъ Августѣйшаго Семейства, основатель и президентъ И. Р. Г. Общества, мнѣ достаточно было только сослаться на его ближайшихъ сотрудниковъ, на ихъ воспоминаніи о представившемся и сказать, что сошла со сцены личность, которой будетъ посвящена не одна страница отечественной исторіи; потерявъ нашего товарища М. Я. Писарева, мы знали, что вмѣстѣ съ нами его оплакиваютъ все недужные, страждущіе бѣдники Иркутска, лишившись въ немъ врача и друга; по поводу другой дорогой утраты мы могли сказать, что и безъ насъ о погибшемъ достаточно будутъ говорить и вѣчно-шумящій Байкаль, и высокія сибирскія пики Саянъ, и холодная колымская тундра, многовѣковую исторію которыхъ погибшій труженикъ разскажалъ намъ въ теченіи своей недолгой жизни. Имѣлъ-бы я право сказать тоже самое вамъ и теперь; но, при видѣ этихъ рѣдкихъ рядовъ испытанныхъ и заслуженныхъ дѣятелей нашего спротивляющаго общества, невольно вырывается жалоба. Тяжело терять

друзей! Жаль работница мысли и науки. Ихъ такъ немного еще; но гораздо тяжелѣе, когда кромѣ того мы хоронимъ и друга. Не о личныхъ своихъ или вашихъ чувствахъ въ семьѣ Потаниныхъ и къ усопшей говорю и теперь,—она была другомъ нашего учрежденія. Она, вмѣстѣ съ моимъ предмѣстникомъ по занимаемой мною должности, такъ много работала на пользу нашего общества, она сдѣлала для него такъ много, что мы теперь съ вами боремся и работаемъ въ сущности только изъ-за того, чтобы удержаться на достигнутой высотѣ. Не покинула ихъ эта любовь къ скромному провинціальному обществу, ни когда они вращались среди высшихъ представителей русской науки въ столицѣ, ни въ далекомъ Тибетѣ. Всюду супруги собирали статьи, матеріалы, привлекали сотрудниковъ для нашего общества. Письма А. В. полны вопросами о жизни Отдѣла, совѣтами, указаніями. Въ послѣднихъ, предсмертныхъ своихъ письмахъ покойная сообщаетъ о томъ, какія коллекціи пріобрѣтены ими для насъ, какія заказаны, какіе пробѣлы нашего музея можно-бы пополнить.

«Какъ часто»—писали наши друзья—«мысли наши издалека несутся къ высокому зданію въ мавританскомъ стилѣ, на берегу Ангары, какъ хотѣлось-бы быть съ вами!»

Тяжела утрата, но съ неизбежнымъ не спорить! Говори последнее прости усопшей, припомню вамъ въ эту грустную минуту, м. г., что на насъ лежитъ священная обязанность доказать, что мы истинные друзья нашего дорогого товарища Григорія Николаевича. Тяжкое испытаніе выпало на долю его. Послѣ горькой утраты теперь странствуетъ онъ съ дорогими ему останками по далекому Китаю, окруженный любопытной, но безучастной толпой туземцевъ. Онъ теперь одинъ съ своимъ горемъ, съ непрерывнымъ сознаніемъ своей тяжелой утраты. Замѣнить потерю друга, утѣшить его не въ нашихъ силахъ. Поможемъ-же ему, насколько сумѣемъ, перенести его горе, чтобы сохранить его для науки и для насъ».

Объ ученыхъ результатахъ экспедиціи Потаниныхъ мы не будемъ говорить, они извѣстны всему образованному міру. Замѣтимъ,

что Александра Викторовна во всѣхъ этихъ путешествіяхъ принимала дѣятельное участіе.

Въ составленіи отчетовъ о путешествіяхъ, а также и въ научныхъ трудахъ самого Потанина, А. В. оказывала существенную помощь. Но кромѣ этого, не виднаго для другихъ труда, А. В. заявила себя слѣдующими самостоятельными работами: «Молочное хозяйство у бурятъ Верхнеудинскаго округа», «Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ», «Утай», «Гумбумъ», «Монастырь зонкаистовъ», «Изъ странствій по Урянхайской землѣ», «Изъ наблюдений надъ жизнью бурятъ», «Религіозная пляска въ монастырѣ Кадасова», «Среди широнголовъ», «О китайской женщинѣ», «Встрѣча съ двумя монгольскими ванами», «Буряты» и мн. др., помѣщенные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но кромѣ этихъ работъ А. В., уѣзжая въ свое послѣднее путешествіе, оставила неоконченнымъ и передала А. А. Ивановскому обширный многолѣтній трудъ свой, посвященный похороннымъ обрядамъ сибирскихъ инородцевъ и рядъ оконченныхъ статей и изслѣдованій, какъ, напр., «Тибетъ». Всѣ эти работы войдутъ въ сборникъ имени покойной путешественницы, который въ концѣ лѣта выуститъ въ свѣтъ Геогр. Отд. Имп. Общ. Любителей Естествознанія, Антрополог. и Этнографіи.

Николай Микжайловичъ

Я Д Р И Н Ц Е В Ъ

† 7-го іюня 1894 года.

Рано утромъ 9-го іюня, въ Иркутскѣ была получена роковая вѣсть о смерти Н. М. Ядринцева, а 11-го іюня Восточно-Сибирскій Отдѣлъ географическаго общества отслужилъ панихиду въ зданіи музея по покойномъ дѣятелѣ Отдѣла. Панихиду совершали члены Отдѣла: о. Аф. Виноградовъ, о. Вас. Кошаровъ и о. Феод. Хомяковской. На панихидѣ присутствовали: высокопреосвященный Тихонъ, городск. голова В. П. Сукачевъ и другіе члены географическаго общества.

врачи, учителя и проч. Тяжелое впечатлѣніе оставила эта панихида: не тѣснились кругомъ родные покойнаго, мало было даже его личныхъ друзей, но печаль и горе отражались на всѣхъ лицахъ, всѣ чувствовали, что здѣсь отдавали они послѣдній долгъ кому-то близкому, дорогому. По окончаніи панихиды, членъ отдѣла Д. П. Першинъ взошелъ на кафедру и произнесъ слѣдующую глубоко-прочувствованную рѣчь:

Милостивыя государыни и милостивые государи!

«Тяжелые годы переживаетъ наше скромное ученое общество: безотрадная смерть выхватываетъ одного за другимъ нашихъ лучшихъ дѣятелей... Не стало Черезаго, Витковского, Потаниной, не стало и Николая Михайловича! Многие изъ насъ, навѣрное, помнить его здѣсь, въ залѣ музея, добраго, подлаго энергіи, вѣчно занятаго, то докладомъ, то формированіемъ экспедиціи. Его живая натура всегда требовала работы: отъ газеты онъ переходилъ къ этнографіи, къ археологіи. Занимаясь этими науками порывисто, урывками, онъ сумѣлъ выдѣлиться изъ общей массы работавшихъ. Припомнимъ его открытія на Орхонѣ, припомнимъ его работы по этнографіи сибирскихъ инородцевъ. Основной чертой въ его трудахъ было то, что въ нихъ всюду проглядывалъ человекъ съ отзывчивой, доброй душой.

При чтеніи книги «Сибирскіе инородцы» невольно чувствуется сердечное и братское отношеніе его къ этимъ пасынкамъ европейской культуры. Онъ въ этихъ трудахъ всегда являлся проповѣдникомъ высокой гуманности по отношенію къ аборигену въ Сибири. Онъ, какъ американскій поэтъ Лонгфелло, всегда находилъ: что «во всѣхъ вѣкахъ и повсюду человекъ былъ человекомъ, что и въ самой дикой груди есть желанія и стремленія и блаженные порывы къ непостигнутому благу». Этотъ взглядъ его раздѣлялся многими, былъ боевымъ кличемъ сибирской печати и проходилъ красной нитью во всѣхъ его работахъ по этнографіи. Любя беззавѣтно свою родину и неустанно знакомясь съ ея настоящимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пылко заглядывалъ въ ея отдаленное прошлое. Открытіе Каракорума была не случайность:

Н. М. искалъ ключа эмиграціоннаго движенія тюрковъ на западъ и объясненія разселенія многихъ инородцевъ по сѣверу Азіи. Онъ ожидалъ, что разборъ руническихъ надписей Орхона прольетъ много свѣта на событія исторической жизни тюркскихъ и монгольскихъ племенъ. Сбираясь на Орхонъ, Н. М. говорилъ мнѣ, что еще въ Швейцаріи, за нѣсколько лѣтъ до этого, онъ съ профессоромъ Петри мечталъ посѣтить мѣста, описанныя Марко Поло, Плато Карпини, Рубруквисомъ, питая смутную надежду найти тогда монгольскій Каракорумъ — столицу Чингизханидовъ. Его мечты исполнились и выдающіеся оріенталисты, какъ академикъ Радловъ, Васильевъ, профессоръ Гейкель, занялись изученіемъ древностей Монголіи. Недавно газеты принесли намъ вѣсть, что западно-европейскій ученый разобралъ орхонскія руническія письмена.

Закончивъ съ Монголіей и поставивъ дѣло на твердую почву, Н. М. сталъ во главѣ статистическихъ работъ на Алтаѣ. Но тутъ смерть прекратила его дальнѣйшую работу. Много нужно было имѣть душевныхъ силъ и вѣры въ будущее, чтобы всегда бороться противъ разнаго рода обстоятельствъ. Н. М. былъ бодръ и веселъ лишь въ дѣлѣ, на работѣ: его болѣзненный организмъ точно находилъ исцѣленіе во время трудовъ. Я, какъ теперь, помню его вернувшимся изъ Монголіи — жизнерадостнаго, полнаго дорогныхъ впечатлѣній. Съ какимъ добродушнымъ юморомъ онъ разсказывалъ о разныхъ трудностяхъ, испытанныхъ имъ въ путешествіи. Въ бытность свою въ нашемъ отдѣлѣ Николай Михайловичъ стремился усилить его дѣятельность и привлечь къ участию въ немъ какъ можно больше людей. Онъ видѣлъ, что дружная работа многихъ незамѣтныхъ дѣятелей можетъ принести богатые плоды. Съ какой радостью онъ привѣтствовалъ организацію статистическаго бюро для изслѣдованія быта населенія въ Иркутской и Енисейской губерніи! Покидая въ 1891 г. Иркутскъ, онъ надвигаясь со временемъ вернуться, чтобы поработать въ Восточной Сибири, но смерть навсегда унесла отъ насъ автора книги «Сибирь какъ колонія». Одинъ за другимъ исчезаютъ могикане блестящей эпо-

хв 60 годовъ; Николай Михайловичъ былъ одинъ изъ нихъ. Миръ праху твоему честный дѣятель, пусть жизнь и труды твои послужатъ добрымъ примѣромъ всемъ, желающимъ служить на пользу родины.

За Першинымъ говорилъ консерваторъ музея П. П. Поповъ.

Рѣчь Попова, какъ мы уже замѣтили, пополнена біографическими данными. Рѣчь была уже напечатана «Восточн. Обозр.»

Мл. Г-ни и Мл. Г-ри.

Въ 1863 г. двадцатилѣтній юноша читаетъ въ Омскѣ публичную лекцію о значеніи сибирскаго университета и предлагаетъ основать общество для собиранія на него пожертвованій. Призывъ юноши не остался гласомъ воиющаго: пожертвованія стали поступать и достигли солидной суммы, что въ значительной степени содѣйствовало рѣшенію вопроса объ университетѣ въ Сибири. Этотъ молодой человекъ, такъ двинувшій вопросъ о сибирской alma matere былъ Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Съ тѣхъ поръ, среди неустанной работы прошли многіе годы, появились научные труды и публицистическія работы, создалась газета, на страницахъ которой дебатировался вопросъ объ университетѣ, исполнилась и завѣтная мечта юноши и самое имя Ядринцева заняло одно изъ видныхъ мѣстъ среди изслѣдователей Сибири, его научныя работы обратили вниманіе ученаго міра, а путешествія по Алтаю создали ему славу неутомимаго путешественника.

Не много найдется писателей, которые могли-бы сравниться съ Николаемъ Михайловичемъ по богатству собраннаго матеріала и разнообразію затрогиваемыхъ имъ вопросовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ возьмите библиографію Межова и тамъ вы увидите, что имя Николая Михайловича связано со многими научными трудами въ области этнографіи, исторіи, археологіи, біографіи, географіи, путешествій, горнаго дѣла и общественныхъ вопросовъ. Прочтите эти труды и вы убѣдитесь, какой животрепещущій интересъ имѣютъ они. Здѣсь не мѣсто, да въ сжатой рѣчи и не возможно разобрать все эти работы и по достоинству оцѣнить

ихъ и многостороннюю дѣятельность Николая Михайловича— этого виднаго члена нашего общества.

Я позволю себѣ въ общихъ чертахъ указать на нѣкоторыя изъ его работъ, касающихся географіи, этнографіи, археологіи и путешествія, въ связи съ біографіей Николая Михайловича.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ былъ сынъ томскаго купца и родился въ 1842 г. По выходѣ изъ томской гимназіи онъ семнадцатилѣтнимъ юношей поступаетъ вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ и тамъ въ теченіе трехъ лѣтъ слушаетъ лекціи.

Здѣсь, въ университетѣ сформировались взгляды Николая Михайловича, онъ равною пристрастіемъ занялся изученіемъ литературы, относящейся до Сибири и рѣшилъ посвятить свою жизнь на служеніе интересамъ далекой окраины. Въ Петербургѣ въ то время образовался изъ студентовъ-сибиряковъ кружокъ, поставившій себѣ цѣлью изученіе мѣстныхъ вопросовъ своего края и развивавшій мысли о необходимости въ Сибири университета, о распространеніи грамотности и увеличеніи съ этой цѣлью числа школъ, о научныхъ изслѣдованіяхъ, разборѣ мѣстныхъ архивовъ, собраніи этнографическихъ матеріаловъ, созданіи мѣстной печати и т. п.

Подъемъ общественнаго самосознанія, нахлынувшая волна русскаго возрожденія, эпоха великихъ реформъ захватили въ своемъ теченіи молодого студента, и онъ, полный силъ, воодушевленный любовью къ родинѣ, съ глубокой вѣрой въ свѣтлое будущее ея, рѣшилъ ѣхать въ Сибирь и тамъ заняться изученіемъ родного края. Съ первыхъ-же шаговъ своего вступленія на родную землю, онъ начинаетъ, какъ это замѣтили выше, хлопотать о сибирскомъ университетѣ. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ Б. А. Милютина и уже тогда мечтаетъ о созданіи частнаго органа и развитіи журналистики въ Сибири. Но въ 1865 г. Николай Михайловичъ принужденъ былъ оставить Сибирь: онъ былъ,

вмѣстѣ съ нашимъ знаменитымъ путешественникомъ Г. Н. Потанинымъ и историкомъ Шапковымъ, арестованъ и высланъ на жительство въ Архангельскую губ. и только въ 1874 году былъ амнистированъ.

Не имѣя возможности служить родинѣ непосредственно, онъ предался литературѣ и главнымъ образомъ занялся разработкой сибирскихъ вопросовъ, помѣщая свои статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Дѣль*, *Камско-Волжской Газетѣ*, *Недѣль*, *Азіатскомъ Вѣстникѣ*, *Голосѣ*, *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, *Женскомъ Вѣстникѣ*, *Искрѣ*, Иркутскомъ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, *Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* и въ другихъ изданіяхъ. Въ литературѣ онъ принималъ участіе подъ псевдонимомъ Семилужинскаго еще въ бытность въ университетѣ и этимъ именемъ подписывался подъ своими бездетристическими произведеніями до послѣдняго времени. Среди статей, напечатанныхъ имъ въ шестидесятыхъ годахъ, мы отмѣтимъ: «Письма о сибирской жизни», «Секретниа», «Община въ русскомъ острогѣ», «Женщина въ Сибири XVII и XVIII ст.», «Биографія Валиханова» и др. Въ 1872 г. выходитъ его монографія «Русская община въ тюрьмѣ и ссыльѣ». Книга имѣла большой успѣхъ и на нее было обращено вниманіе особой комиссіи, занимавшейся вопросомъ о преобразованіи тюрьмы и ссылки. Въ своихъ работахъ о ссылкѣ Николай Михайловичъ является убѣжденнымъ противникомъ ея и указываетъ на непрактичность, деморализующее и вредное вліяніе ея на сибирское населеніе. Этотъ основной взглядъ на ссылку былъ сохраненъ имъ до конца дней, и Ник. Мих. не разъ поднималъ этотъ вопросъ на страницахъ своей газеты и другихъ органовъ періодической печати и дебатировалъ его съ обычной горячностью.

Съ такой-же тщательностью разрабатывалъ Н. М. Ядринцевъ вопросы о сибирской административной реформѣ, о местной золотопромышленности, желѣзной дорогѣ, нуждахъ рабочаго населенія, объ инородцахъ, колонизаціи, переселеніи и другіе.

Въ 1876 году Ядринцевъ возвращается въ Сибирь и поступаетъ на службу къ генералъ-губернатору Зап. Сиб. Казнакову,

который интересовался вопросом о сибирскомъ университетѣ и желалъ вообще продвинуть дѣло серьезнаго изученія Сибири. Служба доставила Н. М. полную возможность дѣлать статистическія, экономическія и этнографическія изысканія. Въ Омскѣ онъ являлся дѣлительнымъ членомъ Зап. Сиб. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., издаеть рядъ программъ для изученія крестьянской общины, переселенцевъ и инородцевъ.

Переселенческое движеніе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающееся, не могло не обратить вниманія такого пытливаго ума, каковымъ былъ Ник. Мих. Онъ ѣдетъ на Алтай—эту обитованную землю, куда ежегодно стремятся переселенцы, онъ посѣщаетъ и другія мѣста ихъ поселенія, изслѣдуетъ Барабинскую степь и вторично вырабатываетъ обстоятельную программу для изслѣдованія «вольнаго заселенія Сибири». Его работы и изслѣдованія о переселеніяхъ были по достоинству оценены Импер. Русск. Геогр. Обществомъ: за эти работы Н. М. былъ награжденъ малой золотой медалью.

Изслѣдуя переселенческой вопросъ, Ник. Мих. не игнорируетъ и др. области знанія, такъ напр. отмѣчаетъ видѣвшее въ свое время не мало шума, высыханіе озеръ Чаиновъ,—остатокъ когда-то существовавшаго моря. Работа его по этому вопросу, помѣщенная въ запискахъ Имп. Рус. Г. Общ., обратила вниманіе у насъ и за границей: въ Парижѣ по этому поводу извѣстнымъ географомъ Венюковымъ былъ сдѣланъ докладъ въ географ. обществѣ, а русское географическое общество основало особую комиссію для выработки программы для изученія и подробнаго изслѣдованія этого явленія.

Въ 1880 г., въ сопровожденіи художника, переводчика и проводника, Н. М. съ этнографич. цѣлью для изученія инородцевъ отправляется въ дебри Алтая, посѣщаетъ алтайскую «чернь» и Телецкое озеро, спускается по рѣкѣ Чуь и доходить до русско-китайской границы. Отсюда съ большимъ трудомъ и опасностью для жизни онъ пробирается черезъ хребты Алтая, посѣщаетъ малоизслѣдованные Катунскіе камни, гдѣ за 60 лѣтъ предъ нимъ былъ

только одинъ докторъ Геблеръ, остается нѣсколько дней въ Катунскихъ ледникахъ, изучая ихъ и наблюдая развитіе глетчера. На высотѣ 10 т. футовъ онъ переваливаетъ Катунскій хребетъ и черезъ долину Уймаиа возвращается въ Чуйскую долину. Изъ этого путешествія Ядрищевъ вывезъ разнообразныя коллекціи и обширный матеріалъ для статей по этнографіи и по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ. Трудъ этотъ, къ сожалѣнію, изданъ не весь и значительная часть его хранится у профессора А. Ивановскаго въ Москвѣ.

Съ 1881 года Н. М. Ядрищевъ поселяется въ Петербургъ, чтобы редактировать и издавать «Восточное Обозрѣніе» — газету, всецѣло посвященную интересамъ Сибири и Востока. Какъ редакторъ періодическаго изданія, какъ публицистъ и фельетонистъ Н. М. обнаружилъ крупный талантъ, большія способности и глубокое знаніе Сибири. Къ участию въ газетѣ онъ привлекъ лучшія тогдашнія силы, ученыхъ и профессоровъ, занимающихся изученіемъ вопросовъ, касающихся Сибири и Востока. Передовыя статьи самого редактора въ свое время имѣли громадное значеніе, а его фельетонами зачитывались. Не даромъ покойный Курочкинъ, редакторъ «Искры», совѣтовалъ ему заняться спеціально фельетонами. На ряду съ многосложной редакторскою работою Н. М. готовилъ и ко дню трехсотлѣтія Сибири выпустилъ въ свѣтъ свой наиболее капитальный трудъ «Сибирь какъ колонія». Въ этой работѣ онъ обращаетъ вниманіе на переселенческій вопросъ, на вопросъ о ссылкѣ, объ инородцахъ и объ экономическомъ положеніи Сибири. «Сибирь какъ колонія» представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу о Сибири, была встрѣчена одобрительно печатью, выдержала два изданія и переведена профессоромъ Петри на нѣмецкій языкъ.

Въ 1882 г., когда праздновалось трехсотлѣтіе русской Сибири, Ядрищевымъ сдѣланъ былъ докладъ въ обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ о культурныхъ успѣхахъ Сибири за 300 лѣтъ; другой докладъ былъ сдѣланъ имъ въ географическомъ обществѣ о положеніи сибирскихъ инородцевъ и ихъ

вымираніи; въ «Русской Мысли» тогда-же была имъ помѣщена статья «Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ». Въ тѣ-же годы въ «Трудахъ» Московскаго археологическаго общества, «Литературномъ Сборникѣ», съ котораго началось изданіе «Сибирскаго Сборника», и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщены труды г. Ядринцева по сибирскимъ древностямъ; въ томъ «Живописной Россіи», посвященномъ Сибири, была имъ помѣщена статья: «Западно-сибирская низменность».

Въ 1885 г. Н. М. увѣзжаетъ за границу, посѣщаетъ Швейцарію, Италію и Францію. Въ цѣломъ рядѣ очерковъ онъ сравниваетъ альпійскую природу съ природой Алтая; любитъ Рейномъ и Женевскимъ озеромъ, онъ вспоминаетъ далекую родину и подъ лазоревымъ небомъ Неаполя мечтаетъ о прелестяхъ суровой страны. Черезъ годъ онъ опять на родинѣ. На этотъ разъ Н. М. прѣзжаетъ въ Сибирь для изученія Минусинскаго края и для ознакомленія съ мѣстными музеями. Поездка въ Минусинскій край имѣетъ рѣшающее значеніе на всю послѣдующую научную дѣятельность Н. М. Изъ ученаго этнографа онъ становится археологомъ. Таинственная исторія Азіи, древніе памятники и остатки глубокой старины, видѣнные имъ въ Минусинскѣ, привлекаютъ его вниманіе; этнографическія изслѣдованія еще раньше наталкивали его на необходимость изученія древней исторіи Азіи, а поездка въ Минусинскій край окончательно заставила его приступить къ изученію этой исторіи. Данныя, собранныя во время поездки, послужили ему матеріаломъ для его извѣстной книги: «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе». Въ то-же время въ географическое Общество внесены были составленные имъ карты распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ.

Въ концѣ 1887 г. Н. М. переноситъ свою газету въ Иркутскъ и принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ нашего Отдѣла; здѣсь-же онъ принимается за изученіе древней литературы объ Азіи и за труды оріенталистовъ. Знакомство съ этой литературой, на ряду съ изученіемъ древней исторіи Азіи, приводитъ

его къ убѣжденію, что столица Чингизъ-хана и первыхъ монгольскихъ хановъ должна находиться на Орхонѣ и недалеко отъ русской границы. Весною 1889 г. на средства Вост. Сиб. Отд. (было ассигновано изъ средствъ всего 400 р.) Н. М. Ядринцевъ снаряжаетъ караванъ въ Кяхтѣ и вступаетъ въ таинственную Монголію, съ цѣлью найти затерявшійся Каракорумъ. Трудность задачи заключалась въ томъ, что монголы тщательно оберегали эти развалины отъ любопытныхъ взоровъ европейцевъ. Не мало труда и хитрости пришлось употребить Н. М., чтобы отыскать знаменитый Каракорумъ. Но глубокое убѣжденіе и вѣра все побуждаютъ и столица Окта была открыта Ядринцевымъ, который вывезъ оттуда до 15 т. руиническихъ знаковъ, рисунки, обломки и два большихъ осколка отъ памятника и пожертвовалъ ихъ въ Имп. Эрмитажъ. Открытіе Ядринцева привлекло къ себѣ вниманіе всего ученаго міра, какъ у насъ такъ и за границей. На слѣдующій годъ финляндскіе ученые снарядили въ Каракорумъ новую экспедицію профес. Гейбеля, а въ 91 г., на средства академіи наукъ, туда была послана экспедиція академика В. В. Радлова, въ которой принималъ участіе и Н. М. Сообщеніе Н. М. объ отысканіи Каракорума, сдѣланное имъ въ 1890 г. въ парижскомъ географическомъ обществѣ, произвело громадную сенсацію, а самъ докладчикъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ и шумными оваціями. Богатые результаты экспедиціи въ Каракорумъ пріобрѣтаютъ теперь тѣмъ большее значеніе, что недавно проф. Томсенъ нашелъ способъ дешифрированія многочисленныхъ надписей, найденныхъ экспедиціями въ долину Орхона.

Въ тяжелые для Россіи 91-й и 92-й годы, когда надъ нашей родиной разразилась гроза голода, а за ней холера стала уносить тысячи жертвъ, Н. М. не могъ усидѣть въ Петербургѣ: его отшельническая натура и благородное сердце толкали его туда, гдѣ требовалась помощь, гдѣ люди умирали отъ стихійныхъ бѣдъ и вотъ мы снова видимъ его въ Тобольской губ. организуя во время голода помощь голодающимъ, а во время холеры санитарныя отряды. Ни опасность для собственной жизни,

ни многотрудность задачи не могли остановить этого благороднаго человека, когда его родинѣ грозило бѣдствіе.—Но опасность въ видѣ голода и холеры миновала и Н. М. снова принялся за переселенческое дѣло. Въ прошломъ году Н. М. совершилъ путешествіе въ Сѣв. Америку съ цѣлю изученія постановки тамъ колонизаціоннаго дѣла и въ рядѣ рефератовъ, прочитанныхъ имъ въ московскихъ и петербургскихъ ученыхъ Обществахъ, сравнилъ его съ переселенческимъ движеніемъ въ Сибирь.

Въ 1892 г. многія лица, проживающія въ Петербургѣ, и такъ или иначе заинтересованныя Сибирью и судьбой ея мѣстной печати, по случаю исполнившагося десятилѣтія изданія газеты «Восточное Обозрѣніе», послали привѣтствіе Н. М. Ядринцеву, какъ дѣтельному редактору и неутомимому писателю изслѣдователю, такъ много и долго трудившемуся на пользу обширнаго сибирскаго края, составляющаго одну изъ драгоцѣннѣйшихъ частей нашего великаго и славнаго отечества. Между прочимъ, Н. М. Ядринцеву были поднесены подарки: серебряная большая чернильница и пресъ-панъе (камень, на которомъ набросаны листы «Восточнаго Обозрѣнія»),—то и другое съ надписью: «Дорогому редактору Николаю Михайловичу Ядринцеву отъ сочувствующихъ сибиряковъ».

Наступающимъ лѣтомъ онъ думалъ заняться изслѣдованіемъ Алтайскаго округа въ связи съ переселенческимъ вопросомъ. Средства на это изслѣдованіе были даны Кабинетомъ Его Величества и онъ пріѣхалъ въ Барнаулъ, чтобы приступить къ статистическому изслѣдованію края. Но неумолимая судьба, неизбѣжный и непредвидѣнный рокъ судили иначе: утромъ 9-го іюня редакціей «Восточнаго Обозрѣнія» была получена роковая телеграмма: «Вчера, въ 10 ч. вечера, скоропостижно скончался Н. М. Ядринцевъ». Неумолимая смерть захватила Николая Михайловича въ разгарѣ труда и въ разцвѣтѣ силъ: ему не было еще 52 лѣтъ.

Тяжелые годы выпали на долю нашего Отдѣла: одинъ за другимъ сходятъ въ могилу наиболее дѣятельные члены его! Одинъ за другимъ падаютъ подъ ударами судьбы испытанные

борцы и ихъ мѣста остаются не замѣщенными! Давно-ли мы хоронили Витковского? Давно-ли безпріютная тундра погребла въ своихъ объятіяхъ Черскаго? Еще не прошло и года, когда среди невѣдомыхъ народовъ, среди малозелѣдованныхъ пустынь и горъ погибла Потанина? Еще не успѣли зарыть Астырева и опять новая жертва неумолимой судьбы, новая могила на погостѣ людей мысли и науки. Еще одинъ борецъ со знаменемъ науки палъ въ битвѣ съ жизнью, мечтая приступить къ научнымъ работамъ. Но, съ неизбѣжнымъ не спорить. Лучшая память для нашихъ дорогихъ покойниковъ—это не забывать ихъ труды и помнить то, что они завѣщали намъ. «Какова-бы ни была исторія этого края (Сибирь), говоритъ Н. М., у него нельзя отнять извѣстной будущности. Съ вѣрою въ его жизнь, въ его призваніе соединяются наилучшія ему пожеланія. Они окрыляютъ вдохновеніемъ людей, ему преданныхъ и придадутъ энергію труду въ новой странѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что русскимъ колоніямъ на Востокѣ, при условіяхъ просвѣщенія и цивилизаціи, не меньше чѣмъ другимъ народамъ суждено будетъ пожать плоды общечеловѣческаго счастья». Вотъ знаменательныя слова незабвеннаго Н. М., вотъ та глубокая вѣра въ будущность страны, и она намъ должна дать силы на продолженіе той работы, которую въ теченіе всей своей жизни, до самаго момента смерти неустанно дѣлалъ Н. М. Ядринцевъ. Но Николай Михайловичъ умирая, не сошелъ съ земли, какъ большинство смертныхъ, безслѣдно: идеи, стремленія и благородныя порывы, которые люди вносятъ въ науку и въ жизнь, не сходятъ съ ними въ могилу, они остаются среди людей, продолжаютъ произрастать, развиваться и давать новыя и новыя сѣмена. Такіе люди, умирая, оставляютъ яркій свѣтъ по пройденному ими пути и ихъ имя сохранить родная страна.

Николай Михайловичъ умеръ на пути новаго изслѣдованія Сибири и погребенъ за счетъ Кабинета Его Величества, въ г. Барнауль. При погребеніи присутствовала масса народа, было получено много телеграммъ и возложено на гробъ до 40 вѣнковъ отъ раз-

личныхъ учреждений, ученыхъ обществъ, редакцій газетъ и частныхъ лицъ.

Скорбная вѣсть о кончинѣ Н. М. съ болью отозвалась въ сердцахъ просвѣщенной Россіи и панихиды по покойномъ служились на всемъ безпредѣльномъ пространствѣ нашей родины, начиная отъ Невскихъ береговъ и до Владивостока и отъ Архангельска до Тифлиса. Панихида была отслужена и крестьянами Ядрицевскаго поселка, что въ Тобольской губерніи.

Въ Имп. Русск. Геогр. Общ., гдѣ Н. М. много разъ дѣлалъ свои сообщенія и доклады, въ первомъ-же осеннемъ общемъ собраніи будетъ возбужденъ вопросъ о чествованіи памяти Ядрицева: это будетъ признаніемъ научныхъ заслугъ покойнаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ и самоотверженныхъ труженниковъ на пользу своей мѣстной родины и благороднымъ идеалистомъ. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Г. О. также озабоченъ вопросомъ о чествованіи покойныхъ изслѣдователей—Ядрицева и Потаниной и предполагаютъ посвятить ихъ памяти одно изъ общихъ осеннихъ собраній.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести списокъ сочиненій Николая Михайловича:

ОТДѢЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ:

Въ 1872 г. издана «Русская Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ».

Въ 1882 г. «Сибирь какъ колонія»; въ 1886 г. она переведена профессоромъ Петри на нѣмецкій языкъ, а въ 1892 г. издана вторымъ изданіемъ и значительно дополнена.

Въ 1891 г. вышла книга «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе».

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ изданій масса статей, разсказовъ, стихотвореній и проч. помѣщено покойнымъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ: перечень ихъ, занимающій четыре страницы, помѣщенъ въ его книгѣ «Сибирь какъ колонія» изд. 1892 г. и въ библіографіи В. И. Межова (см. азбуч. указ. стр. 153 и 154). Въ

обоихъ этихъ изданіяхъ перечень доведенъ до 1892 г., послѣ котораго Н. М. помѣстилъ еще не мало статей въ «Русской Жизни», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Недѣли», «Вост. Обозр.» и друг. Много работъ покойнаго еще не опубликовано и въ рукахъ его друзей находятся вполне оконченныя статьи и масса сырого матеріала.

Смерть собираетъ обильную жатву, и за послѣдніе два года унесла пятерыхъ видныхъ дѣятелей не богатаго силами нашего Отдѣла; все новыя и новыя могилы на погостѣ людей мысли и науки! Въ теченіе одного года одинъ за другимъ сошли въ могилу Потанина, Астыревъ и Ядрищевъ! Дѣятели недавняго прошлаго выбываютъ изъ строя и ихъ мѣста остаются не замѣщенными. Кто-то придетъ имъ на смѣну?

И. И. Поповъ

Яковъ Преинъ.

Матеріаль къ флорѣ острова Ольхона на Байкалѣ.

J. Prein. Beitrag zur Erkenntniss der Flora der Insel Olchon im Baikal.
(Aus vorlaufig. Mittheilungen ueber s. botanisch. Forschungen im Sommer
1892).

Около половины іюня 1892 г. мнѣ удалось сдѣлать три экскурсіи въ береговой полосу острова Ольхона, благодаря любезности г. председателя В. С. Отдѣла Географическаго Общества В. П. Сукачева, пригласившаго меня участвовать въ его пароходной поѣздкѣ по Байкалу, за что я и считаю приятнымъ долгомъ выразить уважаемому В. П. Сукачеву искреннюю благодарность. Во время этой поѣздки мы обошли вокругъ острова и три раза приставали къ берегамъ его: первый разъ—противъ «Ольхонскихъ воротъ», пролива, отдѣляющаго западный конецъ Ольхона отъ берега Байкала, второй—на сѣверовосточной оконечности и третій—на сѣверномъ берегу его. Во время этихъ остановокъ я постарался составить по возможности полный гербарій¹⁾, который и счелъ полезнымъ обработать, такъ какъ систематическій составъ флоры Ольхона остается и до сихъ поръ малоизвѣстнымъ. Нѣкоторыя изъ растений, найденныхъ мной, уже указаны для Ольхона Турчаниновымъ²⁾ и Раде³⁾, но за то мнѣ удалось найти и такія растенія, которыя являются новыми для острова.

¹⁾ Малое число растительныхъ видовъ въ моемъ гербаріѣ обусловливается не только кратковременностью моихъ экскурсій, но главнымъ образомъ бѣдностью береговой флоры острова, о чемъ будетъ сказано ниже.

²⁾ N. Turczaninow. Flora Baicalensi—Daurica.

³⁾ Regel und Herder Plantae Raddeanae.

Прежде чѣмъ излагать произведенныя мною ботаническія наблюденія, считаю нужнымъ привести краткія географическія данныя объ Ольхонѣ, по скольку это необходимо для полученія болѣе рельефнаго представленія о флорѣ острова, заимствуя ихъ главнымъ образомъ изъ статьи Обручева какъ послѣдняго изслѣдователя, связавшаго свои наблюденія съ имѣвшимися литературными данными ¹⁾, а также дополняя своими, хотя и бѣглыми замѣтками.

Ольхонъ, единственный по своей величинѣ байкальскій островъ, простираясь съ WSW на ONO, имѣетъ въ длину около 70 верстъ при ширинѣ 9—13 верстъ, исключая восточной его оконечности, простирающейся SW—NO, гдѣ ширина только 5—6 верстъ. Островъ весьма скалистъ и богатъ обнаженіями, но вершины его нигдѣ не достигаютъ предѣла древесной растительности, что относится и до наиболее высокой точки его—горы Ижимей—на восточномъ концѣ острова, которая имѣетъ по опредѣленію П. Д. Черскаго 3968 ф. высоты надъ уровнемъ океана, или 2407 ф. надъ уровнемъ Байкала. Главный хребетъ острова, простираясь отъ мыса Хушунъ на западномъ концѣ до мыса Шинтуй на восточномъ и постепенно повышаясь отъ запада къ востоку, гдѣ и находится упомянутая высшая точка его г. Ижимей, расположенъ значительно ближе къ южному берегу, чѣмъ къ сѣверному, причемъ и его болѣе крутой склонъ обращенъ также къ югу, влѣдствіе чего, а также и влѣдствіе болѣе сильнаго прибоа Байкала сравнительно съ Малымъ моремъ, южный берегъ Ольхона представляетъ собою почти на всемъ протяженіи высокія скалы то съ отвѣсными почти склонами, то съ чуть пологими, обрывающимися или прямо въ воды Байкала, или отдѣленными отъ нихъ нѣкоторой полосой прибрежья, усыпанной крупными валу-

¹⁾ Georgi Ioh. Gottl. Bemerkungen einer Reise im Russ. Reiche im Jahre 1772. S. Petersb. 1775, I Bnd. p. 58—61.

Gustav Radde. Berichte ueber Reisen im Süden von Ost-Sibirien, p. 259—267.

В. А. Обручевъ. Геологич. изслѣдов. въ Иркутск. губ. Изв. В. С. От. Имп. Р. Г. О. т. XX(, № 3.

нами. Пристать къ этому берегу на пароходѣ, даже подѣхать къ нему на лодкѣ было крайне рискованно, такъ какъ во все время нашей поѣздки вокругъ Ольхона дулъ крайне сильный вѣтеръ и столь пронизывающе-холодный, что на палубѣ парохода было въ пору сидѣть въ шубѣ, и это было 13 и 14-го іюня; между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одной бухты, сколько-нибудь защищенной отъ вѣтра и вслѣдствія, а дно озера вблизи береговой полосы усыяно крупными валунами. Скалы южнаго берега то совершенно голы, то покрыты лѣсомъ, что замѣчается значительно рѣже; на менѣе крутыхъ склонахъ онъ иногда покрываетъ ихъ снизу до верху, иногда растетъ у самаго низа или-же по неглубокимъ разложинамъ, а иногда размѣщается по склону или рѣдко отстоящими другъ отъ друга деревьями, или группами изъ небольшого числа деревьевъ, напоминая тѣмъ самымъ расположеніе шиповъ на валѣ органической машины. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ лиственницъ и особенно изъ сосенъ, къ которымъ кое-гдѣ присоединяются, какъ можно было видѣть въ бинокль, осина и береза, выдѣляясь среди темно-зеленой окраски сосноваго лѣса своею болѣе свѣтлою зеленью и бѣлыми стволами. Все здѣсь до утомленія поражаетъ глазъ своимъ однообразіемъ, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не видно и слѣда человѣка; нѣтъ также вблизи берега сколько-нибудь значительнаго островка, если не считать за таковыя небольшихъ, совершенно обнаженныхъ скалъ, торчащихъ кое-гдѣ изъ воды, очевидно оторвавшихся и свалившихся съ крутыхъ склоновъ хребта. — Что касается до восточнаго конца острова, то онъ, какъ говоритъ В. А. Обручевъ, за мысомъ Хагай (см. карту къ его статьѣ) представляетъ нѣсколько короткихъ рядовъ вершинъ, простирающихся отъ берега Малаго моря къ берегу Байкала, а нѣсколько поперечныхъ гривъ разбиваютъ эту часть острова на болѣе или менѣе обособленныя котловины, что, впрочемъ, не замѣтно было съ парохода, откуда можно было видѣть только, что вся почти восточная береговая полоса, по скалистому характеру своему и лѣсистости, мало чѣмъ отличается отъ южной. Западный берегъ острова, обра-

щенный къ Олхонскимъ воротамъ, очень извилистъ такъ какъ здѣсь далеко вдающіяся въ проливъ высокія и обрывающіяся прямо въ воду безлѣсныя скалы мысовъ чередуются съ длинными, глубоко вѣзающимися въ островъ заливами, но склонамъ также безлѣсными, представляющими удобныя бухты. Сѣверный берегъ острова значительно отличается отъ южнаго тѣмъ, что онъ болѣе пологъ и большимъ обиліемъ бухтъ съ песчанымъ дномъ, такъ что пристать къ нему не представляло-бы во многихъ мѣстахъ особыхъ затрудненій, если-бы во время нашего плаванія не было густого тумана; волненіе въ этихъ бухтахъ мало, что происходитъ, конечно, отъ того, что онѣ защищены отъ вѣтра болѣе или менѣе выдающимися въ Малое море мысами, да и вѣтеръ и волненіе въ Маломъ морѣ не столь сильны, какъ въ самомъ Байкалѣ. Промежуточныя части между бухтами представляютъ собою берегъ то высокій и скалистый, причемъ обрывы скалистыхъ частей значительно ниже скалъ южнаго берега, то плоскій и песчаный, что особенно замѣтно въ средней части, гдѣ онъ является на значительномъ протяженіи пологимъ, прерываясь только мысами, которые, какъ и по всему сѣверному берегу, имѣютъ крутые или отвѣсные склоны. Плывъ по Малому морю противъ середины острова, не смотря на густой туманъ и мелкій дождь, при прорывахъ тумана можно было легко замѣтить постепенный подъемъ мѣстности внутрь острова и главный кряжъ его, выдѣляющійся темною зеленью кедровыхъ насажденій, отъ котораго къ берегу отходятъ широкія и низкія отраели, оканчивающіяся выше упомянутыми мысами, обрывающимися въ Малое море, и раздѣленные широкими долинами. Разнообразіе сѣвернаго берега нѣсколько усиливается находеніемъ возлѣ него острововъ, изъ которыхъ два сравнительно велики; большинство-же другихъ значительно меньше и представляютъ почти голыя, безлѣсныя скалы отъ нѣсколькихъ десятковъ, до нѣсколькихъ сотъ кв. сажень, поднимающіяся надъ уровнемъ воды самое большее сажень на 15 и дающія приютъ стадамъ чаекъ и баклановъ, рѣзкіе крики которыхъ хорошо гармо-

нируютъ съ общимъ суровымъ характеромъ природы и сѣвернаго берега Ольхона.

Что касается до горныхъ породъ, которыя составляютъ островъ, то И. Д. Черскій относитъ ихъ къ верхнему ярусу Лаврентьевской формациі; эти породы по наблюденіямъ г. Обручева «представляютъ перемежаемость кристаллическаго известняка, обыкновенно графитоваго, съ слюдистыми и роогообманковыми гранитами и гнейсами, переходящими нерѣдко въ аплиты (вслѣдствіе исчезновенія слюды и ея эквивалентовъ) и рѣже гранито-сіенитъ и сіенитъ (вслѣдствіе исчезновенія кварца); второстепеннымъ распространеніемъ пользуются кварцы, кварциты, графитовые гнейсы и граниты». Преобладающій характеръ почвы каменистый или песчаный, что происходитъ отъ разрушенія гранитовъ и гнейсовъ, преобладающихъ породъ острова. Кромѣ того на Ольхонѣ много пространствъ, состоящихъ изъ сыпучаго песку; особенно часты такія пространства на сѣверной половинѣ, вблизи береговъ Малаго моря, гдѣ они мѣстами тянутся вдоль берега довольно широкой полосой; такіе-же сыпучіе пески я видѣлъ и на западномъ концѣ острова, по берегамъ его бухтъ. Орошеніе Ольхона очень скудно, такъ какъ отсутствіе сколько-нибудь значительной продольной долины, собирающей осадки съ значительной площади, обуславливаетъ собою отсутствіе сколько-нибудь значительной рѣчки, короткія-же поперечныя долины острова имѣютъ слишкомъ маленькіе питательные бассейны; кое-гдѣ по-болѣе низкимъ долинамъ и пологимъ склонамъ главнаго хребта попадаются и небольшія болота. Кромѣ того, на Ольхонѣ имѣются два озера: Загли, на западномъ концѣ острова, которое мнѣ удалось самому видѣть, и Елгай на сѣверномъ берегу.

Климатъ Ольхона очень суровъ; туманы, какъ говорятъ, бывають весьма часто, и въ такіе-то дни особенно чувствуется прохлада воздуха. Во время нашей поѣздки въ одинъ изъ такихъ дней быть на берегу острова въ лѣтней одеждѣ было-бы безъ движенія затруднительно. Я не говорю уже про ночи, когда въ августѣ, какъ

говорятъ, бываютъ заморозки, не дающіе вырѣвать даже озимой ржи, что по словамъ жителей и составляетъ главное препятствіе развитію здѣсь земледѣлія. Значительный интересъ представляли для меня наблюденія надъ временемъ цвѣтенія нѣкоторыхъ ольхонскихъ растений сравнительно съ цвѣтеніемъ тѣхъ же видовъ въ окрестностяхъ Иркутска и по дорогѣ отъ Иркутска къ с. Лиственничному на Байкалѣ. Цвѣтеніе многихъ ольхонскихъ видовъ оказалось запоздалымъ; да и всѣ тамошніе экземпляры, собранные мной, отличаются меньшимъ ростомъ и слабымъ развитіемъ, хотя я старался брать наиболѣе развитыя формы. Такой-же фактъ, т. е болѣе позднее цвѣтеніе растений на Ольхонѣ, обнаруживается не только по сравненію съ окр. Иркутска, но и съ такою болѣе высоко-поднятою, чѣмъ Ольхонъ, страной, какъ Прикосокольская Монголія, гдѣ въ 1887 году, въ тѣ-же числа іюня и еще болѣе раннія, мнѣ приходилось собирать многія ольхонскія формы, несравненно болѣе развитыя во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ почему я присоединяюсь къ заявленію В. А. Обручева, что для выясненія особенностей климата Ольхона слѣдовало-бы на немъ устроить метеорологическую станцію, «такъ какъ суровость ольхонскаго климата противорѣчитъ установленному мнѣнію объ умѣряющемъ вліяніи Байкала на климатъ сосѣдней съ нимъ мѣстности».

Перехожу теперь къ изложенію нѣкоторыхъ своихъ наблюденій ботаническаго характера, но предварительно долженъ оговориться, что я почти вовсе не видалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ волиѣ преобладаетъ лѣсная формація, состоящая здѣсь изъ породъ, растущихъ и по сую сторону Байкала. По даннымъ, сообщаемымъ Георги, Раде, Обручевымъ и собраннымъ мною свѣдѣніямъ, лѣсныя породы здѣсь слѣдующія: лиственница, пихта, кедръ, растущій по главному кряжу острова, сосна, береза, тополь (*Populus suaveolens* Fisch) и осина; а изъ кустарниковъ: нѣкоторыя ивы, черемуха, березовый ерникъ (*Betula pana*), сѣрая ольха, шиповникъ, багульникъ (*Rhododendron dahuricum*) золотарникъ (*Caragana pygmaea*), *Potentilla fru-*

ticosa, *Spiraea*, *Cotoneaster*, брусника и голубика. Привожу здесь со словъ Обручева сѣверную границу лѣса: она тянется отъ мыса Уншунъ наискось къ средней части Хужирской долины и за нею достигаетъ берега Малаго моря: передъ мысомъ Харанса она опять отступаетъ на 3—4 версты къ югу и вновь достигаетъ берега за мысомъ Нюргонэ. Наконецъ, за мысомъ Уланъ Байсанъ, она пересекаетъ островъ наискось къ мысу Хагай; восточный конецъ Ольхона представляетъ отдѣльныя рѣдкія рощицы среди обширныхъ пастбищъ. Видѣныя-же мною лѣсныя насажденія на сѣверномъ берегу и на восточномъ концѣ острова находились, такъ сказать, на границѣ лѣсной и степной флоры, такъ что представляли значительный интересъ въ смыслѣ наблюдений взаимнаго отношенія обѣихъ формаций, изъ коихъ степная, своеобразно развитая на Ольхонѣ, какъ будетъ сказано ниже, оставляетъ въ общемъ, на первый взглядъ, непривлекательное впечатлѣніе, особенно на западномъ концѣ его, гдѣ я не видѣлъ ни одного деревца, а склоны бухтъ, холмы—все было желто-сѣрой окраски; почва вездѣ была сухая или каменистая, тамъ и сямъ по склонамъ видѣлись болѣе или менѣе значительные выходы горныхъ породъ; только при ближайшемъ осмотрѣ глазъ открывалъ присутствіе многихъ цвѣтущихъ формъ. Такіе-же пустынные на видъ степные участки были замѣчены и при остановкѣ на восточномъ концѣ Ольхона, только здѣсь значительно разнообразили картину лиственничный и сосновый лѣса, расположенные клочками по склонамъ бухты. Сѣверный-же берегъ, гдѣ была наша остановка (почти въ серединѣ его), представлялъ еще болѣе значительное разнообразіе; здѣсь были и болѣе ровныя и плоскія пространства между мысами, спускающимися въ Малое море, то покрытыя соснами и лиственницами, то лишенные лѣса и степныя, то покрытыя сыпучимъ пескомъ. Лѣса, замѣченные здѣсь, доходящіе мѣстами до самаго берега, составляли непосредственное продолженіе лѣсовъ внутренности острова. Деревья въ такихъ лѣсахъ стояли очень рѣдко одно отъ другого, были невысокаго роста, приземисты при сравнительно зна-

чительной толщинѣ, подлѣска не было; травяныя формы все свѣтолюбивыя—не образовывали сплошнаго ковра, мховъ совершенно не было, лѣсныхъ лишайниковъ тоже, а только тѣ, которые и на упомянутыхъ безлѣсныхъ равнинахъ съ каменистою почвою и на выходахъ горныхъ породъ. Но дальше внутрь острова, какъ я самъ убѣдился, углубившись въ лѣсъ, лѣсная флора начала проявляться уже замѣтно; появились кустарники: *Spiraea*, *Potentilla fruticosa*, *Rosa cinnamomea*, *Cotoneaster*, *Rhododendron dahuricum*, мхи и лѣсные лишайники, нѣкоторыя лѣсныя травы, но впрочемъ на ряду съ ними среди лѣса попадались и нѣкоторыя степныя формы, напр. *Patrinia sibirica*, *Phlox sibirica*, *Oxytropis oxurphylla*, какъ-бы указывая на прежнее развитіе здѣсь степной флоры.—Упомянутыя мною безлѣсныя мѣста, наблюдавшіяся, какъ сказано, при всѣхъ трехъ остановкахъ на берегахъ Ольхона и особенно развитыя на западномъ концѣ его, расположены или на ровныхъ участкахъ или на склонахъ холмовъ. Трудно коротко сказать, что представляютъ по флорѣ такія пустынные на видъ пространства. Это съ одной стороны степь съ многими травами, свойственными нагорнымъ степямъ Забайкалья и сосѣдней Монголіи, съ другой тутъ есть нѣкоторое сходство съ каменистою лишайниковою тундрой глубокаго сѣвера (*Barren-Grounds* Арктической Америки), особенно тамъ, гдѣ почва болѣе камениста. Только тамъ, гдѣ недавно протекалъ, или еще протекаетъ ручей или гдѣ въ ложбинкѣ удержалась еще сырость въ почвѣ, видна еще болѣе свѣжая зелень, а то всюду вялая, однообразная, желтовато-сѣрая и утомительная окраска, удручающе дѣйствующая на глазъ; всюду камень, всюду вѣтеръ, неутомимо ударяющій волны о скалы береговыхъ мысовъ; стаи баклановъ и чаекъ, носящіяся надъ водой, изрѣдка пролетающій турпанъ еще болѣе наводятъ тоски на наблюдателя. Но и эти мѣста окажутся нѣсколько болѣе привлекательными, особенно для ботаника, если вы перестанете смотрѣть вдаль, на общій характеръ окружающей природы, а будете обращать вниманіе подъ ноги, на

ближайшую обстановку. Тогда и на небольшомъ участкѣ найдется много интереснаго: невысокія травы, часто съ красивыми цвѣтами, перемежаны съ желтыми лишайниками, засохшими и пожелтѣвшими стеблями какого-то злака, придающими вмѣстѣ эту однообразную въ общемъ окраску, утомляющую глазъ. Упомянутые лишайники на такихъ безлѣсныхъ мѣстахъ встрѣчаются въ значительно большемъ количествѣ тогда, когда онѣ расположены по склонамъ возвышенностей, гдѣ всегда замѣчаются болѣе или менѣе значительные выходы горной породы, но при этихъ условіяхъ, особенно на обращенныхъ къ югу склонахъ, къ нимъ присоединяются и нѣкоторыя другія растенія, какъ степныя, такъ и свойственныя выходамъ горныхъ породъ, дѣлая покровъ склона значительно разнообразнѣе. — Вотъ перечень наблюдавшихся мною степныхъ растеній на Ольхонѣ: *Alyssum lenense* Adams, *Smelowskia cinerea*, *Arenaria capillaris*, *Stellaria dichotoma*, *Stellaria glauca*, *Linum sibiricum*, *Thymus serpyllum*, *Dracocephalum pinnatum*, *Cerastium arvense*, *Rheum undulatum*, *Goniolimon speciosum*, *Polygonum divaricatum*, *Berinia tenuifolia*, *Oxytropis muricata*, *Cymbaria dahurica*, *Thermopsis lanceolata*, *Umbilicus spinosus*, *Eritrichium obovatum*, *Potentilla cinerea*, *Patrinia sibirica*, *Hedysarum setigerum*, *Astragalus lupulinus*, *Artemisia frigida*, *Oxytropis oxyphylla*, *Iris flavissima*, *Potentilla sericea*, *Allium tenuissimum*, *Festuca ovina*, *Triticum cristatum*, *Papaver alpinum*, *Lilium tenuifolium*, *Clausia aprica*, *Thalictrum foetidum*, *Polygala tenuifolia*, *Chamaerhodos altaica*, *Androsace villosa*, *Caragana pygmaea*, *Ephedra monosperma* и н. д. — Вернемся теперь къ описанію растительности лѣсныхъ сколковъ, расположенныхъ на границѣ съ степною флорою ¹⁾. Въ добавленіе къ сказанному уже прежде относительно флоры такихъ лѣсовъ на сѣверномъ берегу острова приведу здѣсь вкратцѣ свои наблюденія, сдѣ-

¹⁾ Я не нахожу другого слова, какъ степной, для обозначенія растительности безлѣсныхъ мѣстъ Ольхона, все равно, равнаго-ли онѣ характера или расположены по склонамъ. Впрочемъ, такого же характера отчасти наблюдалась мной и флора въ Прикосоогольской Монголіи.

ланныя на восточномъ концѣ его. Здѣсь по склону возвышенности среди чисто лиственничнаго лѣса мнѣ пришлось собрать много свѣтолюбивыхъ формъ, даже чисто-степныхъ. *Scorzonera radiata*, *austriaca*, *Phlox sibirica*, *Pedicularis rubens*, *Astragalus versicolor*, *Aster alpinus*, *Euphorbia Esula*, *Oxytropis oxyphylla*, *Vicia megalotropis* и н. др. росли здѣсь на ряду съ немногими лѣсными формами, какъ-то *Iris ruthenica*, *Aquilegia sibirica*, *Lathyrus humilis* и др. Подобное-же явленіе, но еще въ большей степени я наблюдалъ и въ чисто сосновомъ лѣсу, расположенномъ въ видѣ клочка на безлѣсномъ въ общемъ склонѣ бухты, обращенномъ къ югу. Здѣсь на сухой даже каменистой почвѣ росли болѣе или менѣе далеко отстоящія одна отъ другой сосны, не отличающіяся высокимъ ростомъ, но за то довольно толстыя, приземистыя и съ шапкообразными верхушками; ни болѣе мелкихъ деревьевъ, ни какихъ-либо пней и погибшихъ стволовъ какъ внутри этого клочка, такъ и на окраинахъ его я не видѣлъ. Въ такомъ лѣсу мнѣ съ перваго же раза бросилось въ глаза изобиліе растущихъ здѣсь *Anemone patens*, *Anemone Pulsatilla*, *Cymbaria davurica*, *Thermopsis lanceolata*, *Phlox sibirica*, *Peucedanum*, *Polygala tenuifolia*, *Rhaponiticum uniflorum*, *Iris flavissima*, *Serratula centauroides*, *Senecio campestris*, *Aster alpinus*; — все это формы, попадающіяся въ обиліи и на безлѣсныхъ степныхъ склонахъ. Приведенные здѣсь факты указываютъ, мнѣ кажется, на то, что описываемые участки лѣса развились здѣсь уже на почвѣ, занятой ранѣе степною флорою ¹⁾. Разсматривая мой

¹⁾ Я вполне раздѣляю взглядъ академика Коржинскаго по отношенію къ степи и лѣсу, что всюду, гдѣ соприкасаются лѣсная и степная формація, лѣсная, какъ болѣе сильная и совершенная, вытѣсняетъ вторую (см. Коржинскій. Сѣверная граница черноземно-степной области вост. пол. Евр. Россіи 1888 и 1891 г.). Считаю невозможнымъ въ настоящей статьѣ останавливаться на подробномъ выясненіи сказаннаго, отвѣчу только на тотъ вопросъ, который могутъ мнѣ задать, почему-же на островѣ Ольхонѣ лѣсъ не занялъ всего пространства, тѣмъ болѣе, что человекъ въ очень слабой степени, благодаря малонаселенности острова, нарушаетъ тамъ ходъ естественной борьбы между степью и лѣсомъ. Дѣло въ томъ, что условія суб-

списокъ растений, состоящій въ преобладающемъ количествѣ изъ степныхъ формъ, можно легко усмотрѣть, что на Ольхонѣ встрѣчается много такихъ формъ, которыя, встрѣчаясь въ Забайкальѣ, не найдены по сю его сторону или были найдены въ очень немногихъ мѣстахъ и въ небольшомъ количествѣ, а Турчаниновымъ считались обитателями только Забайкалья, каковы напр.: *Ptilotrichum elongatum*, *Saragana rugosa*, *Oxytropis oxypylla*, *Astragalus versicolor*, *Hedysarum setigerum*, *Chamaerhodos altaica*, *Scrophularia incisa*, *Polygonum Laxmanni*, *Reum undulatum*, *Cymbaria dahurica* и др. Эти степныя формы Забайкалья не могли, конечно, переселиться отсюда на Ольхонъ въ болѣе позднее время, но представляютъ собою отголоски той болѣе древней степной флоры, которая когда-то была общою всему Прибайкалью и сосѣдей Монголіи. Вытѣсненная почти или вытѣсняемая во многихъ мѣстахъ лѣсною формациею или другими, болѣе приспособленными элементами степной формации, вновь образовавшимися на мѣстѣ подъ вліяніемъ измѣненія физико-географическихъ условій, или переселившимися изъ другихъ центровъ, удержалась однако еще мѣстами, напр. на Ольхонѣ, въ некоторыхъ пунктахъ Балаганскаго округа Иркутской губерніи (см. мой предва-

страта для растений на Ольхонѣ и сильныя вѣтры, я увѣренъ, во многихъ мѣстахъ положительно исключаютъ существованіе лѣса, и только тамъ, гдѣ лѣснымъ сѣменамъ представлялась малѣйшая возможность укрѣпиться, лѣсъ и существуетъ.—Суди по флорѣ острова Ольхона, мнѣ кажется, что и относительно изслѣдованія степной растительности Сибири можетъ имѣться въ виду взглядъ Dr. Alfr. Nehring'a (*Ueber Tundren und Steppen d. Jetzt—und Vorzeit.* Berl. 1890), что степи наши со времени ледниковаго періода представляли изъ себя сначала тундры, или, по выраженію Nehring'a, арктическія степи, измѣнившіяся съ повышеніемъ температуры въ степи, смѣняющіяся затѣмъ лѣсомъ. Самый характеръ степной флоры Ольхона, присутствіе многихъ растений, близкіе виды которыхъ встрѣчаются теперь въ тундрахъ сѣвера, невольно заставляють склоняться къ этому. Впрочемъ, пока еще вопросъ о ледниковомъ періодѣ въ Сибири не вырѣшенъ окончательно въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, останавливаться на подробномъ приложеніи взгляда Nehring'a мнѣ кажется неумѣстнымъ, особенно въ настоящей статьѣ.

рительный отчетъ въ XXIII т. Изв. В. С. О. И. Р. Г. Общ.),—въ Забайкальѣ. Относительно другихъ растительныхъ формаций, наблюдавшихся мною на Ольхонѣ, въ виду кратковременности моихъ изслѣдованій, я говорить не буду; замѣчу только, что нѣкоторый своеобразный по флорѣ характеръ имѣютъ сыпучіе пески, что, а равно и дальнѣйшія подробности можно отчасти усмотрѣть изъ приложеннаго здѣсь списка растений, которому я и придаю главную цѣну настоящей работы.

Относительно нижеслѣдующаго списка растений я долженъ оговориться, что въ него введены мной нѣсколько видовъ, собранныхъ и не на Ольхонѣ, но у с. Лиственничнаго и на берегу Байкала у бухты Песчаной. Такихъ видовъ крайне немного, но они представляютъ нѣкоторый интересъ въ дѣлѣ познанія флоры Прибайкалья.

1) *Thalictrum foetidum* L. v. *pilosulum* Rgl. Thal. p. 33, n. 13. Сухіе безлѣсные склоны горъ, едва зацвѣт.

2) *Anemone patens* L. a. *genuina* Rgl. Pl. Radd. p. 20 flore violaceo. Сосновый лѣсъ по склону горы. Отцвѣт. экземпляры.

3) *Anemone Pulsatilla* L. var. Экземпляры отцвѣтшіе и плохо сохранившіеся; тамъ же, гдѣ и предыдущее.

4) *Anemone sylvestris* L. Собранный еще не цвѣтушій экземпляръ на сухой луговинѣ, среди лѣса, на сѣверномъ берегу острова; корней. листья видѣлъ часто во многихъ мѣстахъ.

5) *Ranunculus Cymbalariae* D. C. На сырой песчаной почвѣ, вблизи оз. Зазаги; цвѣтуш.

6) *Ranunculus pulchellus* C. A. M. a. *typicus* Rgl. Pl. Radd. n. 54. Сырое побережье ручья на Ольхонѣ и сырое-же побережье маленькаго островка, лежащаго въ Маломъ морѣ, вблизи Ольхона; цвѣтуш.

7) *Ranunculus affinis* R. Br. a. *typicus* Maxim, Enumer. mong. n. 36. *Lusus leiocarpus* Trautv. Сырое побережье ручья; цвѣтуш.

8) *Ranunculus auricomus* L. subsp. *sibiricus* Glehn. Коржвинскій. Фл. Вост. Евр. Росс., с. 92. Одинъ едва цвѣт. экземп.

нашелъ въ смѣшанномъ еосновомъ и лиственничномъ лѣсу на сѣверномъ берегу острова.

9) *Ranunculus acer* L. subsp. *Steveni* Корж. l. c. p. 97. На загороженномъ сѣнокосномъ лугу (утугъ) на западномъ концѣ остр.; цвѣт.

10) *Isopyrum fumarioides* L. Сорное растеніе вблизи улуса на сѣв. берегу острова; цвѣтуш.

11) *Aquilegia sibirica* Lam. var—? Еще не цвѣт.; въ лиственничн. лѣсу на сѣв. бер. остр.

12) *Delphinium elatum* L. var—? Нашелъ одинъ молодой нецвѣтуш. экз. на сѣв. бер. остр.

13) *Delphinium grandiflorum* L. Находилъ только нижнія части стеблей съ корн. листьями кое-гдѣ по степнымъ склонамъ.

14) *Paraver alpinum* L. a. *nudicaule* Fisch. et Meylus. a. *turicum* Rgl. Находилъ цвѣт. на каменныхъ склонахъ, на утесахъ.

15) *Alyssum alpestre* L. (*Odontarrhena tortuosa* C. A. M.) На береговомъ пескѣ на Ольхонѣ, также на пескѣ въ бухтѣ Песчаной. Мои оба экземп. подходятъ подъ описаніе первой разновидности *O. tortuosa* у Турчанцова.

16) *Alyssum lenense* Adams a. *dasycarpum* Trautv. Цвѣтуш. и съ не вполне развит. стручками. На сухихъ безлѣсныхъ, также каменныхъ склонахъ, на ровныхъ безлѣсныхъ мѣстахъ.

17) *Ptilotrichum elongatum* C. A. Mey. Turcz l. c. 1, p. 130. Крайне плохо развитый экземпляръ, едва начинающ. цвѣти, собранъ на безлѣсномъ склонѣ.

18) *Draba nemorosa* L. a. *lejosarpa* Lindbl. На сухой луговинѣ возлѣ улуса. Цвѣт. и съ плодами.

19) *Clausia arctica* Korn Trotzky. На солнечныхъ сухихъ склонахъ, на склонахъ съ каменною почвою, на выходахъ горныхъ породъ. Цвѣт., но очень низкіе экземп.

20) *Erysimum altaicum* C. A. Mey. Maxim. Enum. Mong. n. 157. (= *E. cheirathus* Pres. b. *subincanum* Led. Rgl. Pl. Radd. n. 238). На склонѣ съ каменст. почв. на зап. концѣ остр. нашелъ нѣск. цвѣт. экземп.

21) *Smelowskia cinerea* C. A. Mey. a. *incano-cinerea* Turcz. l. c. 1, p. 168. На утесахъ и сухихъ каменныхъ склонахъ находилъ часто цвѣт. экз.

22) *Isatis tinctoria* L. var. *oblongata*. Maxim. Enum. Mong. p. 72. Бухта Песчаная на Байкалѣ, на береговомъ пескѣ; цвѣт. и съ незрѣл. плодами.

23) *Polygala vulgaris* L. var. *comosa* Rgl. Bull. d. Mosc. 1861, IV, p. 514. lus. a. *communis*. Нашелъ цвѣтущ. экземп. на сѣверномъ б. острова.

24) *Polygala sibirica* L. var. *tenuifolia* Willd. (= *P. sibirica* L. b. *angustifolia* Ledeb). Цвѣт. Сухие безлѣсн. склоны, часто съ каменст. почвой; нашелъ много экземп. и въ сосновомъ лѣскѣ на восточн. концѣ острова.

25) *Dianthus superbus* L. b. *rubicundus* Ser. Въ листв. лѣсу на сѣв. бер. острова собралъ еще не цвѣтущ. экземпляръ.

26) *Gypsophila Gmelini* Bnge Turcz. l. c. p. 199. Въ герб. имѣются только два экземпляра, состоящіе изъ корней съ нижними листьями, собран. на западн. бер. остр., на склонѣ съ выходами горн. породы.

27) *Silene ambigua* Turcz. b. *odorata* Turcz. Цвѣт.; на береговомъ пескѣ, на Ольховѣ, а также и въ бухтѣ Песчаной.

28) *Lychnis sibirica* L. Начинаящ. цвѣти экземп. нашелъ на сухомъ безлѣсномъ склонѣ.

29) *Stellaria dichotoma* L. a. *cordifolia* Bnge Enum. alt. p. 34. На сухихъ безлѣсн. склонахъ; цвѣт.

30) *Stellaria glauca* With. a. *typica* lus. *pubesula* Rgl. Pl. Radd. n. 334. Степное растеніе; цвѣтущ.

31) *Stellaria glauca* With. var. *dahurica* lus. *virescens* Rgl. l. c. (*S. falcata* Ser. a. *communis* Turcz). Нашелъ два экземп. на сыпучемъ пескѣ; цвѣт.

32) *Arenaria capillaris* Poir. var. *glandulosa* Fenzl. in Ledeb. Fl. Ross. 1. p. 367 (*A. capillaris* var. *aurifolia* Rgl. l. c. n. 312). Каменные склоны, выходы горныхъ породъ; цвѣт.

33) *Cerastium arvense* L. v. *angustifolium* Fenzl. По сухимъ безлѣснымъ мѣстамъ, какъ ровнымъ, такъ и по склонамъ; цвѣт.

34) *Geranium sibiricum* L. Слабо развитые, еще не цвѣтуш. экземпляры собраны на пескѣ; между галькой, на восточномъ концѣ острова.

35) *Geranium pseudo-sibiricum* I. Mey. На окраинѣ смѣшаннаго лѣса лиственницъ и сосенъ лѣса, на сѣв. бер. острова; начинается цвѣсти.

36) *Linum sibiricum* D. C. По сухимъ безлѣсн. склонамъ возвышенностей; начинающ. цвѣсти.

37) *Thermopsis lanceolata* R. Br. 1) на сухомъ пескѣ у подошвы выхода гранита, 2) на безлѣсномъ склонѣ, 3) въ сосновомъ лѣскѣ на сухомъ склонѣ. Цвѣт.

38) *Trifolium repens* L. На сырой лужайкѣ у ручейка на сѣв. бер. остр. нашелъ одинъ слабо развитый, начинающ. цвѣсти, экземпляръ.

39) *Caragana rugosa* D. C. var. *secunda* Turcz. l. c. 1. p. 287. На сухихъ склонахъ и вершинахъ съ выход. горн. породъ на западн. концѣ остр.; цвѣт.

40) *Oxytropis muricata* Pall. (Sub. Astr.) Astr. p. 84. *O. muricata* D. C. in Turcz. Fl. Baic-dah. и Led Fl. Ross.). На сухомъ каменистомъ склонѣ на зап. концѣ остр.; два цвѣтушихъ экземпляра.

41) *Oxytropis oxurphylla* Pall (sub. *Phaca* Itin. III. n. 118 e. sub. *Astragalo* Astr. p. 90). *O. oxurphylla* D. C. Turcz l. c. n. 317. Среди лиственничнаго рѣдкаго лѣска и на сухомъ склонѣ горы собрано нѣсколько цвѣтуш., но безъ плодовъ экзempl., которые болѣе всего приближаются къ описанію *O. oxurphylla* Pall; но у всѣхъ у нихъ *scapus et folia sericeo-villosa, flores caeruleo-violacei sunt* (var *caeruleans* Freyn? Pl. Karoanae Oest. Bot. Zeitschrift 1889, p. 388). Впрочемъ, можно найти много сходства и съ *O. Selengensis* Vnge *Oxytr.* p. 143. Одинъ изъ собранныхъ мною экземпляровъ формою листочковъ, *habitus* омъ весьма подходитъ подъ описаніе Турчанинова *O. oxurphylla* D. C., хотя листочки

на моемъ экземплярѣ обнаруживаютъ большее стремленіе къ расположенію по-парно, чѣмъ мутовками. — Мнѣ кажется, что многіе изъ близкихъ видовъ, какъ *O. dubia* Turcz, *O. Selengensis* Bnge, *O. verticillaris* D. C.—ничто иное, какъ гербарные только виды, составляя въ дѣйствительности формы чрезвычайно полиморфнаго вида *O. oxurphylla* Pall. Не имѣя въ распоряженіи большого гербарнаго матеріала и экземпляровъ съ плодами, высказаться въ этомъ отношеніи опредѣленіе не рѣшаюсь.

42) *Oxytropis coerulea* Pall (Sub. Astr. Itin. III, p. 293). Bnge *Oxytr.* n. 38, p. 35. Цвѣтушій экз. нашелъ на песчаномъ участкѣ среди рѣдкихъ сосенъ.

43) *Astragalus lupulinus* Pall (Bnge Astr. II, p. 238). Нѣсколько цвѣтушихъ экземпляровъ найдено на безлѣсномъ склонѣ. *A. lupulinus* Pall. var. *prior*. Turcz l. c. p. 329.

44) *Astragalus versicolor* Pall. На утесахъ, на береговомъ пескѣ; цвѣтуш.

45) *Hedysarum setigerum* Turcz. var. *tertia* Turcz.—нѣсколько начавшихъ цвѣти экземпляровъ нашелъ на сухомъ безлѣсномъ, каменистомъ склонѣ.

46) *Ervum megalotropis* Trautv. var. *multicaulis* Trautv. (= *V. megalotropis et multicaulis* Ledeb); начин. цвѣты; на безлѣсномъ склонѣ горы.

47) *Lathyrus humilis* Fisch. var. *genuina* Trautv. Cat. vic. ross n. 65. Отцвѣтшіе экземпляры находилъ въ лиственничномъ лѣсу.

48) *Spiraea confusa* Rgl. et. Körn. var. *subglabra* Rgl. Fl. Uss. n. 151. Кусты безъ цвѣтковъ находилъ въ лиственничн. лѣсу на сѣв. берегу острова.

49) *Potentilla cinerea* Chaix b. *trifoliata* Koch (*P. subcaulis* L. Turcz. l. c. p. 378). Отцвѣтш., на сухомъ каменист. склонѣ.

50) *Potentilla bifurca* L. a *major* Ledeb. На сухихъ безлѣсныхъ склонахъ; цвѣт.

51) *Potentilla sericea* L. маленький, слабо развитый экземп.

едва зацвѣтшій, нашель на каменист. склонѣ, на западн. оконечн. острова.

52) *Potentilla nivea* L. (?) Нашель одинъ плохой экземп. на каменистомъ склонѣ, весьма приближайщійся къ *P. niveae* L. a. *vulgari formae alpinae* Lehm. Rev. Potent.

53) *Potentilla anserina* L. a. *communis* Lehm. *discolor* Lehm. Rev. Pot. p. 188. *P. anserina* L. a. *communis* Turcz. l. c. p. 391. Цвѣт., на песчано гальковомъ прибрежѣ сѣв. берега.

54) *Potentilla pensylvanica* L. *nudicaulis* (?) Lehm. Rev. Pot. p. 58. Найденъ одинъ, соевѣтъ неразвитый, только набравшій цвѣтъ экземп. на сухомъ каменистомъ склонѣ, точное описаніе котораго привожу: caubilus strictis (ex una radice—3), basi tantum subascendentibus, oligophyllis, subglabris (parce tenuissime pubescentibus), a basi usque ad medium rubro coloratis; foliis subglabris, subtus canescentibus, margine revolutis; floribus congestis—?

55) *Potentilla fruticosa* L. forma foliolis latioribus oblongis, utrinque hirsutis Turcz. l. c. 1, p. 393. На сѣв. бер. острова въ лиственничн. лѣсу, растушемъ вдали отъ берега.

56) *Chamaerhodos altaica* Bnge a. *caespitibus densis*, caubibus humilibus, folia ad medium congesta non excedentibus; caubibus 1—2 floris Turcz. l. c. 1, e. 397. Цвѣтущ.; на сухомъ каменист. склонѣ 1 экземп.

57) *Chamaerhodos grandiflora* Bnge., на сухихъ каменист. склонахъ.

58) *Sanguisorba officinalis* L. на лужайкѣ, среди лѣса изъ сосенъ и лиственницъ; нач. цвѣсти.

59) *Rosa cinnamomea* L. Въ лиственничн. лѣсу, какъ подлѣсокъ; отцвѣтающ.

60) *Cotoneaster vulgaris* Lindl. var.? (Turcz. l. c. 1, p. 408). Безцвѣтн. кустяки; тамъ-же, гдѣ и предыдущ.

61) *Epilobium angustifolium* L. Только стебель съ листьями; еще не цвѣт.; на опушкѣ лиственничн. лѣска.

62) *Epilobium palustre* L. На сырой лужайкѣ у озера на западной оконечн. остр.; еще не цвѣт.

63) *Umbilicus spinosus* D. C. На сухихъ безлѣсныхъ склонахъ, также каменистыхъ; только однѣ прикорм. розетки изъ листьевъ.

64) *Saxifraga bronchialis* L. На каменистыхъ склонахъ на зап. окон. острова, тутъ-же на берегов. пескѣ (въ послѣднемъ случаѣ экземпляры значительно крупнѣе); цвѣтуш.

65) *Saxifraga crassifolia* L. На вершинѣ высокой горы у с. Лиственничнаго на Байкалѣ. Цвѣт.

66) *Peucedanum baicalense* Koch. На сухомъ склонѣ среди рѣдкаго лѣса изъ сосенъ. Только корни съ корнев. листьями.

67) *Galium boreale* L. *latifolium* Turcz.—еще не цвѣт.; въ лиственничн. лѣсу.

68) *Patrima sibirica* Juss. На сухихъ безлѣсн. склонахъ, также каменистыхъ; въ лиственничн. лѣсу на сѣв. б. остр.; на прибрежномъ пескѣ на зап. концѣ Ольхона, цвѣтуш.

69) *Aster alpinus* L. На сухихъ безлѣсныхъ склонахъ; въ лиственничномъ и сосновомъ лѣсахъ на сухомъ склонѣ; цвѣтуш.

70) *Artemisia macrobotrys* Ledeb. а *macrophylla* Bess. Не цвѣт. еще; на опушкѣ лиственничн. лѣса.

71) *Artemisia* spec? Совершенно неразвитый экземпляръ; на лужайкѣ у буряток. улуса на сѣв. бер. острова.

72) *Artemisia commutata* Bess. var? Экземпляръ слабо развитый, еще не цвѣт. Въ сосновомъ лѣсу на сухомъ склонѣ на восточн. концѣ остр.

73) *Artemisia Sieversiana* Willd. На загороженномъ дугу (утугѣ) вблизи улуса на сѣв. бер. острова.

74) *Artemisia palustris* L. Слабо развитый экземп.; собранъ на сыромъ побережьѣ озера на западн. оконечн. острова. Опредѣленъ по сличенію съ имѣющимся въ моемъ гербаріѣ экземпляромъ, опредѣленнымъ Турчаниновымъ, который нашелъ это растеніе на Ольхонѣ, гдѣ также указываетъ его и Steller (см. Gmelin Fl. Sibir. II. p. 119). *Caulis specim. a me collecti intense rubro-violaceus, nec pallide viridis, ut in descriptione Gmeliniana, lobi foliorum anguste lineares, nec lineari-filiformes, ut in descrip-*

tiōne Turczaninowiana. Впрочемъ, Гмелинъ относительно формы листьевъ дѣлаетъ оговорку, что у экземпляровъ съ сырыхъ мѣсть листья шире.

75) *Artemisia frigida* Willd. На сухихъ, обращенныхъ къ солнцу склонахъ съ каменистой почвой. Еще не цвѣт.

76) *Senecio campestris* DC. (floribus flavis)—по сухимъ склонамъ; цвѣт.

77) *Rharronicum uniflorum* DC. На сухихъ безлѣсн. склонахъ; цвѣт.

78) *Serratula centauroides* L. На сухомъ безлѣсномъ склонѣ; въ сосновомъ лѣскѣ на сухомъ склонѣ. Цвѣты еще не распустил.

79) *Achyrophorus maculatus* Scop. Въ опушкѣ лѣса; только корнев. листья.

80) *Scorzonera radiata* Fisch. Среди лиственничнаго лѣса на сухой почвѣ; цвѣт.

81) *Scorzonera austriaca* Willd. На сухихъ, обращенн. къ солнцу склонахъ; цвѣт.

82) *Taraxacum dissectum* Led. Fl. Ross. II, p. 814. T. officinale Wigg. alpinum Koch. b. dissectum Herd. Pl. Radd. T. offic. Wigg. b. palustre Rgl. Desc. pl. nov. fasc. VII; p. 39. (conjung. T. dissectum, Steveni L.). Одинъ цвѣт. экземпляръ собралъ на сухомъ безлѣсномъ склонѣ на зап. концѣ остр.

83) *Berinia tenuifolia* Sz. Bip. Находилъ только корни съ корневыми листьями на сухихъ безлѣсныхъ и каменистыхъ склонахъ.

84) *Campanula glomerata* L. Нецвѣт. еще экземпляръ собралъ на опушкѣ лѣса изъ сосенъ и лиственницъ на сѣв. бер. острова.

85) *Campanula rotundifolia* L. На береговомъ пескѣ острова, также въ бухтѣ Песчаной на Байкалѣ; цвѣтуш.

86) *Vaccinium Vitis idaea* L. Въ лѣсу изъ лиственницъ и сосенъ; цвѣт.

87) *Vaccinium uliginosum* L. a. genuinum Herd. Тамъ же, гдѣ и предъидущ.; безцвѣт. кустики.

88) *Rhododendron dahuricum* L. Въ смѣшанномъ лѣсу изъ сосенъ и лиственницъ; кое-гдѣ еще цвѣт.

89) *Pyrola rotundifolia* L. Не цвѣтуш. еще экземпляръ наход. въ тѣнистомъ лиственничн. и соснов. лѣсу.

90) *Primula farinosa* L. *denudata* W. Koch. Herd. Pl. Radd. in Act. H. P. VI, p. 392. На сыромъ болотист. луку на зап. концѣ остр.; цвѣт.

91) *Primula sibirica* Jacq. *genuina* Trautv. Русск. фл. тетр. 6, стр. 66, таб. 30. На сыромъ луку у озерка на запад. концѣ остр.; цвѣт.

92) *Primula sibirica* Jacq. *b. brevicalyx* Trautv. l. c. Въстѣ съ предыдущей формой собралъ 3 цвѣтуш. экземпляра: одинъ—вышиной, считая отъ основанія стебля до вѣтвей зонтика $1\frac{3}{4}$ дцм., второй—1 дцм. съ небольшимъ и третій—немного меньше 1 дцм. У всѣхъ этихъ экземпляровъ *tubus corallae calyce subduplo longior, folia unius specim. ovato-orbiculata, alterius elliptico-orbiculata, integerrima*. Траутфеттеръ въ «Русск. флорѣ» говоритъ, что форма *brevicalyx* встрѣчается въ полярной Европ. Россіи и на альпахъ Сибири. Настоящее нахожденіе для Сибири (не на альпахъ) не новость. См. Herd. Pl. Radd. и Regel Descript. pl. nov. fasc. II, p. 150.

93) *Androsace septentrionalis* L. var. *lactiflora* Trautv. Pl. Schrenk. n. 741. (= *A. lactiflora* Pall.). Цвѣтушіе экзempl. нашель въ рѣдкомъ лиственничн. лѣсу по склону на восточн. концѣ острова.

94) *Androsace villosa* L. var. *prior* Turcz. l. c. p. 231. На сухихъ ровныхъ безлѣсныхъ мѣстахъ, а также и на безлѣсн. склонахъ; цвѣтуш.

95) *Androsace villosa* L. var. *tertia* Turcz. На каменист. склонахъ; цвѣтуш.

96) *Glaux maritima* L. *b. rosea* Freyn. Pl. Karoanae Oest. Bot. Zeitschr. 1890, p. 158. На береговомъ сыромъ пескѣ между галькой, цвѣтуш.

97) *Orientalis europaea* L. Въ тѣнист. лѣсу изъ сосенъ и лиственницъ; цвѣт.

98) *Vincetoxicum sibiricum* Decaisne. Экземпляръ съ нераспустившимися еще цвѣтками, слабо развитый найденъ на солнечномъ каменистомъ склонѣ. Что касается до *V. thesioides* Freyn l. c., то сомнѣваюсь въ достоинствѣ этого вида. На мой взглядъ у Freyn'a былъ мало развитый экземпляръ *V. sibiricum* (въ родѣ моего), росшій, можетъ быть, въ ненормальныхъ условіяхъ. *V. sibiricum* цвѣтетъ обыкновенно во второй полов. іюня и первой іюля и въ это время отличается большимъ сравнительно ростомъ, какъ это я замѣтилъ въ окрестн. Иркутска, въ Балаганск. окр., въ прикосокольск. Монголіи. Ольхонскій экземпляръ по росту, ширинѣ и длинѣ листьевъ значительно подходитъ подъ описаніе *V. thesioides*, хотя въ то же самое время въ гербаріи своемъ имѣю экземпляры изъ Монголіи и изъ Забайкалья несомнѣнно *V. sibiricum*, отчасти также напоминающіе *V. thesioides*.

99) *Gentiana Amarella* L. нецвѣтущ. еще экzemп. нашелъ въ глубинѣ лиственничн. лѣса на сѣв. бер. остр.

100) *Gentiana barbata* Froel. Нецвѣт. еще экzemп. находилъ въ лиственничн. лѣсу.

101) *Gentiana humilis* Stev. Цвѣт. экземпляръ нашелъ на сыромъ прибрежьи маленьк. ручья.

102) *Phlox sibirica* L.—находилъ цвѣт. экз. на сухихъ южн. склонахъ, также и въ лиственничн. лѣсу на сухомъ склонѣ на восточн. концѣ остр.

✓ 103) *Myosotis sylvatica* Hoffm. a. genuina Herd. Въ лиственн. лѣсу, цвѣт.

104) *Eritrichium obovatum* DC. На сухихъ безлѣсныхъ склонахъ, на каменистыхъ склонахъ; цвѣтуш.

105) *Echinospermum Lappulla* L. На сухомъ безлѣсномъ склонѣ, цвѣтуш.

106) *Linaria vulgaris* Mill. Turcz. l. c. II, p. 328 (*Segmentis calycis ciliatis*). Весьма слабо развитый экzemп., начинающій только цвѣсти; на сухомъ склонѣ.

107) *Scrophularia incisa* Weinm. Очень распространенное растение на береговыхъ пескахъ острова; также въ бухтѣ Песчаной на Байкалѣ; цвѣт.

108) *Veronica longifolia* L. Въ лѣсу изъ лиственницъ и сосенъ, на сырой почвѣ; еще не цвѣт.

109) *Cymbaria davurica* L. на сухихъ безлѣсныхъ мѣстахъ, а также и въ рѣдкомъ сосновомъ лѣскѣ на сухомъ склонѣ на восточн. концѣ остр., цвѣт.

110) *Pedicularis rubens* Steph. Въ лиственничномъ лѣсу; цвѣтуш.

111) *Orobanche amorphila* C. A. Mey. На каменист. склонѣ на западн. концѣ остр.; цвѣт.

112) *Boschniakia glabra* C. A. Mey. С. Лиственничное; на высокой горѣ, цвѣт.

113) *Thymus Serpyllum* L. а. *vulgaris* Benth. По сухимъ склонамъ, выходамъ горн. породъ; еще не цвѣт.

114) *Dracoserphalum pinnatum* L. *vegetius* Ledeb. На сухомъ склонѣ безлѣсномъ, также каменистомъ—нашелъ цвѣтушіе экземпляры на западн. концѣ озера.

115) *Dracoserphalum Ruyschianum* L. Въ лѣсу изъ сосенъ и лиственницъ, нач. цвѣсти.

116) *Scutellaria galericulata* L. v. *scordifolia* Egl. (*S. scordifolia* Fisch). Одинъ начинающ. цвѣсти экземпляръ нашелъ на зап. концѣ острова у подошвы утеса.

117) *Galeopsis Tetrahit* L. Нѣсколько не цвѣтуш. еще экземпляровъ нашелъ вблизи улуса на сѣв. берегу острова.

118) *Leonurus tataricus* L. На загороженной сѣнокосной лужайкѣ, а также 2 экз. на песчаномъ прибрежьи остр.; цвѣт.

119) *Lamium album* L. а. *genuinum* Herd. Pl. Radd. in Act. H. P. X. 1. 1, p. 43. Въ лѣсу изъ сосенъ и лиственницъ; цвѣт.

120) *Goniolimon speciosum* Boiss. На обращен. къ солнцу безлѣсныхъ склонахъ, на каменист. склонѣ; только прикорневые листья.

- 121) *Plantago media* L. Начинаящ. цвѣти экземп. нашелъ вблизи улуса на сѣверномъ берегу острова.
- 122) *Rheum undulatum* L. По сухимъ безлѣснымъ склонамъ, на сухихъ безлѣсн. ровныхъ участк., на зап. концѣ остр., цвѣт.
- 123) *Rumex Acetosa* L. Нѣсколько не разцвѣтшихъ еще экземп. нашелъ на затороженномъ сѣнокосномъ лугу.
- 124) *Polygonum aviculare* L. на прибрежн. пескѣ острова; еще не цвѣт.
- 125) *Polygonum divaricatum* L. а. *glabrum* Meisn. на сухомъ безлѣсномъ склонѣ горы; едва начин. цвѣти.
- 126) *Polygonum Laxmanni* Lerech. а *genuinum* Ledeb. На песчаномъ прибрежьи остр.; цвѣт.
- 127) *Euphorbia Esula* L. *involucellis rhombeis mucronatis*— на сухомъ склонѣ, покрытомъ лиственничн. лѣсомъ; цвѣт.
- 128) *Euphorbia Esula* L. *involucellis subreniformibus rotundatis muticis*. Вмѣстѣ съ предъидущимъ; цвѣт.
- 129) *Urtica dioica* L. а *latifolia* Ledeb. Нѣсколько начинающ. цвѣти экземпляр. нашелъ на прибрежномъ пескѣ.
- 130) *Urtica cannabina* L. Нѣсколько не цвѣтущ. еще экземпляровъ нашелъ на сухомъ сыпучемъ пескѣ.
- 131) *Ephedra monosperma* J. G. Gmel. Led. Fl. Ross. III, p. 664. На сухомъ каменист. склонѣ на зап. оконечн. острова; еще не цвѣт.
- 132) *Cypripedium guttatum* Sw. Собралъ 1 почти отцвѣтш. экземп. въ лиственничномъ лѣсу.
- 133) *Iris flavissima* Pall. It. III, n. 67. Maxim Diagn. pl. nov. asiatic. in Mém. Biolog. v. X, p. 725. На безлѣсныхъ склонахъ, на безлѣсныхъ ровныхъ мѣстахъ; въ соснов. лѣсу на восточн. концѣ остр.; цвѣт.
- 134) *Iris rhuthenica* Dryand (Ait. H. Kew. Ed. 2, I, p. 117) а *typica* Maxim. l. c. p. 704. Въ лиственничн. и соснов. лѣсу; цвѣтуш.
- 135) *Polygonatum officinale* All. Въ лиственничн. лѣсу; еще только одни стебли.

136) *Smilacina bifolia* Desf. Въ лиственничн. лѣсу; едва начинаетъ цвѣсти.

137) *Lilium Martagon* L. Едва развивающіеся экzemпл. безъ цвѣтовъ нашель въ лиственничн. лѣсу.

138) *Lilium tenuifolium* Fisch. На солнечныхъ сухихъ безлѣсныхъ склонахъ, на каменист. скл.; цвѣт.

139) *Allium* sp.? *bulbo, spatha, inflorescentia foliisque similitimum* A. *Schoenpraso* L. На сырой лужайкѣ у озера на зап. концѣ остр.; еще не разцвѣль окончат.

140) *Allium tenuissimum* Willd. Turcz. l. c. II, 2, p. 223. На сухихъ безлѣсныхъ и каменист. склонахъ, цвѣт.

141) *Carex duriuscula* SAM. На сухой безлѣсной равнинѣ, цвѣт. экzemпл.

142) *Carex vesicaria* L. На берегу озера; не цвѣт.

143) *Alopecurus pratensis* L. На сыромъ огороженномъ сѣнокосномъ лугу.

144) *Alopecurus brachystachyus* M. a. Bieb. Ledeb. Fl. Ross. IV, p. 462. (*A. alpinus* Smith. var. a. Turcz. l. c. II, p. 2, p. 290). На сырой прибрежн. песчаной полосѣ.

145) *Poa pratensis* L. (forma typica). На сыроватомъ лугу у озера.

146) *Glyceria subfastigiata* Griseb. На пескѣ у озера на зап. концѣ острова.

147) *Festuca ovina* L. Почти совершенно засохшіе экз. собраны на сухой безлѣсной равнинѣ.

148) *Bromus inermis* Leyss. b. *laxus* Hornem. Led. l. c. IV, p. 358. Ramis imis 4; tribus unispiculatis, spiculis 6—floris, uno bispiculato; palea interiori bidentata, pl. min. longe aristata, superiorem ciliolatam superante; vaginis basi pilosis. На сыромъ лугу у озера.

149) *Triticum cristatum* Schreb. spiculis hirsutis Boiss. Fl. Orient. v. V, p. 667. *T. cristatum* var. *imbricatum* Trautv. Pl. Schrenk. n. 1184. На каменист. склонахъ.

150) *Hordeum pratense* L. (*H. secalinum* Schreb.). На сы-

ромъ огороженномъ сѣнокосн. дугу.

151) *Equisetum palustre* L. На сыромъ прибрежьи озерка;
экз. безплодн.

152) *Equisetum sylvaticum* L. Въ лиственничномъ лѣсу;
безплодн. экз.

152) *Polypodium vulgare* L. Въ лѣсу на скалахъ у бухты
Песчаной; безплодн. экз.

154) *Pteris aquilina* L. Въ лѣсу на сѣв. бер. остр.; экземп.
безплодный.

155) *Polystichum fragrans* Ledeb. На скалахъ у бухты Пес-
чаной; экз. безплодный.

Яковъ Пирсинъ.

Иркутскъ. 1893 г. 20 декабря.

М. К Р О Л Ъ.

Брачные обряды и обычаи у забайкальскихъ бурятъ.

Свадебные обряды монголовъ у бурятъ описывались весьма многими. Почти въ каждомъ сочиненіи, посвященномъ этнографіи монголовъ или бурятъ, можно встрѣтить болѣе или менѣе подробное изложеніе брачныхъ обычаевъ и обрядовъ, распространенныхъ у этихъ народовъ. Тимковскій, Ковалевскій, Гюкъ и Габэ, Пржевальскій, Дуброва, Потанинъ и многіе другіе удѣляли, если не по нѣсколькимъ страницамъ, то хоть по нѣсколькимъ строкамъ описанію на самомъ дѣлѣ очень любопытныхъ свадебныхъ обрядовъ монголовъ и бурятъ. Тѣмъ не менѣе однако нигдѣ, кромѣ какъ у Тимковского, мы не встрѣтили цѣльнаго и детальнаго разсказа о свадьбѣ у монгольскихъ племенъ.

Признаемся, къ разсказу Тимковского остается прибавить весьма мало существеннаго, и мы не взяли-бы за писаніе этой статьи, еслибы не были увѣрены, что по такому сравнительно мало разработанному вопросу, какъ свадебные обряды сибирскихъ инородцевъ, сообщеніе, хотя бы только новыхъ частныхъ, представляетъ значительный интересъ. Мы же имѣли случай наблюдать нѣсколько свадебъ у забайкальскихъ бурятъ и кромѣ того, со словъ многихъ и многихъ свѣдущихъ бурятъ, записывали тщательнымъ образомъ всякія подробности, касающіяся брачныхъ ихъ обычаевъ.

Накопившейся такимъ образомъ у насъ сырой матеріаль, въ нѣсколько обработанной формѣ, мы и намѣрены представить въ настоящей статьѣ.

Современный бурятскій бракъ носитъ все черты покушнаго бра-

ка, т. е. такой формы брака, при которой жена покупается мужчиной за известную плату — калымъ (вѣно).

Активное участіе въ составленіи брачной сдѣлки принимаютъ отецъ жениха и отецъ невесты или родственники ихъ. Сами женихъ и невеста, до сравнительно недавняго времени, являлись при заключеніи брака совершенно пассивными лицами: согласія у нихъ не спрашивали, на ихъ возрастъ не обращали вниманія, — отецъ жениха покупалъ для своего безвольнаго сына жену, а отецъ невесты въ свою очередь продавалъ имѣющуюся у него женщину. Сватовство у бурятъ, по этому несколько не отличалось отъ торга любой вещи или скотины¹⁾.

Начинается сватовство всегда съ стороны жениха или отцомъ его, или къмъ нибудь постороннимъ. Родные жениха или какой нибудь почтнй ихъ родовичъ отправляется къ отцу невесты и наводитъ справку, согласенъ ли онъ отдать свою дочь за предполагаемаго жениха. Если отецъ и родные невесты согласны отдать (вѣрнѣе продать) дочь и если, по наведеннымъ ламой-астрологомъ (дзурухайчи) справкамъ, годы рожденія жениха и невесты благопріятны ихъ браку, то назначается день для заключенія окончательныхъ условій. Въ этотъ день къ отцу невесты съѣзжаются приглашенные гости-родные и знакомые, прѣзжаетъ и отецъ жениха со своими родными и, сдѣлавъ три земныхъ поклона передъ бурханами, кладетъ передъ ними хадакъ (бурханда хадакъ табиху). Затѣмъ всѣ здороваются и садятся, помня твердо старшинство каждаго, и гдѣ кому сидѣть приличнѣе. Родные жениха ставятъ передъ отцомъ невесты и почетнѣйшими его гостями баранью голову и начинаютъ угощать всѣхъ присутствующихъ мясомъ и виномъ. Близкимъ роднымъ невесты подносятся также подарки: хадаки, платки и пр.,

¹⁾ По Гюку и Гобэ у монголовъ брачныя условія составляются письменно; при этомъ говорятъ: «я для своего сына купилъ дочь такого-то», или «мы продали свою дочь такой-то фамиліи». Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ, стр. 127.

смотря по состоянію. Описанный обрядъ и угощеніе называются «тахиль табиху». Тутъ же, во время угощенія, условливаются о размѣрахъ калыма. Условіе заключается устно; ни представителя отъ духовенства, ни отъ начальства не требуется: гарантіей договора служитъ публичность его заключенія.

У Селенгинскихъ бурятъ калымъ долженъ быть внесенъ полностью до свадьбы, у хоринцевъ-же обѣщаютъ обыкновенно много, а даютъ, сколько кто въ состояніи дать, «по совѣсти».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дающіе большой калымъ должны получить взаменъ какой-нибудь цѣнный подарокъ — «Умудхулъ», — большею частью какую нибудь одежду. Это приношеніе «Умудхула» даже ставится непремѣннымъ условіемъ, причемъ заранѣе выговариваютъ, какого именно качества должна быть одежда, изъ какой матеріи и пр.

Промежутокъ между «тахиль табиху» и самой свадьбой ¹⁾, или, вѣрнѣе говоря, моментомъ увоза невесты къ жениху, бываетъ весьма различный. Онъ можетъ быть даже очень продолжительный, ибо у бурятъ часто просватываютъ малолѣтнихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Этотъ промежутокъ бывалъ еще продолжительнѣе, когда у бурятъ былъ распространенъ обычай просватывать дѣтей еще ожидаемыхъ («Умдугунъ-хода») ²⁾. Во время «Тахиль табиху» отецъ жениха и женихъ, если онъ взрослый, приглашаютъ родныхъ невесты къ себѣ въ гости. Въ назначенный день (день этотъ долженъ быть указанъ

¹⁾ Собственно говоря, у бурятъ нѣтъ слова, соответствующаго нашему понятію «свадьба». «Хоримъ», которымъ переводятъ обыкновенно «свадьбу», въ сущности означаетъ всякій праздничный пиръ.

²⁾ Въ старину достаточно было двумъ мужчинамъ или женщинамъ обмѣняться какой либо вещью, чтобы они считали себя сватами, хотя бы у нихъ еще не было дѣтей. Фактъ обмѣна налагалъ на нихъ обязанность не отдавать будущихъ дѣтей на сторону (на Эравнѣ). Мало-того, достаточно было случайно двумъ лицамъ спутаться ножами, огнивомъ и т. п., чтобы это послужило поводомъ сродниться. Друзья, чтобы закрѣпить узы дружбы, также условливались женить ожидаемыхъ дѣтей (на Тугнуѣ).

ламой) родные невесты приезжают къ отцу жениха за калымомъ — «малъ бариху», который въ однихъ мѣстахъ уплачивается полностью, а въ другихъ частями. Въ последнемъ случаѣ «малъ бариху» повторяется нѣсколько разъ. У отца жениха по поводу приѣзда гостей устраивается пиршество, причемъ родные жениха даютъ роднымъ невесты, кромѣ калыма, еще подарки въ видѣ хадьковъ, платковъ, разной одежды и т. п.

У богатыхъ бурятъ эти подарки бываютъ иногда довольно цѣнные. Такъ, матери невесты обязательно дарится конь бѣлой масти «цаганъ угунтэ». Роль жениха во все это время совершенно страдательная. Объ участіи же невесты на торжествѣ не можетъ быть рѣчи потому, что со дня просватанья обычай налагаетъ на нее обязанность избѣгать всякой встрѣчи съ отцомъ жениха и старшими его родственниками. У Селенгинскихъ бурятъ невеста должна скрываться и отъ жениха.

«Малъ бариху» можетъ длиться нѣсколько дней, но обыкновенно гости разъѣзжаются въ день приѣзда. Передъ прощаньемъ родные жениха и главнымъ образомъ мать его просятъ «болдзоръ», т. е. просятъ о назначеніи дня свадьбы. Мѣстами сохранился еще обрядъ «Халъ былыкъ». Состоитъ онъ въ томъ, что родные жениха снова приезжаютъ къ роднымъ невесты съ бараньей головой («Толеемъ»), мясомъ, виномъ, хадаками и вообще подарками, и тутъ лишь просятъ назначить день свадьбы. Разъ этотъ день приблизительно назначень, лама астрологъ опредѣляетъ уже точно, по книгамъ, день и даже часъ, въ который должно увезти невесту изъ родительской юрты. Этотъ моментъ до такой степени важенъ, что къ нему приурочиваются почти всѣ остальные предсвадебные обряды и церемоніи, а ихъ довольно таки много.

Начать съ того, что за нѣсколько дней до свадьбы невестѣ дается возможность насладиться вполне своей дѣвичьей свободой. Ее отпускаютъ «гулять». Въ сопровожденіи множества подружекъ и моло-

дыхъ людей ¹⁾ она въ теченіи нѣсколькихъ дней переѣзжаетъ изъ улуса въ улусъ, останавливаясь у родныхъ и знакомыхъ затѣмъ лишь, чтобы, погостивъ, самое большее одну ночь, отправляться дальше. Гулянки и вечерки не прекращаются. Во главѣ гуляющихъ обыкновенно стоитъ старшій, (у хоринскихъ бурятъ ему также присваивается названіе Убугунъ-Туру), распорядитель вечерокъ, который вноситъ всякія предложенія, рѣшаетъ, куда ѣхать и пр. Когда кавалькада подъѣзжаетъ къ чьей либо юртѣ, перваго спрашиваютъ Убугунъ-Туруна, кто они и куда ѣдутъ.

Само собою разумѣется, что спрашивающимъ отлично извѣстно, изъ кого состоитъ поѣздъ и затѣмъ онъ пріѣхалъ, тѣмъ не менѣе однако Убугунъ-Туру отвѣчаетъ: «невѣста пріѣхала къ такому-то родственнику въ гости». Тогда всѣхъ гуляющихъ приглашаютъ въ юрту, и начинается угощеніе ихъ. Отецъ невѣсты, зная напередъ, гдѣ она будетъ гостить, посылаетъ иногда туда барана или кобылицу, въ видѣ подмога, такъ какъ гуляющихъ набирается довольно много, а накормить столько людей чего-нибудь да стоитъ. Вечеромъ обязательно устраивается «Наданъ» — вечерка. «Наданъ» состоитъ въ томъ, что раскладываютъ костеръ подъ открытымъ небомъ, и молодежь почти всю ночь ходитъ вокругъ этого костра, поетъ пѣсни, пьетъ араку изрядно. Свобода нравовъ полнѣйшая. Хотя Убугунъ-Туру-распорядитель на вечеркѣ — какъ будто и приставленъ за тѣмъ, чтобы наблюдать за невѣстой, его на самомъ дѣлѣ нисколько не стѣсняются, напротивъ, большею частью онъ первый подаетъ сигналъ къ разгулу, и такъ какъ у бурятской молодежи отношенія вообще вольныя, то о сохраненіи невѣстой своего цѣломудрія не можетъ быть рѣчи.

Переиочевавъ въ одномъ мѣстѣ, поѣздъ ѣдетъ дальше, и такъ

¹⁾ У Армацкихъ тунгусовъ, совершенно обурятившихся, каждый десятокъ выставляетъ по одному представителю, провождающему невѣсту, но при этомъ обращаютъ вниманіе, чтобы число лицъ, сопровождающихъ невѣсту, было непременно четнымъ.

до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ время вернуться невѣстѣ домой, а вернуться домой она должна наканунѣ назначеннаго къ увозу ея дня.

Въ теченіи утра того дня, когда ожидаютъ невѣсту назадъ домой, въ юртѣ родителей невѣсты ламы молятся за благополучіе долженствующихъ вступить въ бракъ. Этихъ молитвъ по случаю предстоящей свадьбы вообще очень много, но у бѣдныхъ людей ламы ограничиваются минимумомъ положенныхъ молитвъ; за то на свадьбахъ у богатыхъ людей они находятъ для себя работу на цѣлыя сутки и, понятно, вознаграждаются за свое усердіе весьма щедро.

Издали возвращающаяся невѣста и сопровождающіе ее десятки наѣздниковъ и наѣздницъ производятъ впечатлѣніе праздничной кавалькады; бессонныя ночи, съ излишкомъ вышитая арака, общее нервное возбужденіе сказывается во всѣхъ движеніяхъ ѣдущихъ; они гарцуютъ на своихъ коняхъ, поютъ пѣсни, обгоняютъ другъ друга, рисуются своей ловкостью, своимъ дѣйствительно рѣдкимъ искусствомъ управляться, хотя бы съ полудикимъ конемъ, — но какъ только поѣздъ начинаетъ приближаться къ юртѣ, гдѣ молятся ламы, невѣста подымаетъ плачъ; ея примѣру слѣдуютъ ея подружки, изъ которыхъ одна или двѣ находятся неотлучно при ней (дзэргэдэ йбусанъ хухэть), и воздухъ оглашается плачемъ и рыданьями. Невѣсту снимаютъ съ коня, слѣзаютъ и остальные съ коней, и печальной процессіей останавливается компанія у самой юрты родителей невѣсты. Плачущія дѣвушки закрываютъ лица платками и не открываютъ ихъ, пока не умоются. У Селенгинскихъ бурятъ (цонголовъ) невѣста умывается аршаномъ (святой водой), который ей подаетъ лама. Умывшись, невѣста иногда отправляется съ провожатыми въ гости, уже пѣшкомъ, къ ближайшимъ сосѣдямъ.

Въ это же время передъ юртой, гдѣ живутъ родные невѣсты, устраивается кругъ. Съѣхавшіеся гости усаживаются по старшинству, и ихъ начинаютъ угощать чаемъ, виномъ и мясомъ. Передъ почетнѣйшими гостями ставятъ «толей» — бараньи головы. Самый

почетный гость беретъ голову въ руки и, срѣзавъ въ определенномъ порядкѣ и въ намѣченныхъ мѣстахъ нѣсколько кусковъ мяса, первый кусокъ бросаетъ въ сторону, въ видѣ жертвы, а прочіе съѣдаетъ и тутъ-же отдаетъ голову какому-нибудь мальчику. Пока съ бараньей головой не продѣлали вышеописаннаго, никто изъ гостей не коснется мяса, поданнаго всѣмъ, — но какъ только обрядъ съ «толеемъ» конченъ, всѣ принимаются за мясо. Эта закуска называется «Шарухиъ» (у Селенгинскихъ бурятъ «Шарусунъ»). У богатыхъ бурятъ во время «шарухиъ» устраиваются бѣга и состязанья.

За «Шарухиъ» у Хоринскихъ бурятъ слѣдуетъ весьма любопытный обрядъ «урма булядаху»¹⁾. Заключается онъ въ слѣдующемъ. Варится «урма» — смѣсь изъ молока, сметаны, воды и муки. «Урма» сварена, конченъ «Шарухиъ», и молодежь начинаетъ кричать: «урму, урму!» Тогда выносятъ на бараній дворъ хунукъ (ведро) съ урмой, молодежь усаживается на городьбѣ, а невеста съ подругами черпаютъ изъ принесеннаго хунука чашками урму и обносятъ всѣхъ. Крики «урму, урму!» не прекращаются все время. Чашка съ урмой, разъ поданная, обходитъ народъ до тѣхъ поръ, пока въ ней ничего не остается; полагается же каждому сдѣлать изъ чашки глотокъ-другой и тотчасъ же ее передавать сосѣду; кончается эта церемонія тѣмъ, что одинъ изъ присутствующихъ хватаетъ хунукъ съ урмой и убѣгаетъ съ нимъ. Нѣсколько человекъ бросаются догонять убѣжавшаго, настигаютъ его и между бѣглецомъ и ими происходитъ нѣчто вродѣ борьбы.

Въ Ханъ-джаргаланѣ, по Читинскому тракту, во время «урму булядаху» присутствовали и почетные старики, причемъ всѣ сидѣли на землѣ, а не на городьбѣ. Невѣста явилась на бараній

¹⁾ По свидѣтельству бурятъ-стариковъ въ старину, въ теченіе свадьбы происходило 9 «буяца», т. е. въ 9 случаяхъ происходилъ споръ. Названія этихъ «буяца» слѣдующія: «урму булядаху», «хубэ булядаху», «Шинэгирь булядаху», «бацаганъ булядаху», «Нара булядаху», «толей булядаху», «дэрэ булядаху», «цудэ булядаху», «цахимми булядаху».

дворъ съ закрытымъ лицомъ и открыла его лишь тогда, когда молодежь убѣжала съ «урной» со двора. Когда наступаетъ вечеръ, передъ юртой невесты раскладываютъ костеръ, и молодежь начинаетъ свое хожденіе вокругъ огня. Воздухъ оглашается звуками бурятскихъ пѣсень. Специально свадебныхъ пѣсень намъ не привелось слышать, мѣжетъ быть оттого, что такихъ нѣтъ: впрочемъ, нѣкоторыя изъ слышанныхъ нами пѣсень отчасти подходили къ случаю. Мотивы весьма монотонные и преимущественно минорнаго характера. Хожденіе вокругъ костра, чрезвычайно однообразное, смѣняется изрѣдка бѣганьемъ въ припрыжку «Эримчихэнь».

Въ теченіе вечера дѣлается перерывъ для «Шарухиъ» (ужина) и обряда «Шинэгырь Тороглаху». Вечерній «Шарухиъ» все тоже угощеніе присутствующихъ чаемъ, мясомъ и виномъ,¹⁾ причемъ почетному распорядителю вечерки опять таки подаютъ «толей». Во время этого «шарухиъ» пѣвцы обязательно поютъ какую-нибудь хвалебную пѣсню (макталъ) передъ распорядителемъ (Убугунъ-Туру), который въ благодарность за пѣніе даритъ пѣвцамъ хадаки, либо деньги. Поютъ также пѣвцы передъ невестой и подругами ея.

У Селенгинскихъ бурятъ (у цонголовъ на цаганъ хошунѣ) во время «шарухиъ» какая-нибудь молодуха выходитъ въ одеждѣ невесты, якобы показать, какое богатое приданное у послѣдней. Молодуха эта беретъ какого-нибудь мужчину изъ круга и вмѣстѣ съ нимъ въ обнимку и въ припрыжку обходитъ публику. Гости хвалятъ усиленно одежду невесты, кричатъ свое одобрительное «ха! ха! ха!», дергаютъ у молодухи тэрлыкъ

Вскорѣ послѣ «Шарухиъ» слѣдуетъ обрядъ «шинэгырь тороглаху» — освященія или обновленія юрты. Состоятельные буряты обык-

¹⁾ По обычаю все сосѣди и прѣзжіе обязаны приносить или присылать на свадьбу свою лепту въ видѣ вина, молочныхъ продуктовъ и пр. Человѣкъ, который является на свадьбу безъ всякаго приношенія, можетъ подвергнуться порицанію. Приношеніе это называется «Нэмыръ». Только такая складчина и даетъ возможность бурятамъ сзывать на свадьбу сотни людей, кормить ихъ до отвала и поить до полнаго опьяненія.

новенно ставятъ дочери-невѣстѣ новую юрту. Эту юрту она увезетъ къ мужу со всѣмъ остальнымъ приданнымъ. Юрта ставится войлочная, а въ ней размѣщаются всѣ принадлежности ея, все необходимое для молодой хозяйки: изящный ширѣ для бурхановъ, ящики для одежды, раскрашенные въ монгольскомъ вкусѣ, кровать, таганъ, ведра, чаша и прочая утварь.

Вотъ эту-то юрту надо обновить. Для исполненія обряда «ши-нэгырь Тороглаху» въ новую юрту сходитесь много народу, но первое мѣсто отводится невестѣ съ подругами; невестѣ подають чай, и въ это же время какой-нибудь мужчина беретъ въ руку кость и, обводя ею по конусу юрты, восклицаетъ: «Торогъ! Торогъ! Торогъ! Тосонинъ гадза саша, Тосонинъ дзосоочо!» (Пыль вонъ изъ юрты; масло, пожалуйста въ юрту!) При этихъ словахъ невеста и подруги ея бросаются вонъ изъ юрты, но ихъ не выпускають, происходитъ борьба, (не это ли «ши-нэгырь булялдаху?») нѣкоторыя подруги успѣвають-таки вырваться наружу, или, вѣрнѣе, ихъ слабо задерживають, но невесту уже никоимъ образомъ не выпускають до конца обряда, т. е. пока мужчина не повторитъ три раза приведенныхъ словъ.

Послѣ обновленія юрты начинается снова хожденіе вокругъ костра, которое длится часто до разсвѣта.

Какъ у хоринцевъ, такъ и у селенгинскихъ бурятъ женихъ можетъ явиться на «Надонъ», но у послѣднихъ женихъ не долженъ видѣть невесты. Его встрѣчаютъ родные ея, — и онъ имъ подноситъ хадаки, и угѣщаетъ виномъ, мясомъ и пр. Невестѣ женихъ привозитъ въ подарокъ *ноясъ*, который она обязана надѣть передъ отъѣздомъ изъ дому.

Такъ протекаетъ послѣдняя вечерка — «Надонъ». Эта ночь послѣдняя ночь, которую невеста проводитъ въ домѣ своихъ родителей. Молодежь себя чувствуетъ весьма свободно и, если нельзя сказать, что у бурятъ «надонъ» всегда кончается «свальнымъ грѣ-

хонь», какъ это утверждаетъ Дуброва ¹⁾ относительно монголовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такой обычай имѣеть мѣсто и у бурятъ—обстоятельство, одинаково интересное, какъ для антрополога, такъ и для этнографа.

На другой день, въ опредѣленный ламою часъ, невеста увозится изъ дома родителей къ жениху при обстановкѣ, заслуживающей самаго подробнаго описанія.

Въ ожиданіи счастливаго часа идутъ приготовленія къ отъѣзду; разбираютъ войлочную юрту, укладываютъ ее и прочее приданное невесты на телѣги, сѣлаютъ лошадей. Съѣзжаются гости и знакомые, уѣхавшіе наканунѣ домой почевать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ламы все утро служатъ молебствіе (гурумъ хиху). За нѣсколько времени до указанного часа невеста и подруги ея собираются въ юртѣ и снѣтаются косами. Наступилъ ожидаемый моментъ, и въ юрту, гдѣ находится невеста, врывается цѣлая масса молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ и начинаетъ оттуда выволакивать дѣвушекъ. Последнія поднимаютъ страшный крикъ и плачь, сопротивляются нападающимъ; заязывается настоящая, реальная борьба (бацаганъ булядаху), которая иногда продолжается минутъ десять. Нападающіе стараются предварительно отдѣлать подругъ отъ невесты; для этого каждая разъединенная дѣвушка немедленно выносятся изъ юрты. Невесту выносятъ последней ²⁾, въ дверяхъ юрты на нее набрасываютъ тэрлыкъ или плащъ, который покрываетъ ее почти всю, и тутъ-же усаживаютъ «дурихэ» (вьючно) на коня, сдавши ее на руки сидящему на этомъ конѣ всаднику. Поѣздъ трогается.

Человѣкъ, принявшій невесту на своего коня, долженъ быть съ ней «джилтэ хунь», т. е. человѣкомъ, годъ рожденія котораго

¹⁾ Поѣздка въ Монголію. Изв. В. С. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1885 г. №№ 1, 2, 3, стр. 81.

²⁾ У Закаменскихъ бурятъ почти не бываетъ «буляца»; выносятъ изъ юрты одну только невесту.

находитесь въ известномъ, опредѣленномъ книгами отношеніи къ году ея рожденія. Мать лошади, на которую должно усадить невѣсту, также указывается ламой.

У селенгинскихъ бурятъ (цонголовъ) мужчина, на коня котораго усадили невѣсту, одна провожатка (уже замужняя женщина) и еще человекъ, держащій бурхана, котораго невѣста везетъ къ мужу, объѣзжаютъ три раза вокругъ жертвеннаго огня, уставленнаго посреди двора. Затѣмъ весь поѣздъ отправляется въ путь. Отъѣхавъ небольшое разстояніе, родные невѣсты пересаживаютъ ее въ повозку; бываетъ и такъ, что невѣсту пересаживаютъ на другого коня, и она дѣлаетъ весь путь верхомъ.

У хоринскихъ бурятъ на Хань-Джаргаланѣ, по читинскому тракту, мы видѣли такой вариантъ сцены «бацаганъ булялдаху». Дѣвушки убѣжали въ степь и тамъ сплелись косами. Пришлось ихъ тащить съ $\frac{1}{4}$ версты всей гурьбой, а потомъ уже, затолкавъ ихъ всѣхъ въ юрту, отрывать по одной.

На протяженіи всего пути до юрты жениха полагаются остановки — встрѣчи (охтомжи) съ посланными отъ жениха. Этихъ встрѣчъ бываетъ до трехъ. У богатыхъ бурятъ во время остановокъ подается «толей», вино, проиходить обмѣнъ хадаками «Толей» привозятъ представители жениховой стороны; поздоровавшись (цагалаху) съ почетнѣйшими лицами поѣзда, главнымъ образомъ съ Убугунь-Туру, посланные жениха начинаютъ угощать поѣзжанъ; при этомъ обѣ стороны выражаютъ другъ-другу всяческія пожеланія, въ родѣ «нуринъ дзэргэ архигэ, болдогой дзэргэ мяха» — да будетъ у васъ вина съ море, и мяса съ холмъ. У бѣдныхъ бурятъ обходятся безъ первыхъ двухъ охтомжи, но третья, именно неподалеку отъ юрты родителей жениха, обязательно устраивается почти у всѣхъ забайкальскихъ бурятъ ¹⁾. Во время этой-то послѣдней встрѣчи нѣкогда продѣлывался обрядъ «толей булялдаху», и теперь еще практикуется у

¹⁾ У закаменскихъ бурятъ мѣстами совсѣмъ не бываетъ охтомжи.

хоринскихъ бурятъ «нара булялдаху»¹⁾. Заключается этотъ обрядъ въ слѣдующемъ. Въ то время какъ невѣста съ нѣсколькими провожатками-утѣшительницами и провожатыми остается позади, весь поѣздъ направляется къ охтомжи, т. е. къ мѣсту, гдѣ представители жениховой стороны ждутъ его съ «толеемъ», чаемъ и виномъ. Какъ только невѣстины поѣзжане начинаютъ приближаться къ охтомжи, нѣсколько всадниковъ съ жениховой стороны внезапно бросаются имъ на встрѣчу. Въ свою очередь нѣсколько всадниковъ съ невѣстиной стороны бросаются скачущимъ на переѣздъ, очевидно, съ намѣреніемъ не пропустить ихъ за черту поѣзда. Начинается бѣшенная скачка, во время которой невольно приходится удивляться быстротѣ и выносливости бурятскихъ лошадей, которыя мчатся съ поразительной скоростью и въ гору, и подъ гору, взбираются на утесы, спускаются съ нихъ... Большею частью всадникамъ жениховой стороны не удается прорваться сквозь цѣпь, образуемую всадниками невѣстиной стороны.

Покуда поѣзжане распиваютъ вино на охтомжи, 3—4 человека съ невѣстиной стороны, между ними и отецъ невѣсты, отправляются впередъ «тэмэ бэдэрэху»²⁾ (у селенгинскихъ бурятъ «буху бэдэрэху»). Заявляясь въ юрту отца жениха, эти господа не говорятъ, кто они. Ихъ спрашиваютъ, кто они, куда они ѣдутъ и по какому дѣлу. На эти вопросы слѣдуетъ отвѣтъ, что они пріѣхали изъ дальнихъ странъ, что они очень устали, и ихъ мучитъ жажда, а ѣдутъ они искать отбившагося отъ стада верблюда (или порога). Тогда хозяева начинаютъ спрашивать пріѣзжихъ, какія примѣты у заблудившагося верблюда или порога. Примѣты должны быть указаны самыя точныя, а потому для веденія переговоровъ обыкновен-

¹⁾ У селенгинскихъ бурятъ «Нара булялдаху» продѣлывается уже по окончаніи всѣхъ свадебныхъ церемоній, когда родные невѣсты собираются уѣзжать домой. См. ниже.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не ищутъ тэмэн'а, если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ.

но наряжаютъ людей бывалыхъ, краснорѣчивыхъ, остроумныхъ. Если ищущіе верблюда собьются въ примѣтахъ, ихъ поднимаютъ на смѣхъ. Бойкіе-же люди наскажутъ столько, что поставятъ хозяина въ тупикъ. Впрочемъ, и послѣдній обыкновенно выставляетъ для объясненій оратора и остряка. Въ словесномъ бою принимаютъ также участіе всѣ присутствующіе, и пріѣзжіе должны также умѣло отстрѣливаться отъ неожиданныхъ нападений публики. Сцена эта въ высшей степени живая, возбуждающая непрерывающіеся хохотъ, если выборъ развѣдчиковъ оказался удачнымъ. Родные жениха признаются наконецъ, что заблудившійся верблюдъ дѣйствительно попалъ къ нимъ, но требуютъ вознагражденія за потраву; на это пріѣзжіе возражаютъ, что при верблюдѣ былъ арканъ (шелковый или другой), котораго теперь нѣтъ, что верблюда плохо кормили, и онъ сильно отоцалъ, наконецъ, въ видѣ вознагражденія за потраву, они привезли домъ, человѣка и разной одежды.

Во время этихъ переговоровъ ораторамъ-развѣдчикамъ подносятъ по большой чашкѣ (курунгъ) архи, которую они должны выпить однимъ духомъ.

Все это только прелюдія къ свадебнымъ церемоніямъ и торжественному пиршеству.

Въ день, въ который невеста увозится изъ родительской юрты, у родныхъ жениха съ самаго утра идутъ усиленные приготовленія къ встрѣчѣ гостей.

Такъ какъ часъ пріѣзда невесты къ жениху приблизительно извѣстенъ, то къ этому времени начинаютъ съѣзжаться на свадьбу родные жениха и вообще знакомые. У жениха обязательно должна быть особая юрта, ибо, вступая въ бракъ, онъ создаетъ новый очагъ. Въ этой-то юртѣ навѣщаютъ пріѣзжіе гости жениха и подносятъ ему подарки — хадаки, платки, даже деньги.

На востокъ отъ юрты жениха замужнія женщины устраиваютъ кругъ. Около круга втыкаютъ коль, на который вѣшаютъ туизъ съ молочной пищей и стегно сыраго бараньяго мяса.

Когда послѣднее охтомжи кончается, поѣзжане разбиваются на двѣ части: часть мужчинъ направляется къ юртѣ отца жениха, а другая часть мужчинъ и всѣ женщины поворачиваютъ къ кругу женщинъ. Туда-же везутъ приданное невесты. Поровнявшись съ кругомъ женщинъ, прѣхавшіе, прежде чѣмъ слѣзть съ коней, объѣзжаютъ его три раза, за ними слѣдуютъ телѣги съ приданнымъ «зуху тойроху». Когда кавалькада дѣлаетъ третій кругъ, нѣсколько человекъ съ жениховой стороны бросаются къ подушкѣ невесты, лежащей обыкновенно на верху, на одной изъ телѣгъ, съ цѣлью ее стащить; невестины родственники не даютъ ее, завязывается борьба («дэрэ буялдаху»¹⁾), которая всегда оканчивается побѣдой жениховой стороны, такъ что невестина сторона вынуждена выкупать подушку. (Обыкновенно ее выкупаютъ за хадакъ). Отнятую подушку кладутъ почему-то подъ войлокъ, висящій на трехъ кольяхъ. Остальные вещи невесты вносятся въ новую юрту жениха или, если невестина сторона привезла войлочную юрту, немедленно устанавливаютъ эту юрту и вносятъ вещи туда. Въ новой юртѣ (шинэгырь) тотчасъ-же разводится огонь. Кому именно слѣдуетъ его развести, опредѣляетъ опять-таки лама. Входъ въ шинэгырь закрытъ для родныхъ жениха до совершенія обряда благословенія невесты.

Прѣхавшія женщины присаживаются къ готовому уже кругу женщинъ, и тутъ продѣлывается обрядъ «эхэндэлэху» — матери жениха и невесты (ходогойнъ-туру) сродняются. Онѣ мѣняются, молча, чашкой чаю, трубкой табаку, сухимъ чаемъ и затѣмъ лишь здороваются и обнимаются (цагалаху).

Мужчины направившіеся съ охтомжи къ юртѣ отца жениха, входя въ нее, кладутъ 3 земныхъ поклона, здороваются (цагалаху) съ родными жениха и разсаживаются съ ними такъ, что гость жениха чередуется съ гостемъ со стороны невесты. При этомъ строго соблюдается старшинство. Чѣмъ почетнѣе человекъ, тѣмъ онѣ ближе

¹⁾ У селенгинскихъ бурятъ ни «зуху тойроху», ни «дэрэ буялдаху» нѣтъ.

садятся къ убугунь-турунамъ, которые являются самыми почетными лицами на свадьбѣ, ибо они изображаютъ собою представителей двухъ сродняющихся между собою родовъ. Гостямъ подаютъ чай, а вскорѣ затѣмъ все выходятъ на дворъ, образуютъ тамъ кругъ и разсаживаются снова въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ сидѣли въ юртѣ.

Между тѣмъ посылаютъ за невѣстой. Въ ожиданіи ея пріѣзда одинъ изъ ея родственниковъ хватаетъ коня, принадлежащаго кому-либо изъ родныхъ жениха (обыкновенно убугунь-туру), снимаетъ съ него сѣдло и, взявъ коня за поводъ одной рукой, а горящую головню въ другую, вводитъ коня въ кругъ гостей и восклицаетъ: «ой, цохинамъ!» (убиваю!) Происходитъ нѣчто вроде торга, который оканчивается тѣмъ, что убугунь-туру, якобы въ видѣ выкупа, отдаетъ человѣку, держащему коня, приготовленное заранее стегно мяса. Конь отпускается, и зачинщикъ спора начинаетъ здороваться съ родными жениха. Тутъ-же гостямъ раздаютъ куски варенаго мяса, какъ будто стегно уже сварено.

На Чесанѣ (у хоринскихъ бурятъ) этотъ обрядъ, называемый «хони борилху», совершается еще рельефнѣе. Поймавшій коня кричитъ: «ой, цохинамъ!» (убиваю); тогда кто нибудь изъ родныхъ жениха спѣшитъ принести стегно мяса и араку, и проситъ *всѣхъ* родныхъ невѣсты довольствоваться принесеннымъ, вмѣсто того, чтобы убивать коня. Родные соглашаются; тогда спрашиваютъ того, кто держитъ коня, согласенъ-ли онъ на выкупъ; послѣдній отвѣчаетъ: «я попробую араку, — если она хороша, то отпущу коня». Онъ пробуетъ араку, иногда требуетъ лучшей, и только когда приносятъ араку лучшаго качества, онъ отпускаетъ коня и тутъ-же тушитъ ногой горящую головню, которую онъ держалъ въ рукахъ, очевидно, съ намѣреніемъ развести огонь и сварить или зажарить мясо коня, котораго онъ бы убилъ.

Послѣ этой церемоніи всѣхъ гостей обносятъ аракой.

Есть еще вариантъ этого любопытнаго пререканія между род-

ными жениха и невесты. Какъ только гости образуютъ кругъ, женихъ выходитъ и, кланяясь роднымъ невесты, спрашиваетъ: «удурурь бутуцун?» Сегодня кончимъ? Сегодня обѣщаемся? «хоноху, унжиху, тысенъ хойно бутуцун». — Мы переночуемъ, продносемъ, а потомъ уже кончимъ». — отвѣчаютъ родные невесты; ясно, что они хотятъ затормозить дѣло; надо ихъ смягчить подарками. Женихъ подноситъ старшему родственнику — убугунь-туру стегно бараньяго мяса и хадакъ, и снова кланяется. Тогда этотъ старшій родственникъ спрашиваетъ остальныхъ: «ну чтожь, согласимся? Тѣ отвѣчаютъ: «можно согласиться», и принимаютъ баранью ногу.

Привозятъ невесту. Сидитъ она уже одна на своемъ конѣ совершенно закрытая; съ обѣихъ сторонъ плотно, рядомъ съ ней, ѣдутъ провожающія ее молодухи и нѣсколько мужчинъ. Около «шицэгыра» невесту снимаютъ съ коня и кричатъ «хурганъ хубунь!» — (женихъ!). По этому зову долженъ явиться женихъ, сѣсть на невестина коня и объѣхать кругъ гостей трижды. Гости хватаютъ коня, который съ этого момента становится собственностью жениха. Невесту между тѣмъ вводятъ въ «шицэгыръ» и за занавѣской (хушукъ у Селенг. бурятъ) расчесываютъ ей волосы гребнемъ. — обыкновенно посылаемымъ матерью жениха, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы (у бурятскихъ дѣвушекъ косичекъ множество) и вплетаютъ въ нихъ «туйба» — головной уборъ, присвоенный исключительно замужнимъ женщинамъ; затѣмъ на невесту надѣваютъ «дэгыль» покроя замужнихъ женщинъ и, накрывъ ее снова плащомъ или тэрлыккомъ, ведутъ подъ благословеніе «мургуху» въ юрту свекра.

Провожатые съ невестой подвигаются впередъ съ остановками, причемъ невеста ступаетъ не по голой землѣ, а по войлоку который ей подкладываютъ подъ ноги. Мужчина, руководящій всеми дѣйствіями невесты, восклицаетъ: «Йоральчи нану!» — (благословитель выхода!) Йоральчи на этотъ крикъ отвѣчаетъ какимъ-нибудь пожеланіемъ, но изъ круга не выходитъ. Лишь послѣ третьяго зова йоральчи встаетъ съ своего мѣста, съ нимъ встаютъ оба убугунь-

туру, отецъ жениха, мать и нѣкоторые его родственники и все уходятъ въ юрту отца жениха. Йоральчи долженъ быть непременно родственникомъ жениха. Интересно, что даже тамъ, гдѣ на свадьбахъ участвуютъ ламы, благословлять невесту долженъ Йоральчи. Невѣста съ провожатыми слѣдуетъ за ушедшими, но у дверей юрты отца жениха происходитъ схватка. Родственники жениха яко бы не пускаютъ невесту внутрь юрты, загораживаютъ дверь передъ ней. Тогда сопровождающіе ее пробуютъ насильно прорваться («уудэ буялдаху»),¹⁾ но это имъ не удается, и они получаютъ пропускъ въ юрту только за извѣстный выкупъ (обыкновенно за хадакъ).

Въ юртѣ отца жениха передъ обоими Убугунъ-Туру (у Селенскихъ бурятъ они называются Ходыйнъ-туру) и йоральчи ставятъ корытце съ наръзанными кусками жира. Йоральчи произноситъ молитву, бросаетъ кусокъ жиру въ сторону въ видѣ жертвы и даетъ лицамъ, сопровождающимъ невесту, по горсти кусковъ жиру.

Послѣдніе даютъ невестѣ часть и вмѣстѣ съ ней дѣлаютъ три земныхъ поклона передъ обоими Убугунъ-Туру, бросая въ нихъ послѣ каждаго поклона жиромъ. Оба Убугунъ-Туру часть брошеннаго въ нихъ жира съѣдаютъ, а прочіе куски тщательно собираютъ и кой кому раздаютъ; при этомъ они выражаютъ невестѣ всякія благія пожеланія. Поклоны и бросаніе жира повторяются также передъ свекромъ и свекровью, которые обыкновенно тутъ-же подносятъ невестѣ подарки. Затѣмъ свекоръ приказываетъ невесткѣ «галъ тулиху», «цай шенеху» и «айрыкъ булиху» — разложить огонь, сварить чай и взболтать айракъ (киселое молоко). Невѣстка подкладываетъ въ очагъ головню, яко-бы варить чай и дѣлаетъ видъ, что взбалтываетъ айракъ. Благословеніе кончено; невестка принята въ чужой родъ, стала членомъ новой семьи; она удаляется въ шинэ-гырь, а Йоральчи, оба Убугунъ-Туру, свекоръ и пр. снова занимаютъ свои мѣста въ кругѣ.

¹⁾ У Селенг. бурятъ нѣтъ обряда «уудэ буялдаху».

У Селенгинскихъ бурятъ невѣсту открываютъ во время обряда молитвы. Ламы читаютъ молитвы довольно долго, а послѣ благословенія, совершающагося при такой же обстановкѣ, какъ и у хоринскихъ бурятъ, тутъ же, въ юртѣ свекра, начинается раздача «умудхул'а», т. е. родные невѣсты подносятъ подарки роднымъ ея мужа. Ламамъ дарятъ обыкновенно хадаки,¹⁾ а прочимъ даютъ и хадаки, и платки, и разную одежду. Получающіе «умудхулъ» выражаютъ свое удовольствіе криками «ха! ха! ха!».

У Хоринскихъ бурятъ ламы рѣдко участвуютъ на свадьбахъ; во многихъ мѣстахъ даже выведено, по настоянію ламъ, изъ употребленія архи на празднествахъ, отчего эти празднества, въ томъ числѣ и свадьбы, много теряютъ въ смыслѣ веселья и оживленія.

Послѣ обряда благословенія невѣстки (мургумэнь) гостямъ подаютъ опять чай, вина, мяса съ неизмѣннымъ «толеемъ» почетнѣйшимъ лицамъ. Немного погодя продлывается обрядъ «цахимжи цахихо». Такъ какъ огонь въ очагѣ считается по понятіямъ монголовъ и бурятъ — эмблемой жизни, то первое его появленіе въ юртѣ новобрачныхъ должно быть освящено особымъ обрядомъ, и вотъ Цэрвэччи, оба Убугунъ-Туру, ламы и нѣсколько родственниковъ новобрачной отправляются въ «шинэгырь». Молодая на это время удаляется изъ юрты. Тамъ въ «шинэгырь» на таганѣ стоитъ чаша, а надъ чашей корытце съ мясомъ и бараньими головами — (уже сваренными). Съ помощью огня добываютъ изъ кремня искру и какъ будто подкладываютъ огонь въ очагъ (на самомъ дѣлѣ въ юртѣ давно уже разложенъ огонь). Передъ Убугунъ-Туру снова ставятъ баранью голову; онъ срѣзываетъ кусокъ мяса и бросаетъ его въ огонь, а еще нѣсколько кусковъ разбрасываетъ сквозь отверстіе юрты во все стороны свѣта. Нѣкоторые изъ присутствующихъ при

¹⁾ По настоящему, хадакъ есть самый почетный подарокъ, который могутъ поднести буряты другъ другу — все равно міряне или духовныя лица. По толкованію ламъ поднесеніе хадака еодержитъ въ себѣ сокровенный, высокій смыслъ.

этомъ кричатъ: «цахимжи! цахимжи!» и въ свою очередь бросаютъ сквозь отверстіе юрты мясо и кости. Обрядъ конченъ, Йбрѣльчи и оба Убугунъ-Туру встаютъ съ своихъ мѣстъ за тѣмъ, чтобы уйти изъ «шинэгыра», но въ это время кто-нибудь изъ родныхъ невестки зажигаетъ щепочку или бумажку и бросаетъ на голову уходящаго Убугунъ-Туру съ жениховой стороны.

У Хоринскихъ бурятъ послѣ «цахимжи-цахихо» новобрачная занимаетъ мѣсто въ кругу женщинъ; она уже открыта, хотя ее все еще сопровождаютъ всюду одна или двѣ молодухи. У Селенгинскихъ бурятъ всѣ бывшіе въ «шинэгырѣ» при «цахимжи-цахихо» отправляются снова въ юрту свекра. Туда опять таки является молодая съ своей матерью. Она снова кланяется ламамъ, потомъ, надѣвъ малагай, кланяется три раза огню, бросаетъ столько-же разъ въ огонь жиръ, три раза подкладываетъ головню въ очагъ и напоследокъ кланяется всѣмъ присутствующимъ, бросая въ нихъ жиромъ. Съ матерью и бабушкой мужа новобрачная обнимается (цагалаху), а то и цѣлуется ¹⁾ и въ заключеніе угощаетъ всѣхъ чаемъ.

Изъ юрты публика снова удаляется въ кругъ, и тутъ только молодой объѣзжаетъ кругъ гостей три раза на конѣ, на которомъ прѣвхала невеста (у Селенг. бурятъ). Угощеніе не прекращается. Черезъ нѣкоторое время приводятъ молодого въ новомъ «умудхуль» — всѣ хвалятъ подарокъ и издаютъ свое одобрительное «ха! ха! ха!»

У Хоринскихъ бурятъ послѣ «цахимжи-цахихо» начинается взаимный обмѣнъ подарковъ между родными новобрачныхъ. Подарки, получаемые родными жениха, называются «умудхуль», а родными невесты — «былыкъ». Получающіе подарки или молча поднимаютъ руку въ знакъ благодарности, или произносятъ какое-нибудь пожеланіе, вродѣ: «уръ манай хунъ болокъ» или «урэ манай мори болокъ» — «пусть станетъ намъ попомокъ челевѣкомъ», «пусть станетъ жеребенокъ конемъ». У состоятельныхъ бурятъ матери новобрачной

¹⁾ Это уже нововведеніе, ибо вообще буряты выражаютъ свои нѣжныя чувства не поцѣлуями, а обнюхиваніемъ ласкаемаго лица.

обыкновенно дарят бѣлаго коня — «цаганъ угунтэ». Пока раздають подарки, устраиваются бѣга и состязанія.

Собственно говоря, у небогатыхъ бурятъ свадьба кончается обменомъ подарковъ; гостямъ подаютъ «цаганъ идэнъ» — айрекъ ли, молоко или творогъ; они отвѣдываютъ этого прощальнаго кушанья и разъѣзжаются по домамъ. Но у зажиточныхъ бурятъ послѣ обряда благословенія невесты еще гуляютъ по нѣсколькимъ днямъ. Чаепитія, угощеніе виномъ и мясомъ повторяются множество разъ; отъ отца молодого гости переходятъ къ другимъ роднымъ его, отъ родныхъ къ хорошимъ знакомымъ до тѣхъ поръ, пока не истощатся запасы вина и мяса, и не устанутъ до полного изнеможенія и гости, и угощающіе.

У Селенг. бурятъ, чтобы положить конецъ гульнямъ, гостямъ весьма ясно даютъ понять, что свадьба кончена и имъ пора уѣхать домой, а именно: кто-нибудь изъ родныхъ молодого прямо заявляетъ: «Багана бориху, бордага тухирхуцакъ прэ» — пора взять шестъ и спустить собаку. Послѣ такого заявленія гостямъ уже долѣ оставаться нельзя. Они начинаютъ собираться въ путь, и тутъ-то кто-нибудь изъ гостей бросается въ бараній горожникъ, хватаетъ лучшаго барана и грозитъ его зарѣзать. Хозяева должны откупиться: они обыкновенно подносятъ человѣку, державшему барана, деньги; тотъ беретъ деньги, отпускаетъ барана, и все гости веселые и довольные уѣзжаютъ. Деньги, конечно, пропиваются по близости. Тутъ-же, передъ отъѣздомъ гостей у Селенгинскихъ бурятъ проводится «нара булялдаху», только на этотъ разъ уже родные молодого перерѣзываютъ путь отъѣзжающимъ роднымъ молодой.

Съ момента благословенія невестка вступила окончательно въ чужой родъ. Она подчинилась ему въ лицѣ Убугунъ-Туру, она признала надъ собою власть свекра и старшихъ родныхъ мужа, кланяясь имъ. Со дня свадьбы невестка не переступитъ въ юртъ свекра дальше того мѣста, гдѣ она стояла, когда кланялась; она не сядетъ, если свекоръ и старшіе родные мужа не сидятъ, а если тѣ

сидятъ то она позволить себѣ сѣсть, только упираясь на одно колено; изъ юрты свекра она будетъ выходить не иначе, какъ оборачиваясь спиной къ двери и обращая лицо къ сидящимъ внутри. Имена свекра и старшихъ родныхъ мужа стали для нея святыней, которую она не можетъ назвать; она (невѣстка) должна быть въ присутствіи этихъ родныхъ мужа всегда съ покрытою головою и въ камзолѣ (уджи) поперхъ тэрлыка; она обязана старательнымъ образомъ скрываться отъ нихъ во время отправления естественныхъ нуждъ (вообще буряты и бурятки не очень стѣсняются въ подобныхъ случаяхъ) и не должна спать въ одной юртѣ съ ними.

Такъ характеризуются съ перваго дня послѣ свадьбы отношенія новобрачной къ представителямъ новаго рода, въ который она была принята. Но мужъ ея въ этомъ день не вполне еще вступаетъ въ свои права. Онъ не переходитъ въ «шинэгырь» и не перейдетъ туда, пока не уѣдетъ его теща, а это иногда случается черезъ 5—6 дней послѣ свадьбы. Одну же ночь послѣ свадьбы мать молодой обязательно ночуетъ у дочери.

За то, когда родные новобрачной уѣзжаютъ, послѣдняя не только не можетъ ихъ провожать, но даже не должна смотрѣть имъ вследъ.

Черезъ мѣсяць послѣ свадьбы молодая съ мужемъ или въ сопровожденіи родственника мужа ѣдетъ въ гости къ своимъ роднымъ, которые при этомъ случаѣ дарятъ дочери одежду или нѣсколько головъ скота.

По разсказамъ Арматскихъ тунгусовъ, нынѣ совершенно обуритившихся, у нихъ въ старину отецъ новобрачной увозилъ ее тотчасъ-же послѣ свадьбы назадъ домой. Къ мужу молодая возвращалась лишь черезъ нѣсколько дней, а то и черезъ нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ.

Свадебные обряды и обычаи Кударинскихъ бурятъ въ частности много разнятся отъ описанныхъ нами обрядовъ Селегинскихъ

и Хоринскихъ бурятъ. Объясняется это обстоятельство главнымъ образомъ двумя причинами: во первыхъ Кударинскіе буряты ведутъ свое происхожденіе отъ сѣверо-байкальскихъ бурятъ Верхленекаго вѣдомства и сохранили, поэтому, въ своихъ брачныхъ обрядахъ много характерныхъ чертъ, свойственныхъ бурятамъ Иркутскимъ; во вторыхъ, они не испытали на себѣ воздѣйствія монгольскаго ламаизма (Кудар буряты на половину состоятъ изъ крещеныхъ и на половину изъ шаманистовъ), во многихъ случаяхъ заглушавшаго старыи обычай и введившаго въ употребленіе массу обрядовъ, бурятамъ-шаманистамъ совершенно чуждыхъ. Мы поэтому, нашли не безынтереснымъ описать брачные обряды Кударинскихъ бурятъ особо.

Лично намъ, впрочемъ, не привелось присутствовать на свадьбѣ у Кударинскихъ бурятъ, и мы вынуждены ограничиться здѣсь лишь толковымъ разсказомъ о свадебныхъ ихъ обрядахъ, записаннымъ нами въ 1892 г. со словъ засѣдателя Кударинской Степной Думы Василя Заяхонова.

Сватать невѣсту прѣзжаютъ или отецъ жениха, или его ближайшіе родственники. Но предварительно узнаютъ стороной, согласенъ-ли отецъ невѣсты отдать дочь за извѣстнаго жениха; если отецъ невѣсты выражаетъ свое согласіе, къ нему прѣзжаютъ нѣсколько человекъ родственниковъ жениха и рѣдятся на счетъ размѣровъ калыма; при этомъ выпиваютъ немного вина и назначаютъ день просватанья. Въ указанный день къ отцу невѣсты съѣзжаются знакомые и родные, прѣзжаетъ также отецъ жениха съ женихомъ и своими родными и знакомыми. Устраиваютъ пиръ на средства обоихъ сватовъ. Угощеніе состоитъ изъ чая, мяса, вина, молочныхъ продуктовъ. По приглашенію гости отправляются къ сосѣдямъ, у которыхъ они находятъ тоже угощеніе, т. е. мясо, вино и пр. Раньше или позже народъ снова возвращается къ отцу невѣсты, который напоследокъ колетъ опять барана. Отецъ жениха даетъ тутъ-

же отцу невесты немного денегъ въ счетъ калыма ¹⁾). Вручивъ денежный задатокъ ²⁾, отецъ жениха со своими родственниками собираются въ обратный путь, причемъ отецъ невесты долженъ ему дать на дорогу *стежно* бараньяго мяса. По истеченіи нѣкотораго времени условливаются о днѣ свадьбы; тогда отецъ жениха уплачиваетъ еще часть калыма на свадебные расходы, а родные невесты съ своей стороны изъ калымнаго скота дарятъ жениху коня, матери его корову, барана и кобылу ³⁾, всего 5 штукъ.

За нѣсколько дней до свадьбы невеста сбѣзжаетъ родныхъ и знакомыхъ, гуляетъ съ подругами и провожатыми. Обыкновенно близкіе родственники сами приглашаютъ къ себѣ невесту. Когда она прѣзжаетъ къ какому-либо родственнику, у послѣдняго устраивается вечерка. Бьютъ бычка или барана, пьютъ вино и проводятъ почти всю ночь въ пѣняхъ и пляскѣ. Утромъ молодежь уѣзжаетъ дальше, въ другой улусъ. По обычаю родственники должны на прощанье поднести невестѣ какой-либо подарокъ (платокъ, деньги, часть убора).

Покуда невеста гуляетъ, наканунѣ ея возвращенія домой, къ отцу ея прѣзжаетъ женихъ съ товарищами (въ старину женихъ прѣзжалъ съ лукомъ и стрѣлой), привозитъ барана и вино; богатый человекъ привозитъ двухъ лошадей и трехъ барановъ (табунтолей),—все уже въ сваренномъ видѣ. Съѣзжающіеся въ этотъ день къ отцу невесты сосѣди и родственники также привозятъ съ собою архи, устраивается нѣчто вродѣ складчины. Мясо, которое привезъ женихъ, оставляется вначалѣ на дворѣ, въ юрту вино-

¹⁾ У Кударинскихъ бурятъ калымъ почти никогда не выплачивается сразу; хотя у нихъ при заключеніи условій обыкновенно обѣщаютъ очень большой калымъ, его на самомъ дѣлѣ рѣдко кто выплачиваетъ полностью; и женихъ почти всегда остается неоплатнымъ должникомъ тестя.

²⁾ У Кударинскихъ бурятъ скота сравнительно немного, и большую часть калыма они платятъ деньгами.

³⁾ Самка считается за двѣ штуки.

сятъ только его араку. Самъ женихъ также остается на дворѣ. Въ юртѣ между тѣмъ распорядитель свадьбы (Цацлйинъ-убугунъ) брызгаетъ вино во все стороны и въ отверстіе юрты и молится тэнгэріямъ и онгонамъ за благополучіе вступающихъ въ бракъ. Вскорѣ все выходятъ на дворъ и усаживаются вокругъ разложеннаго огня. Родные невесты подносятъ гостямъ сначала молочную пищу, а затѣмъ уже и мясо, привезенное женихомъ. Кончивъ здѣсь пиръ, гости, по приглашенію, уходятъ къ ближайшимъ родственникамъ невесты, — цацлйинъ-убугунъу и прочимъ; тамъ опять пьютъ чай, вино, ѣдятъ мясо и т. д. Въ это время, когда гости уходятъ ¹⁾ къ сосѣдямъ, впускаютъ въ юрту жениха съ его товарищами, до сихъ поръ оставшихся на дворѣ. Женихъ остается уже въ юртѣ все время. Нагулявшись вдоволь у сосѣдей, все гости возвращаются обратно къ родителямъ невесты. Цацлйинъ-убугунъ опять рѣжетъ барана, молится онгонамъ и тэнгэріямъ; барана съѣдаютъ, и гости разъѣзжаются.

На другой или третій день послѣ описаннаго пира у отца невесты устраивается «наданъ» — вечерка. Въ этому «надану» уже возвращается невеста. Какъ только смеркнется, зажигаютъ костеръ, и молодежь начинаетъ свое хожденіе вокругъ огня: поютъ пѣсни, танцуютъ «ѣхоръ». Продолжается вечерка иногда до разсвѣта. Женихъ можетъ присутствовать на «наданѣ», но онъ не долженъ садиться близко къ невестѣ ²⁾.

На другой день родственники невесты приглашаютъ къ себѣ невесту и жениха ѣсть саламатъ. Публика обходитъ нѣсколько юртъ, и все угощаются саламатомъ; при этомъ родственники подносятъ невестѣ разные подарки; а по возвращеніи въ юрту гуляющихъ родителей невесты, дарятъ (обыкновенно отецъ невесты) жениху рубаху, сапоги, тэрлыкъ и т. и.

¹⁾ Хожденіе это гостей по сосѣдямъ называется «толейшинъ».

²⁾ Въ старину женихъ и невеста избѣгали встрѣчи другъ съ другомъ.

Послѣ этого невѣсту садятъ въ юртѣ на войлокъ; всѣ ближайшіе ея родственники и подруги ея садятся около нея. Одна изъ рядомъ сидящихъ съ нею подругъ (по ея собственному указанію) беретъ въ зубы ея косы, она въ свою очередь беретъ въ зубы косы подруги, и ихъ обѣихъ выносятъ изъ юрты при общемъ плачѣ дѣвушекъ. Какойнибудь родственникъ подводитъ осѣдланнаго коня, надѣваетъ на себя «дэгыль» и садится на коня. Въ это время кто-нибудь (онитъ-таки по указанію невѣсты) ¹⁾ отрываетъ невѣсту отъ подруги, косы которой она держитъ въ зубахъ, усаживаетъ на коня, сзади ея садится еще кто-нибудь, и поѣздъ отправляется въ путь. Женихъ ѣдетъ впереди. Сдѣлавъ сажень двѣсти, невѣста пересаживается на другого коня, котораго держалъ человекъ въ «дэгылѣ». Тутъ поѣздъ останавливается, всѣ слѣзаютъ съ коней, садятся на землю, образуя кругъ, брызгаютъ вино во всѣ стороны и ѣдятъ немного мяса; затѣмъ поѣздъ снова трогается; остановки бываютъ три: первая двѣ называются «барса», а третья — «охтомжи». На «охтомжи» невѣсту накрываютъ большимъ плащомъ. Тутъ-же поѣздъ встрѣчается съ 4—5 человекъ съ жениховой стороны, которые привозятъ съ собою мяса, вина и горящую головню.

Между тѣмъ женихъ съ 3—4 человекъ (почетными стариками) съ невѣстиной стороны отправляется впередъ, къ себѣ домой. Когда они заявляются, отецъ жениха спрашиваетъ пріѣхавшихъ стариковъ, откуда они, куда ѣдутъ и по какому дѣлу; послѣдніе отвѣчаютъ сначала общо, что они изъ дальнихъ странъ и были, жалятся, что они устали, и ихъ мучитъ жажда; имъ подають вина, айрыка, и тутъ только они докладываютъ, что они привезли «невѣсту и стрѣлу для вѣчнаго житія въ потомствѣ». Вслѣдъ затѣмъ отецъ жениха и нѣсколько родственниковъ (самъ женихъ остается дома) берутъ бараньяго мяса, вина и отправляются на «охтомжи» встрѣчать невѣстинъ поѣздъ. По пріѣздѣ или приходѣ ихъ на «ох-

¹⁾ Если разнимать дѣвушекъ беретъ человекъ, не указанный невѣстой, то онѣ оказываютъ отчаянное сопротивленіе.

тожки» обѣ стороны брызгаютъ вино, угощаются и уже все вмѣстѣ отираются къ юртѣ отца жениха. Приѣхавшіе еще раньше на «охтомжи» представители жениховой стороны показываютъ невестѣ дорогу, веди ея коня въ поводу до назначенной для нея юрты ¹⁾. Около самой уже юрты лицо, надѣвшее «дэгылъ», снимаетъ невесту съ коня и усаживаетъ ее на войлокъ. Родные жениха между тѣмъ берутъ вареное молоко, брызгаютъ имъ во все стороны и угощаютъ имъ всѣхъ приѣхавшихъ. Это угощеніе называется «цагаиъ». Немного погодя старушки сосѣдки съ жениховой стороны вводятъ невесту въ назначенную для нея юрту съ востока. Въ этой юртѣ протянута занавѣска (хучугу), за которой и помѣщается невеста. Мать невесты требуетъ вина (хучугунъ архи) 12 посудинъ — число посудинъ соответствуетъ числу вещей, привезенныхъ невестой въ видѣ приданнаго. Матери приносятъ все, чего она требуетъ. Мужчинъ въ это время также угощаютъ виномъ и мясомъ: они гуляютъ, переходя изъ юрты въ юрту, отъ «цацлйиъ-убугуна» къ другому сосѣду, отъ другого къ третьему и т. д. Въ полночь мать невесты снова требуетъ мяса и вина; ей даютъ зарѣзаннаго барана и цѣлую кадущку архи. После этого угощенія невестина мать до полудня слѣдующаго дня ничего требовать не вправе.

На слѣдующее утро все гости снова обходятъ юрты сосѣдей, и затѣмъ лишь, по возвращеніи ихъ домой, невесту ведутъ подь благословеніе. При этомъ колотъ барана (у богатыхъ людей лошадь), приносятъ жертву онгонамъ и тэнгэриямъ, и старушки выводятъ невесту на дворъ. Невеста уже одѣта, какъ замужняя женщина. На дворѣ, на коврикѣ или войлокѣ разложены онгоны; невесту сводятъ съ женихомъ; женихъ беретъ ее за руку и оба дѣлаютъ три земныхъ поклона передъ онгонами. Невеста клянется весь вѣкъ жить согласно съ мужемъ. «Цацлйиъ-убугунъ», сидящій противъ онгоновъ, благословляетъ (мургумэиъ) жениха и невесту, даетъ имъ

¹⁾ Невеста должна подѣлжать съ сѣверной стороны назначенной для нея юрты и обязательно съ запада.

нить кислое молоко и говорить: «жить вамъ безъ раздоровъ и споровъ вѣчно и счастлив!» Вслѣдъ затѣмъ ведутъ невѣсту съ сѣверо-запада посолонь въ юрту свекра; закрытая платкомъ или плащомъ, она въ юртѣ свекра подкладываетъ въ огонь очага три головни (цацла). Въ тоже время кто-нибудь изъ родныхъ невѣсты беретъ у свекра нѣсколько кусковъ жира и передаетъ ихъ невѣстѣ, а она, сдѣлавъ 2—3 шага впередъ, бросаетъ этотъ жиръ свекру въ открытую пазуху три раза; если въ пазуху попало много кусковъ, то это считается хорошимъ предзнаменованіемъ, если-же попало мало кусковъ или ни одинъ кусокъ не попалъ, то это не хорошая примѣта. Точно также невѣста бросаетъ три раза жиръ въ огонь, затѣмъ она дѣлаетъ три земныхъ поклона огню, а послѣ и свекру, старшимъ роднымъ жениха и почетнымъ старикамъ вообще. Свекоръ обѣщаетъ невѣсткѣ подарки: жеребца съ табуномъ, пороза съ коровами и пр. Обыкновенно отдѣлываются въ такихъ случаяхъ одними обѣщаніями; давать же ничего не даютъ или даютъ самую малость. Обрядъ благословенія конченъ, невѣства удаляется въ свою юрту и снимаетъ съ себя покрывало; снимается и занавѣсъ въ юртѣ.

Въ то время какъ невѣсту благословляютъ, родные ея пируютъ на дворѣ. Затѣмъ имъ подается прощальное мясо, нѣсколько костей—лытокъ и реберъ. Всѣ снова переходятъ въ юрту отца молодого, и гостямъ подносятъ цѣлаго барана; въ послѣдній разъ подается кислое или вареное молоко; его брызгаютъ и молятся о счастіи новобрачныхъ. Гости начинаютъ собираться въ дорогу, и тутъ отецъ молодой выпрашиваетъ дочь къ себѣ домой на нѣсколько дней. Если весь калымъ уплаченъ, то могутъ ее и не дать, и спора при этомъ быть не можетъ; но если не весь калымъ уплаченъ, то отецъ новобрачной можетъ взять ее силою; тогда происходитъ нѣчто вроде ссоры, послѣ которой въ концѣ-концовъ — отецъ все-таки увозитъ дочь къ себѣ. Обыкновенно общественное мнѣніе склоняется на сторону отца молодой и сочувственно относится къ отъѣзду новобрачной даже въ томъ случаѣ, когда калымъ весь уплаченъ, — объи-

сняется это тѣмъ, что возвращеніе ея къ мужу сулитъ новую пирушку. Если калымъ весь уплаченъ, то молодая гоститъ у своихъ недолго, отъ 3—7 дней; возвращается она въ сопровожденіи нѣсколькихъ старыхъ женщинъ, привозя съ собою вино, мясо. Ее уже ждутъ приглашенные гости, и она задаетъ имъ приличный пирь. Когда-же калымъ не весь уплаченъ, то отецъ держитъ у себя дочь очень долго, иногда цѣлый годъ.

Такова картина предбрачныхъ и брачныхъ обрядовъ и обычаевъ Забайкальскихъ бурятъ.

Если серьезно вдуматься въ нее, то не трудно убѣдиться, что бурятскій бракъ состоитъ изъ двухъ рѣзко одинъ отъ другого отличающихся моментовъ — юридическаго и религіозно-обрядоваго; и въ то время, какъ первый характеризуетъ дѣйствующія еще въ полной силѣ воззрѣнія бурятъ на бракъ, второй представляетъ собою переживаніе цѣлаго ряда брачныхъ формъ, давнымъ давно потерявшихъ свой жизненный смыслъ, но сохранившихся, какъ окристаллизовавшихся народный обрядъ.

Монгольскія племена переживали цѣлая историческія эпохи, переходили различныя стадіи развитія, теряли одинъ общественныя формы и создавали другія, но безсознательно заостенѣвшія, какъ ископаемая, обряды оставались не тронутыми и живутъ еще понынѣ не понятные самимъ монголамъ, вызывая нерѣдко ихъ недоумѣніе, но все-же глубоко ими чтимые.

Понятно, что, такъ сказать, трепещущая жизнью современная форма брака занимаетъ у бурятъ первое мѣсто. Мы уже говорили, что современный бурятскій бракъ есть настоящій покупной бракъ со всеми его атрибутами. Купля-продажа лежитъ въ его основѣ, и первый моментъ его долженъ начаться условіемъ. Заключеніемъ условій о бракѣ и выполненіемъ ихъ, по нашему, исчерпывается все содержаніе «сватовства». Если отнять отъ «тахиль табиху» обрядъ «бурхандá хадакъ табиху», если исключить необходимость справляться у ламы, благопріятны-ли годы рожденія жениха и невесты

предполагающемуся браку, — а ни того, ни другого у бурятъ шаманистовъ нѣтъ, — то «сватовство» у бурятъ будетъ собою представлять простую юридическую сдѣлку, а «Маль бариху» будетъ вполне соответствовать моменту выполненія договора отцомъ жениха; съ этого момента между жениховой и невестинной стороной возникаютъ весьма существенныя обязательства, нарушение которыхъ влечетъ за собой опредѣленные, точно указанные обычаемъ юридическія послѣдствія.

Любопытно, что до того дня, какъ невеста начинаетъ «гулять», мы замѣчаемъ почти полное отсутствіе обрядовъ-переживаній. Говоримъ — почти — потому, что нѣкоторыя обстоятельства, мало обращающія на себя вниманіе съ перваго взгляда, или во всякомъ случаѣ не бросающіяся въ глаза, все-таки органически связываютъ современную форму бурятскаго брака съ формами уже отжившими.

Мы имѣемъ въ виду прежде всего древній обычай ¹⁾, запрещающій буряту жениться на женщинѣ одного съ нимъ племени (яеу). Какъ жизнь ни подорвала этого обычая, какъ ламаизмъ ни старается его смягчить, онъ все-же существуетъ до сихъ поръ и во многихъ мѣстахъ исполняется весьма строго.

Далѣе, обязанность невесты скрываться отъ отца жениха, старшихъ родныхъ его и даже его самого, насъ можетъ утвердить во мнѣніи, что у бурятъ теперешнему покупному браку въ болѣе или менѣе отдаленныя времена предшествовалъ бракъ посредствомъ «умыканія», т. е. насильственнаго похищенія мужчиной женщины изъ чужого рода. Наконецъ, необыкновенная предупредительность, которую обнаруживаютъ родные жениха по отношенію къ роднымъ невесты во все время сватовства, эта готовность дарить и дарить — воочію показываетъ, что нѣкогда не только отецъ невесты, но весь родъ его игралъ очень важную роль при рѣшеніи вопроса о выдачѣ женщи-

¹⁾ Этотъ обычай существовалъ еще при Чингисъ-Ханѣ. Позднѣе въ «Выгѣ буддійскихъ монастырей», стр. 437.

ны замужъ въ чужой родъ. Все это насъ какъ-бы подготавливаетъ къ религіозно-обрядовому моменту бурятскаго брака, моменту, который самъ за себя говоритъ очень много.

Начнемъ съ обычая, распространеннаго почти у всѣхъ Забайкальскихъ бурятъ, обычая, въ силу котораго невеста обязательно «гуляетъ» передъ свадьбой. Мы не думаемъ, чтобы достаточнымъ основаніемъ такого обычая было собираніе невестой подарковъ отъ родныхъ; существованіе цѣлой массы сопутствующихъ этотъ обычай подробностей заставляетъ насъ дать ему совершенно иное объясненіе. По нашему, этотъ обычай предоставляетъ невестѣ возможность насладиться своей дѣвичьей свободой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Надо помнить, что гуляетъ исключительно молодежь, и что ей никто не мѣшаетъ проводить время, какъ ей угодно. Мы говорили уже, что въ то время, когда невеста гуляетъ съ подругами, каждый вечеръ у кого-нибудь устраивается «наданъ», что на этихъ вечерахъ молодежь себя держитъ весьма свободно. Оговаривались мы, правда, что относительно бурятъ нельзя сказать того, что говоритъ г. Дуброва о монголахъ, а именно, что «наданъ» кончается обязательно «свальнымъ грѣхомъ»; тѣмъ не менѣе однако общее возрѣніе бурятъ (особенно улусныхъ, не тронутыхъ еще культурой русской) таково, что они даже въ «свальномъ грѣхѣ» при подобныхъ обстоятельствахъ не нашли-бы ничего предосудительнаго. Фактъ тотъ, что молодежь по окончаніи «надана» спитъ обязательно попарно, что для дѣвушки, равно какъ для юноши, считается позоромъ если они остаются не выбранными, что только нѣкоторая стыдливость мѣшаетъ молодежи обращать эти ночи въ оргіи, при малѣйшей-же возможности она наслаждается любовью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ старшіе держатъ себя въ такихъ случаяхъ совершенно нейтрально. Соображая также то, что цѣломудрія отъ невесты никто не требуетъ, ни семья жениха, ни самъ женихъ, что цѣломудріе на самомъ дѣлѣ въ высшей степени рѣдкое явленіе у бурятскихъ невестъ, — мы считаемъ себя вправѣ сказать, что обычай

«туянья» невесты есть несомненная дань, уплачиваемая современным бурятским браком коммунальному браку или гетеризму, через который, вероятно, проходили и монголы, хотя-бы много тысяч летъ тому назадъ.

Обрядъ увоза невесты изъ дома родителей до такой степени рельефно воспроизводитъ картину насильственного похищенія женщины, практиковавшагося въ періодъ брака «умыканіемъ», что не нуждается въ толкованіи. Одно лишь обстоятельство вызываетъ недоумѣніе, — отчего невесту выносятъ изъ юрты ея-же родные, а не женихъ или его родные. Но если сравнить подробности этого обряда у Селенгинскихъ и Хоринскихъ бурятъ, монголовъ и Кударинскихъ бурятъ, то легко убѣдиться, что у первыхъ нѣкоторыя очень характерныя детали обряда исчезли. У монголовъ, по Гюку и Габа¹⁾, женихъ посылаетъ за невестой нѣсколькихъ своихъ друзей; подружки невесты и ея *родные* оказываютъ прѣхавшимъ мнимое сопротивленіе и наконецъ уступаютъ. У Кударинскихъ бурятъ, какъ мы видѣли, женихъ является съ товарищами къ невестѣ еще съ вечера (въ старину онъ являлся даже вооруженный), а съ «охтомжи» невесту ведутъ обязательно 3 — 4 человека съ жениховой стороны. Ясно, что недостающія у Хоринскихъ и Селенгинскихъ бурятъ подробности случайно атрофировались.

Весьма важно замѣтить, что представителемъ невестина поѣзда является не отецъ ея, а особый «Убугунъ Туру» (у Селенгинскихъ бурятъ — Хадынъ-Туру). Это старшій, самый почетный человекъ въ поѣздѣ, въ древности несомѣнно бывший главой, начальникомъ рода. Своимъ присутствіемъ Убугунъ-Туру санкціонируетъ фактъ отдачи женщины въ чужой родъ, а такой фактъ былъ, какъ извѣстно, нѣкогда дѣломъ общественнымъ, затрогивавшимъ интересы всѣхъ. Не только въ періодъ гетеризма родъ, у котораго похищали женщину, считалъ себя обиженнымъ и мстилъ за обиду, но даже гораздо позже, когда могла установиться иная форма брака, похище-

¹⁾ Гюкъ и Габа. Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ, стр. 127.

ніе женщины, какъ фактъ насилія надъ правомъ одного изъ членовъ племени, вызывало между обиженнымъ племенемъ и обидѣвшимъ кровопролитныя столкновения. Лишь съ теченіемъ времени, когда случаи похищенія женщинъ стали повторяться чаще, когда болѣе глубоко была признана необходимость похищеній при экзогамическомъ бракѣ, когда убыточность кровопролитныхъ столкновений заставила обѣ стороны искать компромисса, могла явиться мысль удовлетвориться выкупомъ за поруганное право племени. Само собою разумѣется, что самая сдѣлка о выкупѣ продолжала еще носить характеръ серьезнаго общественнаго событія, въ которомъ принимали участіе оба рода, какъ потерпѣвшаго, такъ и обидчика. Понятно также, что первоначально переговоры должны были идти весьма туго, что достаточно бывало малѣйшаго повода, чтобы обѣ стороны отвергли смиряющее страсти нововведеніе и предпочли болѣе энергичную старую форму отстаиванія своего права — путемъ войны. Но суждено-ли было кончиться переговорамъ примиреніемъ сторонъ или битвой, прежде всего надлежало узнать точно, кто именно произвелъ похищеніе, ибо похитители, по всей вѣроятности, употребляли всѣ старанія скрыть свои слѣды. Наряжались лазутчики, развѣдывавшіе осторожно, какое племя провинилось передъ потерпѣвшимъ племенемъ. Намъ кажется, что обрядъ «тэмэ бэдэрэху» волиѣ ясно воспроизводитъ сцену встрѣчи развѣдчиковъ съ тѣмъ, кто дѣйствительно похитилъ ихъ женщину.

Но вотъ оба рода сошлись для переговоровъ. Оба «Убунь-Туру» фигурируютъ въ качествѣ представителей родовъ. Условія заключены; кажется всѣ недоразумѣнія устранены, всѣ чувствуютъ себя удовлетворенными. Вдругъ какой-нибудь непримиримый родственникъ невѣсты заявляетъ претензію, что ихъ не хорошо угощали, не хорошо кормили — обстоятельство, играющее весьма важную роль въ жизни дикарей. Сигналь къ сеорѣ поданъ; мало того, этотъ требовательный родственникъ самовольно ловитъ коня или барана, принадлежащаго жениху или его родственнику, съ цѣлю

убить его и угостить своихъ на славу. Понятно, что родные жениха торопятся успокоить расхолодившагося гостя. Вѣрнѣе всего, что первоначально недовольному родственнику отдавали скотину, которой онъ завладѣвалъ, и только съ теченіемъ времени стали выкупать коня или барана за стегно мяса и деньги. То, что невеста остается позади, и что именно въ ея отсутствіе продѣлывается обрядъ «хони борилху» — не случайное явленіе. Намъ кажется, что преувеличенная требовательность со стороны родныхъ невесты могла практиковаться не только тогда, когда всякое недоразумѣніе грозило перейти въ схватку, но и тогда, когда покупной бракъ сталъ господствующимъ и недовольные родственники невесты могли нарушить условіе и удержать невесту у себя. Но какъ только невеста привезена, роли сторонъ мѣняются, — недовольными являются уже родные жениха. Во время обряда «уудэ бузялдаху» они не пускаютъ невесту въ юрту отца жениха и смягчаются только тогда, когда получаютъ выкупъ. Далѣе, они пріобрѣтаютъ особенныя права надъ невестой. Купивъ себѣ право войти въ юрту свекра подъ благословеніе, невестка кромѣ того должна поклониться не только свекру, но и веѣмъ старшимъ роднымъ мужа; а поклоны эти налагаютъ на нее, какъ мы видѣли, особенныя обязанности: она не должна спать съ ними въ одной юртѣ, должна скрываться отъ нихъ во время отправления естественныхъ нуждъ и т. д. Намъ кажется не достаточнымъ объясненіе всего этого тѣмъ почтеніемъ, которымъ молодая должна проникнуться съ перваго-же дня послѣ свадьбы къ упомянутымъ лицамъ. Мы полагаемъ, что та исключительная строгость въ правахъ, которая приписывается современнымъ возрѣніемъ бурятъ невесткѣ по отношенію къ отцу мужа и старшимъ роднымъ его и обратно этимъ роднымъ по отношенію къ невесткѣ (ибо и имъ запрещается касаться невестки, садиться около ея постели, отправлять естественныя нужды у нея на виду) должна быть разсматриваема, какъ историческая реакція противъ отношеній совершенно противоположнаго характера.

Если принять въ соображеніе, что у Хоринскихъ бурятъ еще 70—80 лѣтъ тому назадъ бывали браки ¹⁾ свекра съ вдовой невѣсткой и пасынковъ со вдовой мачихой, что у Верхоленскихъ бурятъ ²⁾ невѣстка вдова обязательно должна была выйти за родственника покойнаго мужа, даже за отца его, и что даже у современныхъ бурятъ понятія о половой нравственности весьма примитивны, то можно съ нѣкоторымъ основаніемъ заключить, что буряты въ древности пережили и такую форму брака, при которой похищенная или инымъ путемъ приобрѣтенная женщина становилась собственностью всей семьи, въ которую она вступила, и всѣ взрослые мужчины могли обладать ею на одинаковыхъ правахъ. Такое заключеніе можно сдѣлать съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что указанная сейчасъ форма полиандрии была сильно распространена въ древности у многихъ народовъ Азии, въ томъ числѣ и у монголовъ ³⁾.

Мы оставили много обрядовъ безъ объясненія какъ потому, что не желали дѣлать слишкомъ рискованныхъ выводовъ, такъ и потому, что ключъ къ уразумѣнію внутренняго смысла многихъ изъ описанныхъ нами обрядовъ можетъ дать только серьезное сравнительное изученіе брачныхъ обрядовъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, а послѣдняя задача теперь лишь намѣчается.

М. Крель.

¹⁾ Самоквасовъ. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, стр. 65.

²⁾ Тамъ-же, стр. 75.

³⁾ Letourneau. La Sociologie d'après l'ethnographie, p. 372. On peut donc considérer comme acquis que, chez les Mongoloïdes et chez les Mongols, la famille le constitue ou s'est constituée fort lentement, qu'une promiscuité plus ou moins retreinte a existé chez la plupart de leurs groupes ethniques, et que la polyandrie en est encore un vestige vivant...

Г. В. АДРИАНОВЪ.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

абсолютныхъ высотъ въ разныхъ пунктахъ Забайкальской области, опредѣленныхъ по нивелировкамъ экспедиціи для изысканій Забайкальской желѣзной дороги.

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Абсолютная высота.	
		ВЪ САЖ.	ВЪ ФУТ.
1	Переваль Хамарь-Дабанскаго хребта въ верховьяхъ р.р. Мантурихи и Убукуна - - - - -	514	3598
2	Горизонтъ меженныхъ водъ р. Убукуна при выходѣ изъ горъ, въ щекахъ близъ мельницы - -	331,47	2320
3	Горизонтъ межен. водъ р. Селенги 1893 г. близъ дер. Кибальной -	250,58	1754
4	Горизонтъ весен. и осен. тамъ-же въ 1893 г. - - - - -	251,24	1759
5	Горизонтъ самыхъ высокихъ водъ тамъ же въ навод. 1869 г. -	252,96	1772
6	Горизонтъ сам. выс. вод. р. Селенги въ наводн. 1869 г. въ г. Верхнеудинскѣ - - - - -	245,05	1715
7	Горизонтъ меж. вод. р. Селенги въ г. Верхнеудинскѣ - - - - -	242,84	1700
8	Отмѣтка метеорол. станц. (уѣздное училище; взято на ближайшемъ ко входу въ калитку камиѣ) -	244,810	1714

9	Гориз меж. вод. р. Оронгоя близь моста почтоваго тракта изъ г. Верхнеудинска въ Кяхту - - -	255,90	1792
10	Горизонтъ меж. вод. р. Хилка у дер. Хоритоновой 1893 г. - - -	254,83	1784
11	Горизонтъ сам. выс. вод. тамъ же въ навод. 1869 года - - - - -	256,53	1796
12	Горизонтъ меж. вод. р. Хилка въ 5 вер. ниже деревни Паркиной 1893 г. - - - - -	257,53	1803
13	Горизонтъ сам. выс. вод. тамъ же въ наводн. 1869 года - - - - -	259,23	1815
14	Отмѣтка перевала изъ Тунгуя въ Балягу - - - - -	446,64	3127
15	Отмѣтка меж. вод. гориз. р. Баляги, праваго притока р. Хилка, въ Петровскомъ заводѣ - - - - -	373,75	2616
16	Отмѣтка новой метеор. ст. въ Петровскомъ заводѣ - - - - -	375,11	2626
17	Отмѣтка меж. гориз. вод. р. Хилка у устья р. Тигни - - - - -	346,90	2428
18	Тамъ же гориз. высок. вод. р. Хилка - - - - -	348,40	2439
19	У мыса Шебарту на правой сторонѣ р. Хилка (Талбага на лѣвой сторонѣ Хилка) гориз. меж. вод	351,65	2462
20	Тамъ же гориз. выс. вод. - - - - -	353,45	2474
21	У мыса Зуринъ на прав. стор. Хилка гориз. меж. водъ - - -	366,94	2569
22	Тамъ же » выс. водъ - - - - -	368,35	2579

23	Противъ устья р. Хилкосона, впадающаго съ лѣвой стороны въ р. Хилокъ, гориз. меж. вод.	384,74	2693
24	Тамъ же гориз. выс. вод.	386,10	2703
25	На пересѣченіи р. Хилка линіей ж. д. на 12 вер. къ Западу отъ перевала чрезъ Яблоновый хребетъ въ верхов. р. Куки, впадающей съ лѣвой стороны въ р. Ингоду, гориз. меж. вод.	445,90	3121
26	Тамъ-же гориз. выс. вод.	446,30	3124
27	Перевалъ чрезъ Яблоновый хребетъ въ верх. р. Куки	493,00	3451
28	Горизонтъ меж. вод. р. Ингоды бли. Кукинскаго села	323,128	2262
29	Тамъ-же горизонтъ выс. вод. въ 1863 г.	323,65	2266
30	Горизонтъ р. Ингоды при сліяніи ея съ р. Читой (1893 г. въ августѣ)	308,53	2160
31	Тамъ-же горизонтъ льда	308,19	2157
32	« « « выс. вод. 1863 г.	309,60	2167
33	Горизонтъ р. Читы у город. моста на трактѣ (1893 г. въ августѣ)	309,50	2167
34	Тамъ-же горизонтъ льда	309,16	2164
35	« « « выс. вод. 1863 г.	310,50	2174
36	Горизонтъ р. Читы у губернатор. дома (цоколь)	315,86	2211
37	Горизонтъ р. Читы у архіерейскаго дома (цоколь)	323,20	2263
38	То-же, грунтъ подъ метеорол. станц.	322,71	2256

39	Горизонтъ вод. р. Ингоды (въ августѣ 1893 г.) у Кайдалово, т. е. 100 вер. ниже Читы - -	278,97	1953
40	Тамъ же гориз. выс. вод. 1863 г. -	281,20	1968
41	Горизонтъ воды р. Ингоды (Юль 1893 г.) выше впаденія Онона около 2-хъ вер. - - - -	244,48	1712
42	Тамъ же горизонтъ выс. вод. - -	246,40	1725
43	При устьѣ р. Онона гориз. меж. вод. -	242,40	1697
44	Тамъ же горизонтъ выс. вод. - -	245,45	1718
45	При устьѣ р. Нерчи гориз. меж. вод. -	227,85	1595
46	Тамъ же горизонтъ выс. вод. - -	230,85	1616
47	Отмѣтка лѣваго (сѣвернаго) угла на паперти Троицкой церкви въ старомъ гор. дѣ Нерчинскѣ - -	231,130	1618
48	Отмѣтка закругленія цоколя праваго (южнаго) угла Воскресенскаго Собора въ новомъ гор. Нерчинскѣ (таже отмѣтка относится ко второй ступени паперти, считая сверху того-же Собора) - - -	239,468	1676
49	Отмѣтка подъоконника окна (со стороны, обращенной на Юго-Западъ) церкви во имя Стрѣтенія Господня въ станицѣ Стрѣтенской	220,108	1544
50	Отмѣтка пола церковныхъ стѣн -	219,591	1537
51	При станиц. Стрѣтенскѣ горизонтъ межен. водъ - - - - -	214,00	1498
52	Тамъ-же горизонтъ высок. водъ -	217,50	1523
53	При устьѣ р. Кары гориз. межен. водъ - - - - -	194,65	1363

54	Тамъ же гориз выс. водъ -	197,64	1384
55	Гор. выс. вод. р Шилки уд Черной -	193,50	1355
56	« « « « « « Горбицы -	190,00	1330
57	« « « « « « Часовой -	179,05	1253
58	« « « « « « Аникиной -	174,00	1218
59	« « « « « « Гришиной -	169,00	1183
60	« « « « « Амура « Покровской	154,05	1078

Начальникъ изысканій Забайкальской ж. д.

Инженеръ *Адриановъ.*

С М Ъ С Ъ.

А. С. ЕЛЕНЕВЪ. Замятка къ археологiи окрестностей г. Иркутска.

Лѣтомъ 1893 года мною сдѣлано нѣсколько непродолжительныхъ экскурсiй въ окрестностяхъ г. Иркутска съ цѣлю познакомиться, сколько возможно, съ доисторическою археологiю этой мѣстности. О результатахъ своихъ экскурсiй считаю долгомъ сообщить въ Восточно Сибирскiй Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества ¹⁾.

По находкамъ каменныхъ орудiй и другихъ предметовъ каменнаго періода обращаютъ на себя вниманiе возвышенности подъ именемъ Верхоневскихъ горъ, расположенныя въ 4—5 верстахъ къ N отъ г. Иркутска. Въ ст. тѣхъ Н. И. Витковскаго «Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ р. Ангары»

¹⁾ Печатаю настоящую замѣтку, не вносящую ничего существенно новаго въ дѣлѣ археологическаго изученiя окр. Иркутска, редакция руководствуется тѣмъ соображенiемъ, что и это краткое сообщенiе можетъ принести пользу будущимъ исследователямъ, указывая тѣ или другiе пункты, интересныя въ археологическомъ отношенiи. А что бассейнъ р. Ангары въ археологическомъ отношенiи не изученъ еще вполне, не смотря на прекрасныя изслѣдованiя Н. И. Витковскаго, это можно видѣть изъ того, что лѣтомъ настоящаго года (1894) г-ну Еленеву удалось произвести богатые по результатамъ изысканiя въ ближайшихъ окрестн. Иркутска, у дд. Лисихи и Кузьмихи. Въ настоящее время г. Еленевъ занятъ обработкою своихъ изслѣдованiй и подготовкою ихъ къ печати. *Примѣч. Редакцiи «Извѣстiй».*

(Извѣстія В. С. Отдѣла, Т. XX, № 1, 1889 г.) имѣется слѣдующее указаніе по этому предмету: «на Верхленской горѣ, прилегающей къ доли Жарниковой, зѣтъ 15 тому назадъ въ расщелинахъ юрскаго песчаника камнеломы нашли десять штукъ каменныхъ изображеній рыбъ». Тамъ-же изъ «Отрывковъ о Сибири» Геденштрома приведено еще такое показаніе: «топоры, долота и стрѣлы каменные, топоры и долота изъ жада, нашли въ 4 верстахъ отъ Иркутска въ Верхленской горѣ, въ камнеломѣ, на глубинѣ 5 саж. отъ верха горы». Въ послѣднее время по спускамъ возвышенностей, расположенныхъ къ Е отъ Якутскаго тракта, на указанномъ разстояніи отъ г. Иркутска, вѣ окружающихъ низменность—«топку», праваго берега р. Ангары, находимы были кремневые и сланцевые сколки, ланес, скребки, нуклеусы и черенки горшковъ. —Сколько было возможно, эта мѣстность изслѣдована мною, и въ результатѣ оказалось слѣдующее. По спускамъ Верхленскихъ возвышенностей, занятымъ въ настоящее время пашнями, на протяженіи около 1 версты до заброшенной камнеломни, изрѣдка встрѣчаются кремневые и сланцевые сколки и черенки горшковъ. Въ борту камнеломни, въ толщѣ растительной почвы—суглинка и ниже, всего на глубинѣ около 1 метра отъ дневной поверхности, изрѣдка встрѣчаются каменные сколки и обломки костей. Здѣсь-же, въ борту камнеломни, рѣзко выдѣляется обызвесткованный прослоекъ суглинка, толщиной около 5 см., на глубинѣ до 1 метра отъ дневной поверхности. Въ виду этого можно съ вѣкоторою достовѣрностію полагать: 1) по спускамъ Верхленскихъ возвышенностей, ближайшихъ къ камнеломнѣ, и надъ камнеломнею была стоянка каменнаго періода, въ настоящее время разрушенная съ поверхности пашнями; 2) предметы каменнаго періода, о которыхъ упоминаютъ Геденштрома и Витковскій—случайно попали въ камнеломню на глубину до 5 саж. отъ верха горы, спустившись сюда изъ верхняго слоя растительной почвы, содержащаго и нынѣ остатки каменнаго періода въ видѣ каменныхъ сколковъ и обломковъ костей; 3) такъ какъ обызвесткованіе слоя почвы рѣзко выдѣлившись въ разрѣзѣ камнеломни, могло произойти въдѣствіе залеганія на указанной глубинѣ какихъ либо органическихъ остатковъ съ содержаніемъ извести, напр. костей, то нѣтъ-ли въ этой мѣстности могильника первобытныхъ обитателей Верхленской стоянки? Категорически рѣшить вопросы о Верхленской стоянкѣ и могильникѣ раскопками надъ камнеломнею и въ ближайшихъ къ ней мѣстахъ не было возможности въ виду того, что мѣстность здѣсь была занята хлѣбомъ на корню. Если представится возможность, необходимо произвести здѣсь раскопки при болѣе благоприятныхъ условіяхъ въ будущемъ.

Н. И. Витковскій въ той-же статьѣ «Слѣды каменнаго вѣка въ доли нѣ р. Ангары» указалъ на присутствіе слѣдовъ каменнаго періода въ доли,

въ р. Куды, впадающей въ р. Ангару съ правой стороны, въ 20 верст. отъ г. Иркутска, въ направленіи отъ О къ Е въ нижнемъ ея теченіи (отъ д. Хомутовой до с. Усть-Кудинскаго). Въ 1882, 1884 и 1888 годахъ на пашняхъ селеній Грановской и Поздняковой, расположенныхъ по р. Кудѣ въ разстояніи около 20 верстъ отъ устья ея, мѣстными крестьянами найдены три топорика изъ глинистаго сланца. Н. И. Витковскій не разъ осматривалъ песчаные наносы по правому берегу р. Куды на протяженіи около 20—25 верстъ отъ устья ея; обнаруженное имъ скопленіе раздробленныхъ костей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ очень тонкимъ слоемъ растительной почвы отнесено имъ къ инородческой стоянкѣ позднѣйшаго времени, а куски глинистаго сланца со слѣдами древней обработки, найденные при самомъ устьѣ р. Куды, утвердили въ немъ надежду на возможность, что «будущіе поиски здѣсь увѣнчаются болѣе обильными результатами». Въ этихъ видахъ мною сдѣлана экскурсія на р. Куду.

Разспросы у мѣстныхъ жителей селеній Хомутовскаго, Грановскаго, Уриковскаго и Усть-Кудинскаго, расположенныхъ по правой сторонѣ р. Куды на указанномъ протяженіи, не дали благопріятныхъ указаній по интересующему меня вопросу: въ большинствѣ случаевъ у нихъ имѣется смутное представленіе о каменныхъ орудіяхъ, и никто изъ нихъ не встрѣчалъ ничего подобнаго около своихъ жилищъ ни при земляныхъ работахъ подъ постройками, ни въ огородахъ и на пашняхъ. Неотчетливое представленіе о «громовыхъ стрѣлахъ», болѣе по преданіямъ и слухамъ, бродитъ въ умахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ съ какимъ то страннымъ довѣріемъ къ «громовой стрѣлѣ», по ихъ выраженію, какъ къ «талану», отъ котораго зависить счастье обладателя этого «талана», чему представленъ былъ и подходящий примѣръ. Въ с. Уриковскомъ въ 1892 г. пало около 1500 штукъ скота: у нѣкоторыхъ хозяевъ изъ нѣсколькихъ штукъ скота не осталось ни одной, а у иного всего только одна скотина и та осталась невредимою. Последнее явленіе откровенными собесѣдниками, крестьянами с. Уриковскаго, приписывается всецѣло «талану» — «громовой стрѣлѣ», которая непременно хранится гдѣ-нибудь въ тайникахъ этого благополучнаго хозяина; но на вопросъ, дѣйствительно-ли имѣются «громовые стрѣлы» въ тѣхъ дворахъ, которыхъ не тронулъ падежъ скота 1892 г., получался отвѣтъ: «гдѣ узнать, — скрываютъ: стрѣла боится глазу». Въ этихъ видахъ отчасти понятно, почему крестьяне на спросъ относительно находокъ каменныхъ орудій около своихъ жилищъ отвѣчаютъ отрицательно. — Личные поиски остатковъ каменнаго періода въ окрестностяхъ сс. Хомутовскаго, Грановскаго и Уриковскаго не дали мнѣ положительныхъ результатовъ: я не встрѣтилъ ни одного каменнаго предмета, который-бы указывалъ на ту или другую обработку, отбивъ или сколь рукою первобытнаго человѣка. Обращаетъ на себя вниманіе

небольшой участокъ земли на правомъ берегу р. Куды около 1 версты выше д. Грановской: здѣсь, на открытой равнинѣ съ небольшою покатью къ рѣкѣ, замѣчается довольно правильная волнистость въ видѣ болѣе или менѣе правильно расположенныхъ, параллельно теченію рѣки, невысокихъ валиковъ мѣстами съ небольшими углубленіями. Это, должно быть, или остатокъ перваго поселенія основателей д. Грановской, или остатокъ поселенія болѣе древнихъ обитателей этой мѣстности; категорически рѣшить этотъ вопросъ должны пробныя раскопки.—Въ виду указаній Н. П. Витковскаго, мѣстность около с. Усть-Кудинскаго должна была-бы представить особый интересъ въ археологическомъ отношеніи; но надежды эти далеко не оправдались. Песчаная возвышенность праваго берега р. Куды на протяженіи около 1 версты выше с. Усть-Кудинскаго представляетъ готовые разрѣзы для изслѣдователя въ видѣ многочисленныхъ небольшихъ ямъ, изъ которыхъ мѣстные жители берутъ для домашняго обихода замѣчательной чистоты мелкаго зерна красноватый песокъ. Детальный осмотръ всѣхъ этихъ разрѣзовъ не далъ ниѣ никакихъ признаковъ культуры каменнаго періода; въ разрѣзѣ нѣсколькихъ ямъ, ближайшихъ къ с. Усть-Кудинскому, на глубинѣ около 20 см., хотя и обнаружился прослойкъ съ углемъ толщиной около 5 см., но добытые здѣсь пробными раскопками нѣсколько черепковъ горшковъ, а затѣмъ черепокъ фарфоровой посуды отчетливо указали на недавнее происхожденіе этого прослойка; и дѣйствительно, на памяти мѣстныхъ старожилловъ, здѣсь были какія-то старинныя постройки. Нѣсколько дальше изслѣдованныхъ мною ямъ, по осыпямъ праваго берега и въ низкоросломъ, рѣдкомъ соснякѣ, мѣстность также не представила особаго интереса, если не считать поднятыхъ въ одномъ мѣстѣ кварцитаго нуклеуса, сланцевыхъ сколковъ и черепковъ горшковъ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Осмотръ пашень, огородовъ и могильныхъ насыпей на нынѣшнемъ кладбищѣ с. Усть-Кудинскаго, какъ и изслѣдованіе мѣстности при устьѣ р. Куды не дали положительныхъ результатовъ; хотя при самомъ устьѣ р. Куды и поднято было мною нѣсколько черепковъ горшковъ и сланцевыхъ сколковъ, но надѣяться здѣсь на болѣе цѣнный матеріалъ въ археологическомъ отношеніи положительно нѣтъ основаній въ виду того, что мѣстность при устьѣ не представляетъ условій, какія требовались для стоянки древняго человѣка: здѣсь близко къ рр. Ангарѣ и Кудѣ подходятъ крутые утесы, а открытая предъ ними небольшая площадь значительно завалена камнями, спустившимися съ утесовъ.—На основаніи сказаннаго можно полагать, что правый берегъ р. Куды отъ д. Хомутовой до устья ея и мѣстность при устьѣ р. Куды не служили мѣстомъ болѣе или менѣе продолжительной, постоянной стоянки для первобытнаго человѣка; на р. Куду онъ заходилъ, но только на время,

для тѣхъ или другихъ цѣлей съ какой-либо ближайшей, болѣе или менѣе постоянной своей стоянки.

Исслѣдованіе мѣстности при устьѣ р. Балей, впадающей въ р. Ангару съ правой стороны въ направленіи отъ N къ S, въ разстояніи около 45 вер. отъ г. Иркутска, какъ и разпросы у мѣстныхъ жителей по интересующему вопросу, выяснили, что и здѣсь не было стоянки первобытнаго человѣка.

Исслѣдованіе мѣстности около д. Звѣревой при устьѣ р. Китоя, впадающей въ р. Ангару съ лѣвой стороны въ разстояніи около 50 верстъ отъ г. Иркутска, — затѣмъ по лѣвому берегу р. Иркуты, по правому берегу рч. Ушаковки и по возвышенностямъ около Знаменскаго предмѣстья и Рабочей слободы около г. Иркутска не представило никакго археологическаго матеріала.

Алексій Еленевъ.

1894 года 17-го января.

Г. Чита.

М. В. ПИХТИНЪ. Свѣдѣнія о количествѣ шкурокъ пушныхъ звѣрей, кабарговой струи и мамонтовой кости, доставленныхъ и проданныхъ въ Якутскѣ на ярмаркѣ 1893 года ¹⁾.

НАЗВАНІЯ	Количество.	ЦѢНЫ.						На сумму въ руб.
		отъ		до		средняя.		
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	
Соболей ²⁾ - - - - -	5000	5	—	150	—	35	—	175000
Лисиць чернобурыхъ -	60	50	—	250	—	100	—	6000
» сиводушекъ -	1525	8	—	35	—	14	—	21350
» красныхъ ³⁾ -	11000	5	—	5	50	5	25	57750
Песцовъ голубыхъ - -	30	15	—	35	—	30	—	900
» бѣлыхъ - - - - -	16260	—	—	—	—	3	30	53358
Колонковъ - - - - -	1400	—	65	—	75	—	70	980

¹⁾ Свѣдѣнія за 1892 г. напечатаны въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла Т. XXIV, № 1-й.

²⁾ Изъ нихъ—1700 витимскихъ.

³⁾ Въ нынѣшнемъ году было необыкновенно большое количество лисиць, потому что обильные промысла лисиць были въ Колымскомъ и Верхоянскомъ округахъ.

Горностая - - - - -	64000	—	12	—	14	—	13 ¹ / ₂	8640
Медвѣдей - - - - -	420	10	—	50	—	25	—	10500
Бѣлки - - - - -	6 6000	—	13	—	22	—	20	120000
Хвоста бѣличьяго - -	20 пуд.	150	—	200	—	175	—	3500
Пыжиковъ крупныхъ -	2540	3	—	6	—	5	—	12700
" мелкихъ ¹⁾ -	17000	—	50	1	80	1	50	25500
Бобровъ рѣчныхъ - -	50	—	—	—	—	18	—	900
Струн кабарговой - -	3000	—	—	—	—	3	20	9600
Бивней мамонтовыхъ -	1330	—	—	—	—	32	—	42560
Итого на -	—	—	—	—	—	—	—	549538

М. Пухляковъ.

Н. ТАЛЫЗИНЪ. ДВѢ УРЯНХАЙСКІЯ СКАЗКИ.

Бывшій пограничный Усинскій начальникъ г. Н. Талызинъ въ 1892 году доставилъ въ Отдѣлъ двѣ урянхайскія сказки, разсказанныя ему урянхомъ Байгара сумо Тачжи Дондобъ, которыя и печатаются здѣсь въ переводѣ самого г. Талызина. *Примѣч. Редакція.*

1. ТРИ ДОЧЕРИ ХАНА.

Одинъ ханъ, имѣлъ трехъ дочерей и боясь за ихъ цѣломудріе, построилъ особый домъ, гдѣ онѣ могли-бы жить отдѣльно. Одна изъ дочерей, которая была поболѣе, возронтала, говоря:—«что сидѣть намъ такъ, чтобъ насъ никто не видалъ; каждая женщина призвана исполнить свое назначеніе—быть хозяйкой и матерью». Другія сестры нажаловались отцу, что младшая дочь говоритъ непристойныя рѣчи; и родители рѣшили выгнать непокорную дочь. По распоряженію ихъ двое изъ слугъ раздѣли ее догола и увезли такъ далеко, пока лошади не пристали, и бросили въ пустынномъ мѣстѣ. Оставшись одна, нагая пошла, куда глаза глядятъ, и скоро устала, разбилась и въ такомъ состояніи набрела на шалашъ (чадру), въ которомъ, какъ замѣтно было, кто-то жилъ. Она стала просить, чтобъ ей бросили одеж-

¹⁾ Привозъ пыжиковъ (шкуры телятъ и молодыхъ оленей) въ Якутскъ съ каждымъ годомъ увеличивается, въ сильный ущербъ оленеводству. Не мѣшало-бы на это обратить вниманіе.

ду прикрыть наготу. Въ отвѣтъ послышался голосъ изъ шалаша: «я самъ нагъ и ничего не имѣю, прикрой наготу свою листьями и входи сюда». Она вошла въ чадру и увидала совершенно голаго человѣка, который и сказалъ ей:—«ты брошенная и нагая, и я таковъ-же; оставайся жить со мной, пока не найдетъ насъ кто нибудь». Они остались и зажили они, какъ мужъ съ женой. Невдольгъ узнали они, что недалеко поселились китайцы. И принялись они усердно за работу. Три мѣсяца ткали и шили кошелекъ подъ табакъ (чаньжикъ) и когда окончили, то молодой человѣкъ отправился къ китайцамъ продавать его, чтобы купить платье. Каждый, кто только не посмотритъ на кошелекъ, дивится на работу и отвѣтитъ, что для него дорогъ онъ, и посоветуетъ обратиться къ другому. Наконецъ, нашелся одинъ мудрецъ, который сказалъ продавцу, что хотя кошель и дорогъ, но онъ согласенъ приобрести его и вмѣсто платы скажетъ одно хорошее слово. Молодой человѣкъ согласился и мудрецъ сказалъ:—«уповай на будущее!»—и подарилъ, кромѣ того, платье. Съ тѣмъ и вернулся тотъ домой и сталъ жаловаться женѣ, что китайцы не покупали кошелька, и лишь мудрецъ одинъ согласился взять его—и то не за плату, но за хорошее слово—«уповай на будущее». Жена отвѣчала, что хорошее слово лучше всего, и принялась ткать и шить другой кошель. Ткали они его сто дней и, выткавъ, молодой человѣкъ опять понесъ продавать его китайцамъ; прежде другихъ обратился онъ къ знакомому мудрецу. Тотъ оцѣнилъ кошелекъ въ 98 ланъ, но, за неизмѣнимъ денегъ, купить отказался и предложилъ обратиться къ другимъ. Долго ходилъ молодой человѣкъ, но охотника купить кошелекъ не находилось. И сталъ молодой человѣкъ упрашивать знакомаго мудреца взять кошелекъ. Тотъ согласился, но опять не за деньги, а за новое хорошее слово—и сказалъ ему: «ты будешь Эресъ Сайнъ Таджи (мудрый храбрый князь)». Съ тѣмъ и вернулся будущій Таджи къ своей женѣ, которая и этимъ вновь осталась довольна. Черезъ нѣкоторое время въ сосѣдней землѣ открылся голодъ, и жители обратились къ тому-же самому мудрецу китайцу за совѣтомъ, что дѣлать. Онъ-же направилъ ихъ къ будущему Эресъ Сайнъ Таджи указавъ, что лишь онъ и можетъ пособить имъ. Выбрали депутацію и пригласили Эресъ Сайнъ Таджи въ свою землю и повезли его. Узнавъ о томъ другой сосѣдній ханъ—Узуттыхъ ханъ, владѣтель земель въ нижнемъ теченіи всѣхъ рѣчекъ, протекавшихъ по тѣмъ землямъ, и перехватилъ Эреса и увезъ къ себѣ. У хана-же шелъ споръ съ женой о томъ, чего на свѣтѣ больше—морей или суши. Когда провозили Эресъ Сайнъ Таджи къ хану, случилось проѣзжать ему мимо жилища мудреца китайца; и тотъ сказалъ Эресу:—«держи въ спорѣ сторону мужа, но не жены». По приѣздѣ ханъ Узуттыхъ первымъ деломъ спросилъ Эреса: «чего больше на свѣтѣ,—суши или морей?» Эресъ отвѣтилъ: «еслибы не было больше суши, то на чемъ-бы

держались моря?» Отвѣчалъ на это ханъ: «за то я и держалъ засуху, что спорилъ съ женой, и еслибъ ты сказала, что больше морей, она бы владычествовала надо мной, теперь-же дѣлаю тебѣ ханомъ той мѣстности, гдѣ держалъ я засуху». Эресъ Сайнъ Таджи поблагодарилъ и, прѣхавъ въ ту мѣстность, объявилъ о своемъ назначеніи жителямъ. Пошли дожди и народъ съ радостію призналъ его своимъ ханомъ. Черезъ нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное время поѣхалъ Эресъ за своей женой и, войдя въ чадру, увидалъ, что на полу лежитъ какой-то великанъ. Хотѣлъ Эресъ ударить его ножемъ, но тотъ не вынимался изъ ноженъ; хотѣлъ ударить палкой, — палка такъ и осталась висѣть на воздухѣ. Добылъ Эресъ огня и тогда только увидалъ свою жену; та закричала: «вставай, сынъ! отецъ прѣхалъ!» Таджи замѣтилъ, что вставшій великанъ по грудь былъ серебряный, а ниже чугунный, — и спросилъ жену, почему родился такой необыкновенный ребенокъ? Жена объяснила, что это произошло вслѣдствіе проклетія, положеннаго на нее отцомъ, и прибавила, что сынъ самъ отмститъ за то. Эресъ Сайнъ Таджи взялъ жену, сына и увезъ ихъ въ свое новое царство. Прошло долго-ли, коротко-ли; являюся въ ту мѣстность сестры ханши, — тѣ, которыя когда-то донесли на нее отцу, — ободранныя, обципанныя: — отецъ ихъ обѣдѣлъ и разорился. Ханша пожалѣла сестеръ и сдѣлала ихъ коровницами, сказавъ: «свотъ, еслибъ вы не наклеветали на меня, то были-бы теперь, какъ и я, въ почести и блескѣ; а ты, мой сынъ, прибавила ханша, поѣзжай и привези голову моего отца». Тотъ поѣхалъ, убилъ дѣда и голову его привезъ своей матери. Такъ творецъ достойно наказалъ завистливыхъ и злыхъ

2. БѢЛЫЙ КОНЬ.

Одинъ Тайджа (дворянинъ) имѣлъ двухъ женъ и былъ такъ богатъ, что въ цѣлый день не могъ-бы объѣхать своихъ табуновъ. Однажды, проѣзжая свой скотъ, онъ пробылъ въ полѣ болѣе сутокъ и, возвратясь домой голодный и усталый, попросилъ у одной изъ женъ ѣсть. Та заявила, что ничего не приготовила. Разсердился Тайджа и отвѣтилъ ей: «чтобъ тебѣ вѣтромъ изеушило!» и обратился къ другой женѣ. Оказалось, что и другая также ничего не приготовила. Пожелалъ и ей Тайджа того-же и обѣихъ женъ возвратилъ родителямъ. Прошло нѣкоторое время; — поѣхалъ Тайджа въ бѣлый логъ къ одному свитому пустынику, обсказалъ ему о поступкѣ своемъ съ женами, признался, что скучаетъ одинъ и попросилъ совѣта. Свистой отвѣчалъ, что случилось это по волѣ высшихъ судебъ, и совѣтовалъ ѣхать на востокъ, гонорю: «тамъ ты встрѣтишь двѣ рѣки, изъ которыхъ

одна течетъ на востокъ, другая ей на встрѣчу. Поѣзжай по первой, а вернись по второй и на дорогѣ увидишь три цвѣтка; выкопай средній и привези его домой». Такъ и сдѣлалъ Тайджа;—и когда возвращался по второй рѣкѣ, увидалъ три рядомъ росшихъ цвѣтка: средній былъ золотистый;—выкопалъ его, положилъ за пазуху и возвратился къ своимъ табунамъ и тамъ, по дорогѣ, встрѣтилъ такую молодую и красивую дѣвушку, что тутъ-же предложилъ ей быть его женой. Дѣвушка согласилась, и Тайджа привелъ ее въ свою юрту, въ которой спряталъ и цвѣтокъ. Черезъ вѣкоторое время увидала молодая жена въ юртѣ золотистый цвѣтокъ, украла его и, неизвестно почему,—бросила въ рѣку. Цвѣтокъ поплылъ по теченію. Замѣтила его одна женщина, выловила ковшомъ и, увидавъ, что цвѣтокъ не простой, рѣшила принести его въ даръ бурханамъ и для того унесла въ юрту и тамъ прилѣпила къ своимъ бурханамъ. Проснувшись утромъ, благочестивая женщина увидала, что вмѣсто цвѣтка предъ бурханами копошится какое-то маленькое существо; присмотрѣвшись къ нему, замѣтила, что это ребеночекъ, который на ея-же глазахъ сталъ расти и обратился въ прелестную дѣвушку; къ вечеру она уже уѣхала осматривать табуны своей пріемной матери и въ полѣ встрѣтилась съ Тайджей, который, замѣтивъ необыкновенную красоту дѣвушки, прослѣдилъ ее до юрты, познакомился и сталъ ежедневно посѣщать ее, нерѣдко оставаясь и на ночлегъ. Жена Тайджи стала замѣчать частыя отлучки мужа и начала допытываться о причинѣ ихъ. Въ порывѣ откровенности мужъ признался, что познакомился съ дѣвушкой необыкновенной красоты, по имени Чечекъ-Тынь-Бадара-Чечень-Тайгана, и неотступно сталъ просить жену сосватать ему ее. Жена, затаявъ неудовольствіе и злобу, согласилась, но не безъ задней мысли; насидѣла водки, наварила сыровъ и поѣхала сватать и, сосватавъ, привезла Чечень въ юрту. И сталъ Тайджа съ двумя женами. Однажды Тайджа уѣхалъ осматривать свои безчисленные табуны и остался въ полѣ долѣе сутокъ и къ удивленію замѣтилъ, что первая жена его, причась отъ него, ходитъ по его слѣдамъ. Тайджа сдѣлалъ видъ, какъ-бы не замѣчаетъ, но, возвратясь домой, спросилъ жену, что это значитъ. Жена со слезами отвѣчала, что сегодня она родила мальчика необыкновеннаго — половина тѣла изъ серебра, половина изъ золота,—но его украли; долго она искала его и убѣдилась, что ребенка украла и сожрала вторая жена—Чечень-Тайгана. «Поди и посмотри ей губы», прибавила первая жена, а предъ тѣмъ сама-же, заколовъ козленка, вымазала кровью губы спящей Чечень. Тайджа хотя и не повѣрилъ разсказу первой жены, но, чтобъ избавиться отъ ея криковъ, слезъ и упрековъ, выгналъ Чечень-Тайгана въ голую, безлюдную степь, гдѣ та и обречена была на вѣрную гибель. Несчастливая Чечень пошла прямо на востокъ и скоро завла въ такую пустыню, что, отъ истощенія, не могла уже идти далѣе, легла на землю и

сказала: «погибаю невинной, но существо мое бессмертно; и пусть смерть тѣла моего принесетъ пользу людямъ: пусть изъ крови моей на этомъ самомъ мѣстѣ образуется море, изъ двухъ костей моихъ выростутъ двѣ высокія, стройныя пальмы (чаиданъ яшъ), изъ двухъ глазъ моихъ выйдутъ два павлина. изъ тѣла и костей—большая гора Сюмюръ-Ула, а изъ сердца на той горѣ пусть выростетъ цвѣтокъ Чеченъ-Тайгана, изъ котораго и я образовалась!» Съ этими словами Чеченъ-Тайгана и умерла.

Наказаніе за праведную скоро наступило. Встаетъ однажды Куэнь-Тайджа и видитъ, что и негодная жена его, и стада, и все имущество пропало,—и онъ остался бѣднякомъ. Что ему дѣлать? Сталъ бродить онъ съ одного мѣста на другое и натолкнулся на прежняго святаго Сорджу пустычника, упалъ ему въ ноги и просилъ научить, что ему дѣлать, раскаиваясь горько, что не понялъ его словъ. Сорджа успокоилъ Тайджу словами, что все случившееся предопредѣлено свыше, и прибавилъ: «ступай все на востокъ; встрѣтишь гору Сюмюръ-Ула и на ней найдешь нѣчто замѣчательное». Такъ и сбѣжалъ Тайджа; пошелъ на востокъ, питаясь тѣмъ, что выручалъ, продавая по частямъ единственный оставшійся у него отъ прежнихъ богатствъ шелковый халатъ, и такъ дошелъ до голой пустыни, распродавъ свой халатъ до пояса. Далѣе населенія уже не было, но ему сказали, что впереди лежитъ море, если наешься изъ котораго, то утолишь и жажду, и голодъ. Идетъ Тайджа далѣе и дѣйствительно встрѣтилъ море; напился изъ него, приободрился и, замѣтивъ растущія на берегу два стройныхъ тѣнистыхъ дерева, легъ подъ ними и заснулъ и, проснувшись, увидалъ на тѣхъ деревьяхъ двухъ павлиновъ, разговаривавшихъ другъ съ другомъ. «Вотъ какое несчастіе»,—говорилъ одинъ павлинъ другому,—«слушать злыхъ женъ. Вотъ, напримѣръ, Чеченъ-Тайгана сколько выстрадала напрасно, а теперь за то и Тайджѣ пришлось напиться ея крови и укрѣпиться подъ тѣнью ея кости; но она не умерла и продолжаетъ жить вотъ на той горѣ—Сюмюръ-Ула,—ввидѣ цвѣтка». Услыхавъ это, Тайджа пошелъ къ горѣ, но она оказалась за моремъ. Изъ камыша связалъ онъ саликъ и поплылъ, и черезъ нѣсколько дней былъ уже на другой сторонѣ моря; но гора все еще была далеко. Тайджа пошелъ къ ней и къ вечеру усталъ—идти не могъ; тогда спѣ поползъ то на ногахъ, то на четверенькахъ и все-же достигъ до вершины горы. И тамъ открылась предъ нимъ поляна, и на ней бѣлая юрта, а возлѣ юрты стоялъ любимый его конь Куэнь хосхызатъ, пропавшій вмѣстѣ съ прочимъ богатствомъ. Тайджа вошелъ въ юрту и увидалъ сидящую въ ней свою вторую жену Чеченъ. Испугался онъ и присѣлъ у входа въ юрту. Взглянула на него некая Чеченъ-Тайгана, а Тайджа видитъ, что все, за что-бы ни взялась Чеченъ, само у нее въ рукахъ дѣлается;—взяла она чернаго соболя, и явилась шапка съ темно-синимъ шарикомъ; взяла кусокъ

шелковой материи, — явился халат; взяла доскуть кожи, повернула, — явился сапоги. Обращается затѣмъ Тайгана къ Тайджѣ и говоритъ: «Не ты ли Куэнь-Тайджа, который послушалъ своей скверной жены и прогналъ невинную Чечень-Тайгана?» Тайджа молчитъ, а жена продолжаетъ: «не столько ты виноватъ, сколько твоя злая жена, и я прощаю тебя». И одѣвъ его, посадила вѣздъ себя и сказала: «будь ты ханомъ этой мѣстности, называемой Сюмюръ-Ула».

И. Мамзинъ.

А. И. Кытмановъ. ТРИ ЮРАЦКІЯ СКАЗКИ.

Членъ Отдѣла А. И. Кытмановъ, кандидатъ естественныхъ наукъ С.-П. университета, проживающій въ Енисейскѣ, въ 1891 году совершилъ поѣздку на пароходѣ въ Туруханскій край. Во время этой поѣздки г. Кытмановъ записалъ три юрацкія сказки, которыя мы и приводимъ здѣсь такъ, какъ онѣ записаны имъ. Первая двѣ сказки г. Кытмановъ слышалъ отъ ѣхавшаго на пароходѣ г. И..., торгующаго въ тундрѣ и много лѣтъ вращающагося среди юраковъ—береговыхъ енисейскихъ и обдорскихъ и хорошо знающаго ихъ языкъ; вторая сказка, по словамъ г. И..., разсказывается обыкновенно въ видѣ правоученія молодымъ дѣвушкамъ. Третья сказка записана отъ стараго сѣдого юрака, бывшаго на пароходѣ въ качествѣ рабочаго-неводчика и знающаго, по словамъ Кытманова, множество юрацкихъ сказокъ. Такъ какъ старикъ по русски не говорилъ, потому сказка записана г. Кытмановымъ со словъ г. И..., переводившаго фразу за фразой при разсказѣ юрака. *Примеч. Редакція.*

ПЕРВАЯ СКАЗКА.

Юракъ Мууче Хасу имѣлъ до десяти тысячъ оленей въ своей тундрѣ и жилъ хорошо. У него былъ другъ—русскій купецъ Лопатка, жившій въ Обдорскѣ. Разъ понадобилось юраку купить себѣ разныхъ припасовъ: чаю, водки и т. п., и поѣхалъ онъ къ Лопаткѣ. Долго ѣхалъ онъ на своихъ быстрыхъ оленьихъ и наконецъ пріѣхалъ; другъ обрадовался, сталъ его угощать и пить водкой. Угощаетъ юрака онъ водкой и все угощается:—вотъ у меня слышь лѣтомъ плыветъ въ море на островъ норжей бить; поѣзжай-ка ты съ ними, какъ помнишь, бывало, въ молодости мы съ тобой промышляли. Долго юракъ не соглашался, но вино сдѣлало его по-

датливѣ, и онъ далъ слово. Лопатка поблагодарилъ его, и они условились весной собраться на Бѣломъ мысу, откуда вмѣстѣ и отправиться на морже-
вый промыселъ.

Дома жена юрака очень сердилась на своего мужа, что онъ согласи-
лся на такое предпріятіе. Но слово было дано, и юракъ не хотѣлъ отказаться.

Пришла весна, и юракъ прибылъ къ Бѣлому мысу, куда векорѣ при-
шло и судно Лопатки; купеческій сынъ векорѣ выѣхалъ на берегъ и при-
гласилъ къ себѣ на судно юрака.

Сѣли юракъ и Лопатка-сынъ на судно, подняли паруса и отѣхали
въ море.

Долго-долго плыли они по морю, проплыли мимо о. Шайтанскаго, на
которомъ юракъ съ Лопаткой-отцемъ останавливались прежде, когда шли
обратнымъ путемъ; наконецъ приплыли они къ острову Я. Гоя, гдѣ и рань-
ше юракъ съ Лопаткой-отцемъ ловили моржей.

Лопатка, человекъ молодой, горячій, побѣждалъ сейчасъ-же съ ружь-
емъ стрѣлять моржей и сразу убилъ четверыхъ, но за то остальные съ не-
пуга разбѣжались, и сколько Лопатка ни ходилъ, не могъ больше ни одного
застрѣлить. Юракъ-же, пока тотъ охотился, все пьянствовалъ и на моржей
не ходилъ. Но вотъ пришло время и юраку поохотиться; беретъ онъ лукъ
со стрѣлами и идетъ промыслать. Стрѣлокъ извѣстный: натянувши тетиву
и, наложивъ стрѣлы, промаху не сдѣлаетъ.

И сталъ юракъ стрѣлять. Промаху дѣйствительно не даетъ, а Лопат-
ка все мимо, да мимо...

Настрѣлялъ юракъ столько моржей, что рабочіе не могутъ и упра-
виться. Нагрузили они судно такъ, что запасу въ суднѣ осталось лишь три
четверти, и поплыли; вѣтеръ дулъ попутный. Юракъ все поиваетъ водку и
замѣчаетъ, что Лопатка на него что-то сердится.

Дорогой подплыли они къ одной льдинѣ, чтобъ набрать прѣсной воды
для питья. Лопатка и говоритъ юраку:—сходи на льдину, набери въ туясь
воды. Юраку показалось это подозрительнымъ: зачѣмъ—думаетъ онъ—хо-
чется ему, чтобъ я пошелъ; развѣ у него не стало рабочихъ; но не сталъ
спорить и пошелъ; взявъ съ собой лукъ:—думаетъ,—встрѣчу медвѣдя, убью.

Слѣзъ на льдину и векорѣ нашелъ озерко, хотѣлъ ужъ почерпнуть,
вдругъ Лопатка кричитъ ему:

— Зачѣмъ тутъ чернаешь?—Тутъ вода соленая отъ морскихъ волнъ.

Пошелъ юракъ дальше, хочетъ опять зачерпнуть воды,—Лопатка
опять кричитъ:—здѣсь вода тоже соленая, иди дальше!

Наконецъ, нашелъ юракъ хорошей прѣсной воды, начерпалъ и пошелъ
назадъ къ судну.

Идетъ и вдругъ видитъ: на суднѣ взвился парусъ, и оно поплыло и
было теперь уже на девятомъ валу.

Тутъ юракъ и плакалъ, и ревѣлъ, но ничего не подѣлаешь, судна не догонишь! Сѣлъ онъ на берегъ у льдины и ждетъ, не проплыветъ-ли кто-нибудь мимо.

Ждалъ, ждалъ—никого нѣтъ; пошелъ по берегу, убилъ нерпу и сталъ ее ѣсть. Сколько сѣлъ, а остальное взялъ съ собой: оставить на льдинѣ боялся.

Былъ сильный морозъ, юракъ усталъ, озябъ,—и нашло на него что-то вродѣ дремоты. Вспомнилъ онъ о своей родинѣ, о томъ, что, когда онъ передъ отъѣздомъ прощался со своей семьей, младшая дочь дала ему ровдужный кошелекъ и сказала:—Вотъ, возьми его и, когда тебѣ что нужно будетъ, махни имъ,—и всякое твое желаніе исполнится. Вынулъ теперь онъ мѣшечекъ, махнулъ имъ, и вдругъ вѣтеръ перемѣнился, сталъ дуть съ моря, и откуда-то попесло мимо него разныя дѣсины.

Вотъ плыветъ одна громадная дѣсина съ корнемъ и какъ разъ подплыла къ льдинѣ; юракъ воспользовался случаемъ, перескочилъ на нее и сѣлъ на комель дѣсины въ ямочку, а мѣшечекъ привязалъ на передній конецъ. И помчалась дѣсина быстро-быстро впередъ; все замелькало передъ нимъ. Смотрѣлъ-смотрѣлъ юракъ на мелькающіе передъ нимъ предметы и задремалъ... Вдругъ—толчекъ; проснулся и видитъ, что подплылъ къ сухой землѣ. Обрадовался юракъ, помолился о своемъ спасеніи, взялъ съ собой мѣшечекъ и кошель посмотреть, что это за мѣсто, куда его принесло.

Посмотрѣлъ юракъ въ море. Видитъ: плыветъ судно, но не его: то было о трехъ мачтахъ, а это только о двухъ. Подплываетъ это судно къ берегу, и выходитъ на берегъ тоже одинъ купеческій сынъ. Юракъ подробно разсказалъ ему о своей судьбѣ. Подружились и стали они вмѣстѣ жить, вмѣстѣ ѣсть и вмѣстѣ водку пить.

Видятъ они однажды: по морю бѣжитъ судно; юракъ призналъ въ немъ судно Лопатки. Оказалось, что островъ, на которомъ они живутъ, и есть о. Шайтанскій, и судно Лопатки, должно быть, идетъ, по обыкновенію, на зимовку. Дѣйствительно, судно пристало къ берегу. Какъ только Лопатка сошелъ на берегъ и увидалъ юрака, ошѣшилъ отъ испуга. Юракъ вспомнилъ обиду, бросился на него и хотѣлъ было ужъ задать ему потасовку, но новый другъ остановилъ его. Юракъ успокоился. И вотъ стали все трое обсуждать свое дальнѣйшее плаваніе: юракъ совѣтовалъ зимовать, но купеческій сынъ (не Лопатка) не согласился:

— Не буду—говорить—зимовать, поплыву дальше;—и отправился.

Лопатку-же юракъ успѣлъ уговорить не плыть, а остаться зимовать. Остались зимовать... Лопатка и говоритъ юраку:

— Давай строить домъ на зиму!

— Зачѣмъ домъ строить? Будемъ жить на суднѣ,-- вѣдь мы съ твоимъ отцемъ прежде всегда такъ дѣлали.

Но не могъ юракъ отвѣтовать Лопаткѣ постройку дома. Русскіе рабочіе живо выстроили домъ, амбары и стаи сюда перегружать все изъ судна: моржей и проч. Наступило холодное время, пошелъ снѣгъ, задули вѣтра... Видитъ юракъ: идетъ по острову человѣкъ громаднаго роста и прямо къ нему; тотъ спрашиваетъ:

— Куда ты идешь?

— Затѣмъ—говоритъ великанъ—осквернилъ ты мою землю и поселился на ней, не принеши жертвы? Съ этими словами, онъ махнулъ рукой и хотѣлъ схватить юрака, но тотъ вынулъ свой мѣшечекъ, и рука великана не коснулась его, а прошла мимо и, задѣвши за крышу дома Лопатки, сорвала ее; и крышею убило 15 человѣкъ рабочихъ.

Еще разъ юракъ махнулъ мѣшечкомъ, и великанъ исчезъ.

— Пойдемъ—говоритъ юракъ Лопаткѣ—на судно жить.

— Чего ты испугался?—возрѣкаетъ Лопатка—вѣдь это бурянь сильный и только

Пророчество, подобное этому, повторилось до трехъ разъ, и въ концѣ концовъ изъ всѣхъ людей, бывшихъ на суднѣ Лопатки, остались только Лопатка, да юракъ; изъ нихъ первый во время послѣдняго появленія великана спрятался за юрака и умолялъ спасти, обѣщая за это отдать ему все, чего тотъ захочетъ.

Наступила весна. Перебрались юракъ и Лопатка на свое судно, а векорѣ подняли паруса и отправились въ море.

Юракъ велѣлъ Лопаткѣ сидѣть въ каютѣ, а самъ привязалъ къ носу судна мѣшечекъ свой;—и быстро пошелось судно по морю.

Подплываютъ къ Бѣлому мысу, и юракъ видитъ: на берегу его олеши, чумы,—и обрадовался.

Лопатка упрашиваетъ однако-же юрака проводить его до отца. Тотъ подумалъ, что надо хорошенько раздѣлить убитыхъ моржей, и согласился довести сына купческаго къ его отцу. Приплыли къ отцу... Сынъ проситъ юрака не говорить о томъ, что онъ его оставилъ на льдинѣ; самъ-же рассказываетъ своему отцу о несчастіяхъ своего плаванія, о томъ, какъ его юракъ спасъ и о своемъ обѣщаніи дать ему изъ своего наслѣдства все, что онъ пожелаетъ.

— Вотъ—говоритъ отецъ сыну—твое наслѣдство: 3 коробки съ деньгами. Отдай ихъ ему.

Юракъ взялъ изъ нихъ одну только. Затѣмъ сталъ купчешскій сынъ сватать у юрака младшую дочь; юракъ не соглашается:

— Теперь не могу: ты, какъ я узналъ тебя, худой человѣкъ.

Вскрѣ прѣехала за отцемъ дочь и увезла его домой въ чумы; вся семья радовалась, что наконецъ-то возвратился отецъ.

Настала зима, и опять пришла надобность юраку ѣхать къ Лопаткѣ.

Пріѣзжаетъ къ Лопаткѣ, слѣзаетъ, привязываетъ свою санку. Вдругъ видитъ: около него показался человекъ и потомъ вдругъ опять куда-то исчезъ.. Возшелъ юракъ въ домъ къ Лопаткѣ, а за нимъ, видитъ онъ, ввалилась гурьба народу.

Отецъ сидитъ и плачетъ.

— Что съ тобой? Гдѣ сынъ твой?

— Его увезли уже, а вотъ и тебя пришли люди схватить и тоже повезутъ въ Тобольскъ по приказанію Тобольскаго начальника.

Дѣйствительно люди схватили юрака и повезли въ Тобольскъ.

Долго его везли... И холодно было ему дорогой, и кормили его мало.

Наконецъ пріѣхали въ Тобольскъ.

Начальникъ спрашиваетъ ихъ, — юрана и сына Лопатки:

— Куда вы дѣли купческаго сына?

Они объяснили, что видѣли его на островѣ, оставляли его зимовать, но онъ не послушался ихъ и поплылъ; вѣроятно, гдѣ-нибудь, замерзъ. Объяснили также, что продали ему 50 моржей.

Оказывается, что когда сынъ Лопатки поѣхалъ въ купческому сыну за полученіемъ денегъ за моржей, отецъ послѣдняго и узналъ, что они видѣли его потерявшагося сына, и заподозрилъ юрака и молодого Лопатку въ недобрѣмъ дѣлѣ.

Разказали они начальнику, какъ они жили, какъ у нихъ рабочихъ всѣхъ убило. Еще больше сталъ начальникъ подозрѣвать ихъ:

— Вы, должно-быть, и убили ихъ нарочно, чтобы не имѣть свидѣтелей лишнихъ. Ну, выбирайте одно изъ двухъ: или я велю отсѣчь вамъ головы, или вотъ вамъ судно. Плывите, ищите купческаго сына. Юракъ согласился искупить сѣбя на судно и поплылъ.

Долго плавали они, цѣлый годъ плавали, — все ищутъ судно на льдинахъ. Наконецъ, нашли на одной льдинѣ заводъ и въ ней судно: люди всѣ примерли отъ голодной смерти, снасти и паруса были разорваны. Объ этомъ юракъ сообщилъ въ Тобольскъ. Когда удостовѣрились тамъ, что купческій сынъ погибъ по своей винѣ, обоихъ ихъ оправдали и отпустили по домамъ.

Лопатка благодарилъ юрака за своего сына, далъ ему денегъ и послалъ юраковъ въ чумъ старика, чтобы студа за нимъ пріѣхали.

Но не успѣли тѣ еще отѣхать, какъ пріѣзжаетъ за отцемъ младшая дочь его.

Юракъ удивился, спрашиваетъ, какъ она узнала, что онъ пріѣхалъ сюда.

Я—говоритъ дочь...¹⁾

¹⁾ Здѣсь въ дневникѣ пропущено нѣсколько словъ. А. Китмановъ.

Возвратился Юракъ опять домой.

Сталъ за младшую дочь его свататься князекъ изъ другого рода.

Младшая дочь согласалась выйти за него замужъ, но съ тѣмъ лишь условіемъ, если онъ побѣдитъ ее на шаманствѣ.

— Есть — говоритъ она — у меня мѣшечекъ; если я имъ махну, то подуетъ тотъ вѣтеръ, который я захочу.

Махнула, и подулъ, дѣйствительно, тотъ вѣтеръ, который она пожелала.

А и — говоритъ князекъ — могу твой этотъ вѣтеръ прекратить.

И простымъ шаманствомъ сдѣлалъ то, что вѣтеръ переѣвился и сталъ дуть съ такой силой, что перевернулъ все чумы.

Юрацкая дочь согласилась выйти за него замужъ и, такъ какъ у Юрака не было сыновей, зять съ дочерью поселились вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ чумѣ.

ВТОРАЯ СКАЗКА.

Жила одна дѣвушка юрочка, отличающаяся красотой, ловкостью и некуствомъ шить.

Посватадеа за нее юракъ, не имѣвшій никакой родни.

Она не согласилась за него выйти.

— Что я пойду за тебя? Ты одинешенскъ, у тебя нѣтъ никакой родни; умрешь ты, что же я тогда? — должна остаться круглой вдовой. Я лучше пойду за другого юрака, который на мнѣ сватается; у него 5-ть братьевъ: одинъ умретъ, — другой останется, за другого выйду.

И вышла замужъ за одного изъ 5-ти братьевъ.

Черезъ годъ умеръ ея мужъ, и она вышла за старшаго брата, а черезъ годъ и тотъ умеръ, и она вышла за слѣдующаго.

Случилось такъ, что дѣтъ черезъ пять все братья умерли и она осталась вдовой со своей матерью.

Плохо стало ей жить, трудно стало вести свое большое хозяйство; чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становилось оно: оленей стало до того мало, что не хватало даже подъ запряжку.

Черезъ два года оленей осталось у ней столько, что хватало запрячь только въ ея санку, да въ санку ея матери.

Вспомнила тогда бѣдная вдова о своемъ прежнемъ влюбленномъ и говоритъ своей матери:

— Поѣдемъ на ярмарку въ Обдорекъ, тамъ его увидимъ.

Приѣхали въ Обдорекъ. Стала юрочка на самомъ видномъ мѣстѣ; видать: идетъ онъ.

Сначала онъ не узналъ ее, а потомъ призналъ и спрашиваетъ:

— Что это ты такъ худо одѣта?—Бѣдь ты мнѣ говорила, что у твоего мужа много родни, пять братьевъ? Гдѣ же мужья-то твои?

Бѣдная вдова ничего не могла сказать на это и только попросила у него, чтобъ онъ пустилъ ее жить къ себѣ.

Съ презрѣніемъ отвернулся отъ нея юракъ, сказавши ей, что у него есть жена.

Вмѣстѣ съ дочерью стала и мать его упрашивать: у нихъ бѣдность была крайняя, всѣхъ оленей онѣ проѣли, живи на квартирѣ въ Обдорекѣ.

— Ну—говорить юракъ матери—для тебя только я возьму ее, съ тобой мы всегда были друзьями.

Запретъ онъ подѣ мать отдѣльную санку, а юрачку дочь посадилъ къ себѣ на санку, на гадъ.

Пріѣхали въ чумы. Всѣ прошли дальше отъ входа, въ переднее мѣсто, а бѣдная вдова осталась у порога, гдѣ всегда лежать дрова; на нихъ она и уснула.

Ночью всѣ спали, но она не спала, и захотѣла сдѣлать попытку умилостивить хозяина, пошевелила его, но онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ ее. Цѣлый годъ онъ ее презиралъ и только черезъ годъ согласился жить съ ней вмѣстѣ.

ТРЕТЬЯ СКАЗКА.

Были два молодыхъ парня—родственники. Вся родня ихъ умерла отъ болѣзни. Они и не похоронили ихъ, какъ слѣдуетъ, а просто взяли, срѣзали чумы и тутъ же ими покойниковъ забросали.

И пошли оба товарища—старшій и младшій—иѣшкомъ, куда пошло.

Дорогой старшій видитъ, что младшій усталъ и началъ отставать.

— Что же—думаетъ—мнѣ съ нимъ мучиться,—его надо нести; брошу я его лучше и пойду одинъ.

Бросилъ его и пошелъ впередъ одинъ.

Младшій же по немножку продолжалъ путь... Идетъ, дорогой видитъ: лежитъ лѣсня; и такъ вошелъ онъ на нее, что одна лыжина по одну сторону, другая по другую, и идти дальше не можетъ.

— А,—говоритъ—да онъ у меня еще шаманъ!

Идетъ онъ дальше по дорогѣ и видитъ множество ушкановъ...

Сталъ онъ ловить одного, который былъ его старшій товарищъ; тотъ превратился въ лисенку и побѣжалъ; гнался, гнался за ней младшій и потерялъ изъ виду.

Ну ее лисенку!—пусть бѣжитъ! Пойду своей дорогой.

Идетъ, дорогой зашелъ на хребетъ и видитъ, что на хребтѣ насется

табунъ «дикихъ»¹⁾). Подошелъ къ нимъ, стукнулся объ землю и самъ сталъ двигаться и пошелъ къ нимъ въ стадо.

Старшій, бѣжавшій между тѣмъ въ видѣ лисицы, превратился опять въ человѣка и пошелъ дальше.

Видитъ на дорогѣ чумъ и рядомъ слѣды человѣка съ одной ногой.

Входитъ въ чумъ.

Сидятъ тамъ старикъ со старухой, а дальше по другую сторону огня замужняя дочь ихъ; тутъ же около огня лежатъ и сынъ ихъ:— болѣвъ сердцемъ

— Откуда ты взялся?— спрашиваетъ старикъ вошедшаго. — Ужъ не шаманъ-ли ты? Ко мнѣ давно никто не заходитъ.— Если-же ты шаманъ, вылечи моего сына.

— Выдалъ я дочь за одного человѣка; хотѣлъ онъ вылѣчить моего сына, да и обманулъ меня: такъ сынъ болѣвъ и по сіе время.— Если ты вылечишь моего сына, я отдамъ замужъ за тебя свою дочь; зятя не бойся: онъ у меня съ однимъ глазомъ, одной рукой и одной ногой.

— Хорошо—говоритъ старшій—вылечу.

Легли спать. Утромъ просыпаются, видятъ: больной сынъ совершенно здоровъ.

Одноглазаго-же дома нѣтъ, и отецъ соглашается исполнить свое обѣщаніе.

Черезъ 7 дней пришелъ и одноглазый и закричалъ:

— Какъ ты берешь мою жену; да ни за что я тебѣ ее не отдамъ! Пойдемъ лучше поиграемъ, у меня игрушка есть.

Пошли... Повелъ онъ старшаго по болотамъ, по лѣсамъ, наконецъ привелъ его къ рѣкѣ.— На рѣкѣ улова; и вода въ немъ какъ въ котлѣ кипитъ, и тутъ-же въ рѣкѣ заборъ.

Предлагаетъ одноглазый своему сопернику перескочить:

— Скачи ты первый,—ты отнимаешь у меня жену.

Тогда старшій скакнулъ, перескочилъ черезъ заборъ на тотъ берегъ и съ него обратно на этотъ.

Сталъ прыгать и зять съ одной ногой, но когда прыгнулъ, задралъ ногой за заборъ, упалъ въ воду и утонулъ.

Пришелъ старшій домой. Всѣ ему рады, а сынъ сталъ звать его дикихъ промышлять.

Пошли... Приходятъ къ лѣсу, сынъ и говоритъ:

— Я нашелъ дорогу двухъ дикихъ порозовъ; я ихъ погоню, а ты иди вонъ по той дорогѣ, тамъ встрѣтишь табунъ дикихъ, а въ немъ маленькаго лончика (двухлѣтняго олененка); его ты застрѣли, а другихъ не стрѣлай.

Отошелъ старшій, видитъ дѣйствительно дорогу дикихъ, пошелъ по

¹⁾ Оленей.

ней, встрѣтилъ дѣйствительно табунъ и увидаль въ немъ маленькаго лончика.

Попоззъ онъ къ нему, подкрался и убилъ. Сталь спускаться съ него шкуру, а тамъ оказался его младшій товарищъ.

Жаль ему его стало, пожалѣль онъ о томъ, какъ онъ раньше объ этомъ не узналъ, и разсердился на сына, думая:— вотъ приду въ чумъ и убью его за то, что онъ не предупредилъ меня о лончикѣ.

Приходить въ чумъ и выговариваетъ:

— Зачѣмъ ты научилъ меня убить родственника; вѣдь это мой родственникъ въ лончикѣ-то сидѣлъ, вѣдь это я съ просонокъ сдѣлалъ—не посоветовался съ духами.

— Я—отвѣчаетъ сынъ—нарочно это сдѣлалъ, я тебя не люблю за то, что ты шаманъ. Я и тебя убью!

— Ну-ка, попробуй!

Сталь старшій противъ чума, а сынъ сталь въ него стрѣлять. Смотрить, а тотъ превратился въ столбъ; и сколько тотъ не стрѣляетъ, только стрѣлы тунятся.

— Ну что—говорить старшій—созналъ ты, какой и великій шаманъ; теперь давай я въ тебя стрѣлять буду.

Сталь онъ въ него стрѣлять, а тотъ превратился въ лѣсину, старшій стрѣлялъ, стрѣлялъ въ нее, а потомъ взялъ да и изрубилъ ее.

— Ну что—говорить—есть у тебя противъ меня сила?

Поборчивъ съ этимъ, онъ пошелъ къ табуну дикихъ, гдѣ лончика застрѣлилъ; приносить его въ чумъ, кладеть въ котель, настаиваетъ воды и варить. Потомъ вдругъ перевернулъ котель противъ солнца, и подъ нимъ, оказалось, лежалъ его младшій родственникъ, — такой-же, какой былъ раньше, — немного только постарѣлъ.

— Ну теперь—говорить старшій—намъ надо уходить отсюда, здѣсь намъ будутъ метить.—На меня всѣ, даже жена моя сердятся.

Все они бросили и пошли опять вдвоемъ.

Идутъ,—видятъ шалашикъ и входятъ въ него.

Въ шалашикѣ сидитъ старикъ.... Сколько они его не спрашивали, онъ все молчитъ.

— Что ты молчишь—говорить старику старшій—развѣ ты не помнишь, какъ духи несли меня мимо тебя, когда я шаманомъ дѣлался?

Старикъ тогда вспомнилъ, сталь говорить и играть съ нимъ.

— Расколи—говорить онъ старшему—ты меня перваго ножомъ обоюдоострымъ... и самъ сѣлъ къ рѣкѣ.

Сталь его старшій рубить, но старикъ превратился въ камень. Сколько тотъ его не билъ, только ножъ иступилъ.

— Ну теперь я тебя.

Сталъ старикъ рубить старшаго, а тотъ вдругъ превратился въ желѣзную лѣсину; билъ, билъ старикъ, да и сбросилъ его въ воду и говоритъ:

— Туда тебѣ и дорога!—Я еще сильнѣе тебя могъ-бы уходить: ужь очень много народу оставилъ ты плакать!

Младшій былъ тутъ-же, но сидѣлъ за спиной старика такъ, что тотъ его не замѣтилъ. И вдругъ сдѣлался маленькимъ, трехъ годовъ.

— Ты откуда?

— Я самъ не знаю, я сирота; былъ у меня отецъ, да померъ... А ты откуда?

— Я съ шаманомъ дрался и убилъ его... Туда ему и дорога! Ложись со мной... Легли подъ одно покрывало.

Ночью чувствуетъ старикъ, что у него въ горлѣ першить. Сначала першило, потомъ онъ закашлялся и проснулся;—мальчика съ нимъ уже не было.

Мальчикъ превратился въ букашку, залѣзъ старику въ горло и прошелъ въ желудокъ; у старика сдѣлалась сильная боль, рѣзь, и онъ умеръ.

Тогда младшій вылѣзъ изъ рта старика, превратился въ человѣка и говоритъ:

— Вотъ какъ я уходилъ тебѣ!... Зачѣмъ убилъ моего родственника?

Затѣмъ выскочилъ изъ чума, побѣжалъ къ рѣкѣ, вытащилъ изъ нея желѣзную лѣсину, хлопнулъ ладонями, и лѣсина превратилась въ старшаго.

И опять пошли они дальше.

Шли, шли они и видятъ чумъ юраковъ. Около чума олени пасутся.— Спрятались они около чума. Когда-же юраки все заснули, подошли къ чуму, превратились въ волковъ и погналы оленей отъ чума.

Цѣлую недѣлю гнали они ихъ; дорогой много оленей устали, и такихъ они ловили себѣ для упряжки, для чего изъ волковъ товарищи превращались въ людей.

Шли, шли они долго,—видятъ чумъ, а въ немъ сидитъ старикъ.

Закричалъ онъ на нихъ:

— Куда это вы оленей гоните?

— Для чего вы отогнали ихъ отъ чумовъ? Вѣдь вы разворите людей! Вотъ и отниму у васъ всехъ оленей, а васъ убью!....

Глаза у старика, какъ кремешъ...

— Правда, старикъ!—говоритъ старшій—раньше мы худо жили, все бродили; возьми ты у насъ оленей и лучше роздай ихъ бѣднымъ.

— Тебѣ какое дѣло до того, куда я дѣваю оленей!—Ты, вишь, хорошо знаешь дѣлать оленей! Ты только разворяешь бѣдныхъ людей, превратившись въ волка. Возьму вотъ я тебя, привяжу на цѣль—говоритъ онъ

обращаясь къ старшему, -- а ты -- прибавилъ онъ, указывая на младшаго, -- иди! Ты ни въ чемъ не виноватъ; виноватъ во всемъ старшій. Его буду бить, какъ собаку!

Старшій остался у старика, а младшій ушелъ.

— Дѣдушка, -- говоритъ старшій -- ты меня не убивай. Давай лучше поиграемъ: у меня есть игрушка. Я брошу ее за 7 дней, а ты найди; ну, если ты не найдешь, я найду.

— Давно-бы сказалъ, что у тебя есть игрушка, давай поиграемъ. Ну, бросай!

Засунулъ старшій руку за пазуху, вынулъ оттуда камешекъ; въ немъ оказалась дырочка, а въ дырочкѣ птичка, которая и шепчетъ старшему такъ тихо, что только онъ можетъ слышать:

— Бросай, я полечу и заведу его въ поганую землю.

Старикъ смѣется:

— Миѣ хочется бросить!... Да я рядомъ съ камнемъ пѣшкомъ пойду, а все-же не отстану!

Бросилъ старшій свой камешекъ, и старикъ, какъ перо, взвился за нимъ. Камень мало по малу превратился въ птичку и завелъ старика въ поганую землю.

Старикъ тамъ погибъ, а птичка возвратилась назадъ и превратилась въ младшаго товарища.

Покончивши со старикомъ, старшій и говоритъ младшему:

— Возвратимъ оленей, погонимъ ихъ назадъ. Погнали и догнали до хребта.

На хребтѣ лежитъ большой камень; отвернули его. Оттуда пошелъ паръ.

И видятъ они, что въ ямѣ, подъ камнемъ, семь великановъ сидятъ и въ кости играютъ.

Сдѣлали товарищи бересту, зажгли ее и бросили въ яму къ великанамъ. Тѣ перепугались и кинулись сразу къ выходу, такъ что всѣ другъ друга передавили; въ живыхъ остался только одинъ младшій великанъ.

Младшій родственникъ и говоритъ великану.

— Давай жить съ нами. У насъ мало работы; тебѣ придется только оленей сторожить.

— Какъ? я буду у васъ оленей сторожить послѣ того, какъ вы такое дѣло сдѣлали? -- шесть великановъ убили! Да я васъ самихъ убью!

— Мы тебя скорѣе убьемъ.

— Меня? Вы? Да миѣ васъ на одинъ кулакъ мало!

Младшій и говоритъ старшему:

— Попробуй съ нимъ подражаться...

И когда старший ударил великана, тотъ омутованен и говорить:

— Ну и кудакъ-же у твоего брата!

— То-то и есть, а еще хочешь драться съ нами..

— А, вотъ что, говорить великанъ младшему—не будемъ драться

А попроси ты старшаго, чтобы онъ поборолся со мной.

— Хорошо, но съ условіемъ,—если ты его не поборешь, то будешь у меня работать.

Согласились и стали бороться.

Великанъ перебросилъ старшаго черезъ себя въ тину такъ сильно, что тотъ весь въ нее ушелъ.

Заставилъ младшій великана раскопать товарища.

Тотъ его вынулъ изъ тины и выбросилъ на яръ.

Ну—говорить младшій великану—теперь ты не пойдешь къ намъ работать. Пойдемъ дальше, товарищи!

И пошли они дальше.

— Давай—говорить одинъ другому—бросимъ оленей; намъ надо спрятаться, а то великанъ соберетъ своихъ родовичей и будетъ намъ мстить.

Приходятъ они къ озеру; около него большой камень, а около камня щука; отъ всегдашняго покоя у ней ужъ спина высохла.

— Знаешь, кто это—эта щука?—Провернемся въ другихъ людей, чтобы она не узнала насъ.

Провернулись оба и лежатъ у озера.

Проснулась щука, зѣваетъ и спрашиваетъ ихъ:

— Вы должно быть, къ моему сыну въ гости?

— Нѣтъ, мы и чума не видали его.

— А вотъ онъ, вотъ дверь туда.

— Да вы кто такіе?

— Мы безродные.

— Я принялъ разъ тоже безродныхъ, да они такихъ дѣлъ натворили! Скажите мнѣ откровенно, ужъ не тѣ-ли вы?

— Нѣтъ, дѣдушка, мы не тѣ;—намъ тантъ нечего. Мы слышали тоже про нихъ: одинъ въ рѣкѣ утонулъ, превратившись въ желѣзный столбъ, а другой въ рыбу; ты вотъ ихъ бойся, а насъ бояться нечего...

— Куда-же вы идете?

— Идемъ къ начальнику племени; у него есть такой лукъ, что тетива поетъ.

— Пойдемте, я самъ туда иду.

— Не знаю, какъ старшій мой товарищъ... Впрочемъ, у него свой умъ; пусть—какъ хочетъ.

Младшій мигнулъ старшему, а тотъ говоритъ:

— Я не пойду въ воду, я боюсь плавать.
Младшій сѣлъ верхомъ на щуку и поплылъ.
Подплыли къ желѣзному чуму.

Въ чумѣ спить человѣкъ, а за нимъ лежить лукъ съ 7-ми тетивами, которыя поютъ разныя пѣсни : одна поетъ, какъ поетъ пьяный, другая какъ трезвый, третья старинныя пѣсни, четвертая шаманскія и т. д; одна тетива вадтреснута.

Проснулся человѣкъ, посмотрѣлъ на вошедшаго.

— Да у меня — говоритъ — почевникъ есть сегодня, и снова заснул.
Проснулся опять и спрашиваетъ:

— Откуда ты пришелъ и одинъ-ли? Ужь не шаманъ-ли ты? Ко мнѣ никто не заходилъ давно.

— Я не одинъ, у меня есть товарищъ, — подъолой у меня есть камешекъ, а въ немъ птичка.

— Жаль, что ты не шаманъ, а то поправилъ-бы ты мнѣ тетиву; мнѣ ее дѣлалъ младшій братъ шамана.

Затѣмъ проситъ онъ младшаго исполнить его просьбу: принести ему посмотрѣть солнце и мѣсяць.

— Когда смотришь черезъ воду, они такіе красивые, а вблизи, должно быть, еще лучше. Кто изъ васъ старше, пусть пойдетъ за солнцемъ, а младшій за мѣсяцемъ.

Выходитъ младшій изъ чума, видитъ: щука у самага чума подслушиваетъ.

— Ты чего тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ все прислушиваюсь, думала ты проговоришься, не изъ тѣхъ-ли ты, о которыхъ я говорила; но теперь я вижу, что нѣтъ. Что же ты можешь сходить за солнцемъ или мѣсяцемъ?

— Нѣтъ я не пойду больше къ нему; онъ меня плохо принялъ, сразу работу задалъ...

Приходитъ къ старшему и говоритъ ему о желаніи начальника племени посмотрѣть вблизи солнце и мѣсяць.

— Ты иди за солнцемъ, а я подожду тебя на мѣсяцѣ. Если ты его не унесешь, то и я мѣсяца не понесу.

Старшій полетѣлъ на солнце, гдѣ и сгорѣлъ, а младшій остался жить на мѣсяцѣ, почему на немъ и видно изображеніе человѣка.

А. Кыммановъ.

БИЪЖИОГРАФІА.

Я. Прейна.

А. КЫТМАНОВЪ. Матеріалы для флоры сосудист. растений Енис. округа, Енис. губ.

Въ трудахъ Общества естествоиспытателей и врачей при Томскомъ университетѣ за 1893 годъ напечатана вышеозаглавленная статья А. П. Кытманова, вносящая безспорно цѣнный матеріалъ въ ботаническую литературу Сибири. До 1875—76 гг. Енисейскій округъ въ ботаническомъ отношеніи представлялъ совершенную «*Terram incognitam*», такъ какъ ученые, преимущественно стремившіеся изслѣдовать Туруханскій край, какъ напр., Миддендорфъ (*Sibirische Reise*). Шмидтъ (*Wissenschaftliche Resultate der zur Aufsuchung eines angekündigten Mammutschadavers . . .*), сообщившіе нѣкоторые данныя по флорѣ этого края, Енисейскій округъ посѣщали лишь проездомъ. Въ 1875 и 1876 гг. въ Енис. округѣ коллектировали Lendström, Brenner и Agnell, члены двухъ шведскихъ экспедицій, но экскурсировали исключительно по берегамъ р. Енисея. Результаты изслѣдованій этихъ ботаниковъ опубликованы въ 1888 г. Н. J. Schentz'емъ въ его трудѣ «*Plantae vasculares jeniseenses et c.*», который, кромѣ того, представляетъ полный сводъ всѣхъ свѣдѣній о флорѣ Енис. округа. Съ 1888 г. до работы г. Кытманова никакихъ свѣдѣній по флорѣ округа въ печати не появилось. Статья г. Кытманова весьма интересна потому, что изслѣдователь, занимавшійся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наблюденіями надъ растительностью округа, имѣлъ возможность посѣтить его не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя приводятся въ сочиненіи Schentz'a и расположены исключительно по берегамъ Енисея, но удалился отъ берега иногда верстъ на 250—300 внутрь округа, притомъ въ разное время года. Кромѣ того, авторъ воспользовался всѣми гербаріями, находящимися въ Енисейскомъ общественномъ музеѣ, собранными иногда въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ не экскурсировалъ, и о флорѣ которыхъ никакихъ свѣдѣній не имѣлось. Благодаря всему этому, число растительныхъ видовъ (до 490), приходящихся по Schentz'у на Енисейскій округъ, по словамъ Кытманова не менѣе 610, причемъ изъ этихъ 430 видовъ Schentz'a Кытмановъ не нашелъ еще до 40 видовъ; но за то нѣсколько болѣе 130 видовъ указываются для Енисейскаго округа впервые; нѣкоторые изъ этихъ 130 видовъ были ранѣе находимы или сѣвернѣе—въ Туруханскомъ краѣ, или южнѣе—въ Красноярскомъ округѣ; наконецъ,—нѣ-

которые еще не указывались нигдѣ между устьемъ Енисея и Красноярскомъ, напр. *Anemone reflexa* Steph., *Ranunculus Lingua* L., *Corydalis Gebleri* Ledeb., *Eriogon Gmelini* Rich., *Verbascum Thapsus* L., *Acorus Calamus* L. и др. Значительный ботанико-географическій интересъ представляетъ находеніе въ округѣ нѣкоторыхъ растительныхъ видовъ, напр., *Corydalis Gebleri*, *Ranunculus Lingua*, *Neslia paniculata*, *Sisymbrium officinale* и др. Не вдаваясь въ этомъ отношеніи въ подробности, которыя могли-бы занять много мѣста, считаю нужнымъ только сказать нѣсколько словъ относительно *Neslia paniculata* Desv. Это растеніе по словамъ проф. Коржинскаго для Сибири довольно рѣдкое (см. Корж. «Флора востока Европ. Россіи», стр. 223): «оно встрѣчается въ Тобольской губерніи (Тюмень, Казаровы юрты, Ялуторовскъ, Курганъ, Ишимъ), на Алтаѣ (Уймонъ, Салаиръ, Варнаулъ), около Томска; Турчаниновымъ приводится въ его *Flora baikalensi-dalurica* («hinc inde»), но безъ обозначенія мѣстонахожденія»; наконецъ, самимъ Коржинскимъ найдено на Амурѣ (Союзная, Столбовскій поселокъ). Съ своей стороны могу сказать, что я нашелъ его въ Канскомъ округѣ, Енис. губ., около д. Усть-Анжи, среди хлѣбныхъ полевовъ (въ 1884 году—2 экземп.), около д. Нагорной (1893 г.—1 экз.) и около Красноярска (1893 г.—1 экз., среди хлѣбн. полев.); имѣю также два экземпляра, собранныхъ Е. Н. Клеменць въ 1891 г. въ басс. р. Иркуты, у д. Туранъ (22 іюня, цвѣт. и съ плод.). Принимая во вниманіе, что я нашелъ это растеніе чисто случайно, никогда не стараясь отыскивать его, я думаю, что *Neslia paniculata* нельзя считать «довольно рѣдкимъ» для Сибири. Если оно считается таковымъ, то это происходитъ какъ отъ того, что мѣстонахожденіе его не обращаетъ обыкновенно на себя особеннаго вниманія, такъ и отъ того, что оно по наружному виду весьма похоже на *Samolida micgosa*, съ которой большей частію и растетъ вмѣстѣ среди хлѣбн. полевовъ. Взявши для гербарія нѣсколько экземп. *S. micgosa*, легко можно и не взять ни одного экземпляра *N. paniculata*. Сходство наружнаго вида этихъ двухъ растеній можетъ повести даже къ такому недоразумѣнію, которое и случилось со мной: два экземпляра *N. paniculata*, найденныхъ мною въ 1884 году въ Канск. окр., пролежали у меня въ гербаріѣ въ одномъ листѣ съ *S. micgosa*, ибо, не вѣдаясь ближе, я эти два экземпляра счелъ также за *S. micgosa*, такъ что въ напечатанномъ мною спискѣ найденныхъ тогда растеній (первое прибавл. къ списку Енис. фл.) *Neslia paniculata* и не указавъ. Отъ этихъ же причинъ, вѣроятно, и происходитъ неопредѣленность указаній («hinc—inde») Турчанинова.

Если мы обратимся къ статистикѣ флоры Енис. округа, то увидимъ, что первое мѣсто по числу видовъ занимаетъ семейство *Compositae*, какъ и въ Амурской, Байкало-Даурской, Минусинской и Красноярской флорахъ (см.

для сравненія мою приблизительную таблицу, значительно, впрочемъ, теперь устарѣвшую въ «Извѣстiяхъ В. С. Отдѣла Г. Общ. т. XIX, № 2, стр. 48), 2-е мѣсто занимаютъ Сурегасеae, 3—Gramineae, 4—Ranunculaceae, 5—Rosiflorae, 6—Papilionaceae и 7—Cruciferae. Въ то время какъ въ Байкало-Даурск. и Минусинск. флор. Papilionaceae занимаютъ 2-ое мѣсто, здѣсь они занимаютъ только 6-е; Сурегасеae въ Байк.—Даурск. и Минус. фл. занимаютъ 5-е мѣсто, въ Енисейскомъ-же округѣ—2-е. Все это легко понять, если читатель обратитъ вниманiе на главу «общiй очеркъ фл. Енис. окр.», гдѣ сказано, что Енисейскiй округъ весь лежитъ въ лѣсной полосѣ, не заходя на сѣверѣ въ тундры и не достигая степей на югѣ; причемъ водная флора вълѣдствiе обильнаго орошенiя, очень развита и представляетъ нѣсколько растительныхъ формаций. Въ то время какъ въ Байкало-Даурской и Минусинской флорахъ, гдѣ развита очень степная формацiя, Papilionaceae сильно повышены степными *Oxytropis* и *Astragalus*, въ Енисейскомъ-же округѣ найденъ только одинъ видъ *Oxytropis* (*O. elongata* Turcz) и 5 видовъ *Astragalus* (*A. fruticosus* Pall, указанный только у Schentzâ, *A. alpinus* L., *Astragalus hypoglottis* L., *Astragalus adsurgens* Pall, *A. pliginosus* L); но и все эти четыре вида *Astragalus*, найденные Кытмановымъ, вовсе не степные виды.— Не только въ сем. Papilionaceae можно уемотрѣть незначительность числа степныхъ видовъ, но это замѣчается и въ другихъ сем., напр., сразу рѣдко бросается въ глаза бѣдность видовъ рода *Artemisia*.

Оканчивая краткiй отзывъ свой о работѣ Кытманова, выражу сожалѣнiе, что г. Кытмановъ при обработкѣ своего матеріала не руководился тѣми идеями, которыя высказалъ и примѣнилъ проф. Коржинскiй въ своей работѣ «Флора востока Европ.-Россiи», съ точки зрѣнiя которыхъ слѣдуетъ разсматривать растительныя формы. Отъ этого произошло то, что столь богатый матеріалъ, какой имѣлъ изслѣдователь въ своемъ распоряженiи, не даетъ намъ многихъ данныхъ для ботанико-географическихъ выводовъ болѣе крупнаго масштаба, чѣмъ тотъ, по которому обыкновенно большинство флористовъ дѣлаютъ выводы «pro domo sua, примѣнительно къ изучаемому району», какъ выражается проф. Коржинскiй. Впрочемъ работы, подобныя работѣ Коржинскаго, только возможны тогда, если изслѣдователь имѣетъ подъ руками большiя коллекци и литературныя пособiя, что возможно только въ университетскихъ городахъ и то, пожалуй, не во всѣхъ.— Во всякомъ случаѣ, работа г. Кытманова составляетъ цѣнный вкладъ въ научную литературу Сибири, и остается только пожелать, чтобы изслѣдователь продолжалъ свои изысканiя. Фундаментъ заложенъ и довольно прочный фундаментъ.

А. Трейнкъ.

А. А. ИВАНОВСКИЙ. Антропологическій очеркъ торгоутовъ Тарбагатайской области, Китайской Имперіи. Посвящается Дмитрію Николаевичу Анучину (Изв. Императорскаго Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этногр., состоящ. при Императорскомъ Московск. унив. Т. LXXI. Труды антрополог. отд. Т. XIII. Добавл. къ Дневн. антроп. Отд. 1891 г.). Москва. 1893 г. Ю. Талько-Грынцевича

Вышеозаглавленной обширною работою почтенный авторъ положилъ основаніе обстоятельному антропологическому изученію одной изъ отраслей монгольской расы, а именно: самой западной, монголовъ-торгоутовъ, живущихъ по соседству съ Семипалатинскою областью, въ предѣлахъ Тарбагатайской области Китайской Имперіи, которыхъ онъ изучалъ на мѣстѣ еще въ 1889 году. Появленіе въ свѣтъ настоящей работы сопровождалось тяжелыми для автора неудачами. Пожаръ типографіи въ 1892 г., гдѣ этотъ трудъ печатался, уничтожилъ $\frac{2}{3}$ приготовленныхъ къ печати рукописей, такъ что автору пришлось вторично возстановлять потерянное изъ сырыхъ матеріаловъ, на что потребовался годъ новой работы. Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ интересующіеся антропологіей должны встрѣтить этотъ трудъ, если и не вносящій новаго свѣта въ дѣло изученія монгольской расы, благодаря нашимъ современнымъ недостаточнымъ и несовершеннымъ еще методамъ антропологическихъ изслѣдованій, но во всякомъ случаѣ весьма почтенный, такъ какъ А. А. Ивановскій, придерживавшійся обширной программы изслѣдованій, руководствовавшійся инструкціею, составленною покойнымъ проф. Брока, переведенною и дополненною проф. А. П. Богдановымъ, изучилъ всю литературу по антропологіи монголовъ и объединилъ наши слишкомъ поверхностныя знанія объ ихъ физическомъ сложеніи. Торгоуты—это одно изъ 4-хъ племенъ элютовъ или ойратовъ, между которыми различаютъ еще племена джунгарь, хошотъ и дурботъ. Торгоуты подъ предводительствомъ хана Хорлюты въ своихъ кочевкахъ дальше всѣхъ проникли на западъ и въ 1630 г. даже приняли русское подданство. Перекочевка ихъ была какъ-бы предзнаменованіе болѣе выдающагося факта въ исторіи 1686 года: пашествія большой орды, прошедшей Уралъ и занявшей земли между нимъ, Волгою и Дономъ, гдѣ они получили названіе калмыковъ. Названіе это, столь распространенное среди русскихъ, по словамъ автора, совсѣмъ неупотребительно среди самихъ монголовъ. Недолго однако торгоуты жили въ предѣлахъ русскихъ владѣній и во время царствованія въ Китаѣ Императора Кинъ-Луна въ 1715 году стали возвращаться опять въ предѣлы Китая. Поводомъ къ переселенію ихъ, по китайскимъ источникамъ, были притѣсненія со стороны русскихъ. По русскимъ даннымъ, переходъ торгоутовъ пзъ за Уралъ на покинутую ими родину сопровождался цѣлымъ рядомъ упорныхъ битвъ съ киргизами, а потомъ преслѣдованіемъ бѣглецовъ рус-

скими войсками; и хотя (по однимъ свидѣнiямъ) русское правительство радо было избавиться отъ беспокойныхъ кочевниковъ, тѣмъ не менѣе старалось удержать торгоутовъ въ предѣлахъ Россiи. Въ дорогѣ отъ голода и разныхъ бѣдствiй много торгоутовъ перемерло, и лишь часть ихъ достигла Китайской Имперiи, гдѣ и приняли китайское подданство. Изъ вышедшихъ изъ Россiи 33,000 кибитокъ, составляющихъ 160,000 душъ, только всего 70,000 достигли въ 1771 году Китая, гдѣ ихъ поселили по берегамъ Большаго и Малаго Юддуса и въ Тарбагатай и раздѣлили на 13 дивизiй. Вскорѣ послѣ перехода торгоутовъ русское правительство требовало отъ Китая ихъ выдачи, но получило отказъ. Однако въ 1791 году сами торгоуты дѣлали попытку переселиться въ Россiю, гдѣ имъ даже предназначался для поселенiя Колыванскiй округъ, но, будучи окруженными со всѣхъ сторонъ китайскими караулами, они не могли этого сдѣлать. Въ настоящее время торгоуты живутъ частью въ вершинахъ *Булунна*, на южномъ склонѣ Алтая, частью на южномъ склонѣ Тарбагатая. Эти послѣднiе и есть, по словамъ Г. Н. Потанина, тѣ торгоуты, которые бѣжали изъ Россiи въ 1771 г., Булугунскiе же—исконные, мѣстные жители.

Тарбагатайскiе торгоуты, относительно которыхъ авторъ, прежде антропологическихъ данныхъ, предпосылаетъ историческiй обзоръ, бытовой и этнографическiй очерки, управляются 3-мя князьями и подраздѣляются на нѣсколько поколѣнiй, или родовъ.

Первые великiе изслѣдователи Сибири и дальняго востока, описывая климатъ, флору и фауну, меньше всего посвящали труда на изученiе человѣческихъ расъ и племенъ. Это происходило отъ незнакомства ихъ и съ тѣми даже несовершенными методами изслѣдованiя, какими мы обладаемъ теперь. Такимъ образомъ, описанiя народовъ, съ которыми встрѣчались путешественники, представляются весьма поверхностными и неточными, что можно сказать относительно описанiй монголо-калмыковъ у Палласа, Готлиба Георги, Венiамина Бергмана и др. Тѣже можно сказать и о послѣдующихъ путешественникахъ—О. Бичуринѣ, Пржевальскомѣ, Пѣвцовѣ и др. Въ 1875 году проф. Мечниковъ первый далъ хотя краткое, но основанное на болѣе научномъ методѣ изслѣдованiя описанiе калмыковъ; потомъ незначительное число замѣренiй произвели Уйфальви и Деникеръ. Болѣе подробныя изслѣдованiя калмыковъ въ Семирѣченской области произвели д-ра Мацѣевскiй и Поярковъ; этими изслѣдованiями, хотя какъ сырымъ матеріаломъ, А. А. Ивановскiй воспользовался для сравненiя съ своими наблюденiями.

Описательные признаки авторъ изучалъ на 138 торгоутахъ, принадлежащихъ къ 5 родамъ: Кошуутъ, Мэркытъ, Халгуръ, Баруль и Намдякинъ. Вотъ общая характеристика торгоутовъ: волосы на головѣ черные (цвѣтъ

ихъ опредѣленъ при помощи хрометрической таблицы Брокà); до 20 лѣтъ нѣсколько свѣтлѣе, затѣмъ начинаютъ темнѣть; сѣдѣть начинаютъ съ 51 года. Растительность на лицѣ или совершенно отсутствуетъ, или бываетъ весьма скудная. Цвѣтъ волосъ на лицѣ такой-же, какъ и на головѣ, — черный. Цвѣтомъ кожи они мало отличаются отъ европейцевъ; если-же лицо у нихъ темнѣе и желтѣе, то это происходитъ, по мнѣнію автора, отъ дѣйствія воздуха и солнечныхъ лучей, (дѣйствію которыхъ они болѣе подвержены), но не составляетъ признака расовой особенности Монголовъ, какъ это полагали Палласъ, Георги и др. Глаза средне-каріе, у молодыхъ темнѣе, чѣмъ у стариковъ. Складка на вѣкахъ болѣе замѣтна въ молодые годы и съ возрастомъ постепенно уничтожается; но авторъ не раздѣляетъ мнѣнія проф. Мечникова, что будто бы съ антропологической точки зрѣнія монгольская раса соотвѣтствуетъ дѣтскому провизорному состоянію кавказской. Зубы — прямые, частые, здоровые, ярко-бѣлаго цвѣта, портятся лишь въ поживомъ возрастѣ и начинаютъ выпадать не ранѣе 60 лѣтъ. Носъ длинный, широкій, сплюснутый; верхняя губа незначительно приподнята; отвислая, широкія, средней величины уши нѣсколько оттопырены впередъ.

Перейдемъ теперь къ антропометрическимъ изслѣдованіямъ. Ростъ (138 ч.) средній = 1632 мм. Наибольшій $\frac{0}{0}$ приходится на ростъ ниже-средняго и низкій. Своего maximum'a ростъ достигаетъ въ возрастѣ отъ 30 до 35 г., что согласно съ изслѣдованіями Гульда, по которымъ ростъ продолжается за 35 лѣтъ, хотя послѣ 23 л. очень незначительно. Ростъ торговъ средній, съ болѣею наклономъ къ низкорослости, нежели великорослости.

Торгоуты, какъ и другіе западные монголы (Мечниковъ, Мацѣевскій и Поярковъ) отличаются значительною величиною головы, которая определяется двумя путями: отношеніемъ горизонтальной окружности къ росту и вычитываніемъ отъ высоты роста высоты отъ пола къ подбородку. Авторъ нашелъ, что у торговъ большому росту соотвѣтствуетъ большая голова меньшему — меньшая. ¹⁾ Средняя высота черепа = 129,45 мм. Своего maximum'a она достигаетъ въ періодъ 31—40 лѣтъ. Размѣръ передне-задняго наибольшаго діаметра (у 73 особей, измѣренныхъ авторомъ) колеблется отъ 186 до

¹⁾ Такой пропорціональности въ отношеніяхъ между величиною горизонтальной окружности и высотой роста я не замѣчалъ при моихъ многочисленныхъ измѣреніяхъ европейскихъ народовъ, преимущественно славянскихъ племенъ. При измѣреніи 1292 малороссовъ, 1102 бѣлороссовъ, 502 литовцевъ, 81 латышей, 47 подляшанъ и 714 евреевъ какъ литовскихъ, такъ и южнорусскихъ, оказалось, что хотя величина головы нѣсколько увеличивалась съ увеличеніемъ роста, но далеко не всегда и не находилась къ нему въ какомъ-бы то ни было пропорціональномъ отношеніи. Ю. Тал.-Грынецъ.

189,38 мм.; этотъ размѣръ увеличивается въ періодъ 16--40 л., а потомъ уменьшается постепенно до глубокой старости. Поперечный наиб. темянной діаметръ колеблется отъ 150 до 166 мм.; въ среднемъ-же=159,07 мм. При почти совершенно однородномъ брахицефалическомъ типѣ (брахицефаловъ—76,71%, суббрахицефаловъ--23,29%) череповъ авторъ принимаетъ торгоутовъ за очень чистое племя.¹⁾ Что-же касается возраста, то головной указатель, равный отъ 16 до 20 лѣтъ 85,23, уменьшаясь до 40 л., съ 40 л. опять начинаетъ увеличиваться и въ 60 лѣтъ достигаетъ 87,98 мм. Наибольшій лобный діаметръ колеблется отъ 111 до 125 мм. Горизонтальная окружность колеблется отъ 540 до 600 мм.; средняя ея величина=573,89 мм. Что касается до отношенія величины горизонтальной окружности къ передней ея части, то эта послѣдняя у всѣхъ калмыковъ-торгоутовъ составляетъ 53,11% первой, т. е. болѣе половины. Затылочно-лобная дуга=328,01 мм. Передняя часть ея составляетъ у нихъ половину всей затылочно-лобной дуги (49,88%); отношеніе затылочно-лобной дуги къ горизонтальной окружности колеблется между 55 и 59. Поперечно-ушная дуга въ среднихъ размѣрахъ колеблется между 370—380 мм.; отношеніе-же поперечно-ушной дуги къ горизонтальной окружности въ среднемъ=65,55.

При изученіи лица авторъ дѣлалъ много измѣреній. Упомянемъ здѣсь хотя о главныхъ. Лицевая линія въ среднемъ=185,82 мм.; среднее отношеніе ея къ величинѣ головы у всѣхъ калмыковъ=85,38. Верхняя треть лица=53,32 мм., средняя=68,03 мм. и нижняя=67,40 мм. Наибольшая ширина въ среднемъ=157,94 мм. Указатель лицевой=85,20.

Далѣе авторъ опредѣляетъ высоту разныхъ точекъ тѣла надъ почвою. Вотъ среднія цифры для нѣкоторыхъ изъ нихъ: разстояніе отъ пола до слуховаго отверстія=1503 мм., до подбородка—1405 мм., до средней вырѣзки грудины—1324 мм., до грудныхъ сосковъ—1187 мм., до пупка—977 мм., до верхняго края плечеваго отростка (acromion)—1339 мм. Длина туловища=572 мм., по отношенію-же къ росту въ среднемъ она равна 35,03. Ширина плечь=379 мм. Окружность груди=824 мм. и по отношенію къ росту она составляетъ 51,55. Такимъ образомъ, объемъ груди, какъ жизненный индексъ, служащій критеріемъ здоровья и благосостоянія, является у монголовъ-торгоутовъ сравнительно съ другими народами удовлетворительнымъ.

Ширина таза=298 мм. Полная длина руки—747 мм.; длина плеча—325 мм., предплечья—234 мм. и кисти—190 мм. Приводя размѣры рукъ у разныхъ азіатскихъ народовъ и замѣчая, что наибольшая длина руки соответствуетъ и наиболѣе высокому росту, авторъ говоритъ, что и калмыки

¹⁾ Другія отрасли зан. монголовъ являются менѣе чистыми; у нихъ типъ брахицефалическій перемѣшанъ съ мезоцефалическимъ.

торгоуты наиболее других не отступают от этого правила. Длина ноги = 920 мм., составляя по отношению къ росту 56,37; длина бедра — 495 мм., голени — 324 мм. и ступни — 251 мм.

Въ разницѣ высоты стоянія отъ почвы *spina anterior superior* и большого вертеца нѣкоторые авторы хотѣли видѣть особенность известной расы; но нашъ авторъ, благодаря незначительному числу наблюдений, а также неточности и самаго метода измѣренія, при чемъ возможны широкія колебанія, уклоняется отъ всякихъ выводовъ въ этомъ отношеніи. Относительно длины голени также, при разныхъ способахъ измѣреній, у разныхъ авторовъ получаются неодинаковые результаты; только лишь длина ступни у всѣхъ является величиною постоянною. Авторъ наблюдалъ также у торгоутовъ, хотя и не въ такой степени, какъ это описывали другіе изслѣдователи, и кривизну ногъ, что происходитъ, вѣроятно, отъ привычки сидѣть съ поджатыми ногами и отъ постоянной верховой ѣзды.

Последнюю главу своего труда авторъ посвящаетъ краниологическому обзору западно-монгольскихъ череповъ на основаніи какъ своихъ собственныхъ изслѣдованій, такъ и изслѣдованій разныхъ ученыхъ (Фишера, Кампера, Блюменбаха, Гексли, Пруперъ-Бей и мн. др.). Авторъ произвелъ изслѣдованіе 81 череповъ калмыковъ торгоутовъ, хранящихся въ антропологическомъ музеѣ Московскаго университета, 14 череповъ изъ Тарбагатайской области Китайской Имперіи и нѣсколькихъ череповъ изъ Томской губерніи; при этомъ авторъ удѣляетъ мѣсто и аномаліямъ въ строеніи монголо-торгоутскихъ череповъ. Въ общемъ типы череповъ монголовъ-торгоутовъ мало чѣмъ уклоняются отъ данныхъ, полученныхъ при изслѣдованіи на живыхъ людяхъ. Общая характеристика монголо-торгоутскихъ череповъ по автору слѣдующая: черепъ по горизонтальной окружности большихъ размѣровъ, по вертикальной — среднихъ, а по поперечной — малыхъ; по головнымъ указателямъ они чистые брахицефалы; а у астраханскихъ выступаетъ примѣсь долихоцефалии. По абсолютнымъ размѣрамъ наим. лобнаго діаметра къ наиб. лобному они являются узкими въ нижней части лба. Скуловой діаметръ, взятый по отношенію къ наиб. лицевому поперечному, представляется сильно развитымъ. Отъ верхняго глазничнаго діаметра къ больш. лицевому поперечному лицу расширяется умѣренно; лицевая линія въ большинствѣ случаевъ имѣетъ большіе размѣры, по отношенію ея къ наиб. лицевому діаметру являются малыми или средними, что указываетъ на очень сильное развитіе наибольшаго лицевого широтнаго діаметра. По носовому указателю преобладаютъ ленторины, среди женщинъ мезорины, въ общей-же суммѣ число ленториновъ и мезориновъ почти одинаково, количество-же *платириновъ* вдвое меньше. По глазничному указателю преобладаютъ какъ среди мужскихъ, такъ и женскихъ череповъ, ме-

газеты. Большинство череповъ средне-широко-затылочныя, узкохребетныя, широколобныя, съ межглазничными пространствами средней ширины и съ наклономъ къ большимъ размѣрамъ.

Окончивъ эту библиографическую замѣтку, и долженъ сказать, что авторъ, благодаря относительно немногимъ наблюденіямъ, хотя и произведеннымъ весьма тщательно и со многими измѣреніями, числовыя данныя которыхъ помѣщены въ длинный рядъ таблицъ, все-таки не рѣшается окончательно высказаться въ смыслѣ подтвержденія выводовъ проф. Мечникова, что съ антропологической точки зрѣнія монгольская раса будто-бы соответствуетъ дѣтскому провиантному состоянію кавказской. Въ послѣднихъ строкахъ своего труда почтенный авторъ выражаетъ мнѣніе, разделяемое впрочемъ всеми антропологами, что развитію антропологии очень мѣшаетъ не установленный общій методъ изслѣдованія, которому слѣдовали-бы все ученые, что въ значительной степени облегчало-бы дѣланіе выводовъ и обобщеній путемъ сравненія. Къ этому *prim desiderium* я осмѣливаюсь прибавить свое скромное пожеланіе, что, устанавливая общій методъ антропометрическихъ изслѣдованій, желательно было-бы упростить его и на первый разъ принять лишь такіе приемы измѣреній, которыя отличаются большею постоянностью. Известно, что самые надежныя приемы въ измѣреніяхъ и тѣ часто даютъ различныя числовыя данныя у двухъ изслѣдователей, не говоря уже о тѣхъ антропометрическихъ приемахъ, гдѣ точки для измѣренія являются произвольными. Не только у нѣсколькихъ, но даже у одного и того-же изслѣдователя два раза произведенныя измѣренія даютъ часто разныя числа. Примѣнивъ тщательно *на большомъ числѣ особей* первыя упрощенныя антропометрическія приемы, выражающіе основныя характерныя черты расы или племени, впоследствии можно было-бы приступить къ разработкѣ деталей, пользуясь дополнительными приемами измѣреній.

Троицкосавскъ.

И. Д. Мально-Трынцевичъ.

С. І. ЗАЛЪССКІЙ. Къ вопросу о содовомъ производствѣ въ Сибири.

И. ИСАЕВА.

Проф. Залѣсскій въ небольшой брошюрѣ, перепечатанной изъ «Вѣстника Золотопромышленности» за 1893 годъ подъ вышеназваннымъ заглавіемъ, говоритъ о содовомъ заводѣ Пранга въ г. Барнауль. Занимаясь дѣтъ двадцать пять тому назадъ мыловареніемъ и получая для этого соду по довольно дорогой цѣнѣ изъ заграницы (въ то время содовыхъ заводовъ въ

Россіи еще не было), Прангъ попалъ на счастливую мысль производить соду на мѣстѣ нахъ имѣющейся въ Барнаульскомъ округѣ озерной глауберовой соли. Сода, до появленія въ недавнее время амміачнаго способа, приготовлялась химическимъ путемъ на заводахъ изъ поваренной соли по способу Леблана. Для этого поваренная соль предварительно должна быть превращена съ помощью сѣрной кислоты въ глауберову соль, а изъ послѣдней прокаливаніемъ ея съ углемъ и известнякомъ (углекальціевой солью) получается сода. Опыты Пранга дали хорошій результатъ и онъ, оставивъ мыловареніе, занялся исключительно производствомъ соды. Такимъ образомъ заслуга Пранга состоитъ въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на имѣющуюся уже готовою около Барнаула глауберову соль и на возможность полученія изъ нея очень несложнымъ путемъ соды; безъ этого обстоятельства существованіе содоваго завода въ Сибири было-бы невозможно потому, что приготовленіе соды изъ поваренной соли, для чего необходима дешевая сѣрная кислота, явилось-бы здѣсь не выгоднымъ, принимая во вниманіе малую потребность соды въ Сибири. Въ 1881 году въ Минусинскомъ округѣ, не далеко отъ селенія Лугавскаго, былъ открытъ Гусевымъ содовый заводъ, матеріаломъ для котораго служила такъ же глауберова соль. Предприниматель имѣлъ въ виду часть соды употреблять для приготовленія стекла высшаго качества на своемъ стекольномъ заводѣ, а остальное количество сбывать на сторону; но года черезъ три производство пришлось прекратить за отсутствіемъ сбыта продукта, для своего-же стекольнаго завода готовить соду въ маломъ количествѣ не стоило, и по прежнему на заводѣ Гусева для стекла идетъ только глауберова соль.

Европейская Россія до 1882 года, при годовомъ потребленіи въ 3.500.000 пуд. пользовалась содою иностраннаго происхожденія ¹⁾. Въ этомъ году былъ открытъ содовый заводъ на р. Камѣ, близъ пристани Березняки; въ 1892 году онъ произвелъ соды кальцинированной 1.200.000 пуд. и каустической 300.000 пуд. Въ концѣ 1891 г., недалеко отъ станціи Лиственскъ донецкой желѣзной дороги, построенъ другой содовый заводъ Любимова, Сольва и К^о, производицій кальцинированной соды въ годъ 1.300.000 пуд., а въ 1894 году на немъ рассчитываютъ приготовить каустической соды до 600.000 пуд. Съ открытіемъ этихъ двухъ заводовъ ввозъ иностранной соды въ Россію уменьшился, хотя по дальности разстоянія ихъ отъ главныхъ центровъ сбыта они едва могутъ конкурировать съ содою англійскаго производства. Такъ провозъ отъ Березняковъ до Москвы обходится:

соды каустической	- - - -	34,53 коп. за пудъ.
» кальцинированной	- -	29,41 »

¹⁾ «Вѣстникъ финан., промышл. и торговли» № 47, 1893 г.

Отъ Лисичанска до Москвы:

сода каустическая	- - - -	34,06	коп. за пудъ.
» кальцинированной	- - - -	26,09	» » »

Отъ Лондона до Москвы:

сода каустическая	- - - -	39,81	» » »
» кальцинированной	- - - -	32,58	» » »

Заводы въ Березникахъ и Лисичанскѣ для производства соды употребляютъ поваренную соль. Имѣя же готовую глауберову соль, получение изъ нея соды является болѣе простымъ, а потому выгоднымъ даже при выдѣлкѣ ея въ малыхъ размѣрахъ. Другой источникъ получения соды, указываемый проф. Залѣскимъ, добываніе ея изъ воли солончаковыхъ растений ни въ какомъ случаѣ не можетъ конкурировать съ содою, добытою изъ глауберовой соли. Изъ растений, дающихъ при сжиганіи золу съ болѣе или меньшимъ содержаніемъ угленатріевой соли, на солонцахъ Сибири произрастаютъ: *Atriplex littoralis* L., *Salicornia herbacea* L., *Nitraria Schoberi* L., *Statice Gmelini* Will., *Salsola kali* L., *Chenopodium hybridum* L. и др. Содовая вола, полученная изъ этихъ растений, по достоинству должна близко подходить къ содѣ съ Аракса изъ Арменіи или къ содѣ бланкеттъ изъ Эгъ-Морта, содержащей не болѣе 8% угленатріевой соли ¹⁾. Если принять стоимость воли солончаковыхъ растений равною стоимости воли въ Саратовской губерніи изъ сорныхъ полевыхъ травъ, покупаемой на поташные заводы, т. е. 30 к. за пудъ ²⁾, то одинъ пудъ угленатріевой соли въ такой волѣ будетъ стоить 3 р. 75 коп. Теперь считаемъ, во что обойдется одинъ пудъ угленатріевой соли въ сырой содѣ на заводѣ Пранга. Глауберова соль, потребляемая на заводѣ Пранга, какъ утверждаетъ проф. Залѣскій, содержитъ до 97% сѣрнонатріевой соли, слѣдовательно по достоинству равняется сульфату содовыхъ заводовъ, приготовляющихъ его изъ поваренной соли, а потому къ заводу Пранга при переработкѣ глауберовой соли на соду примѣнимы данныя другихъ содовыхъ заводовъ. Для превращенія въ соду на 100 частей глауберовой соли требуется 100 частей углекальціевой соли въ видѣ известняка и 50 частей угля. Смѣсь (каждый разъ въ количествѣ около 20 пуд., смотря по размѣрамъ печи) прокаливается въ теченіи одного часа при постоянномъ перемѣшиваніи и послѣ этого получается 160 пуд. сырой соды, содержащей въ среднемъ 45% угленатріевой соли. Для прокаливанія расходуется при этомъ до 60 пуд. каменнаго угля или 150 пуд. дровъ, принимая 1 пудъ угля замѣняющимъ 2½ пуда дровъ.

¹⁾ Химич. технол. Р. Вагнера.

²⁾ «Вѣстникъ финан., промысл. и торговли» 1893 г. № 11.

Выломка 100 пуд. глауберовой соли съ доставкою ея на заводъ обходится въ - - - - -	9,00 руб.
100 пуд. известняка въ - - - - -	5,00 »
50 » угля - - - - -	7,50 »
топливо - - - - -	7,50 »
работе 8 человекъ по 75 коп. въ день - - - - -	6,00 »
ремонтъ печей и строенія - - - - -	8,00 »
разные расходы - - - - -	5,00 »

Итого - - - 48

Слѣдовательно одинъ пудъ сырой соды будетъ стоить 30 к., а одинъ пудъ угленатріевой соли въ ней 67 коп. ¹⁾ Дальнѣйшій процессъ полученія болѣе чистаго продукта какъ изъ золы, такъ и изъ сырой соды, добытой по способу Леблана, одинаковъ.

Если-же прибѣгнуть, какъ предлагаетъ проф. Залѣскій, къ искусственному культивированію растений, дающихъ золу съ большимъ содержаніемъ угленатріевой соли, какъ, напр., сода *Barilla*, добываемая изъ разводимаго въ Испаніи *Salsola soda* съ 30% угленатріевой соли, или сода *Salicor* изъ *Salicornia annua* съ 14% (оба растенія на солончакахъ Сибири не встрѣчаются), то зола изъ нихъ будетъ стоить дороже золы дикихъ солончаковыхъ растений и потому такъ-же не въ состояніи конкурировать съ содою изъ озерной глауберовой соли. Въ Сибири сода въ настоящее время главнымъ образомъ идетъ на приготовленіе мыла и въ мѣстностяхъ, гдѣ трудно достать для этого соду, по отдаленности ихъ стѣ мѣсть производства ея, для мыловаренія съ удобствомъ можетъ употребляться зола сорныхъ полевыхъ растений, содержащая поташъ, какъ, напр., зола полыни и многихъ другихъ, вмѣстѣ съ поваренною солью, что прежде въ Европейской Россіи практиковалось въ большихъ размѣрахъ, особенно въ приволжскихъ губерніяхъ, да и теперь тамъ готовятъ изъ золы еще много поташа, продаваемого въ Саратовѣ по 1 р.—1 р. 50 коп. за пудъ.

Производство соды изъ золы приморскихъ растений было развито въ то время, когда еще не умѣли получать соду изъ поваренной соли; теперь же добываніе ея изъ золы постоянно сокращается, и тѣмъ болѣе это не выгодно въ Сибири, гдѣ имѣется довольно чистая глауберова соль.

И. Исаевъ.

¹⁾ Стоимость производства взята высшая, въ дѣйствительности расходы меньше.

С. КОРЖИНСКІЙ. *Plantae amurenses in itinere anni 1891 collectae.* Acta Horti Petropolitani. Tom. XII, fasc. II. Н. Прейнъ.

Въ настоящей статьѣ акад. С. И. Коржинскаго приведенъ перечень всѣхъ растений, собранныхъ имъ во время поѣздки въ Амурскую область лѣтомъ 1891 года, совершенной по порученію В. С. Отдѣла для изученія области въ почвенномъ и ботаническомъ отношеніяхъ, а также для изслѣдованія ея, какъ земледѣльческой колоніи. Большая часть растений была обработана авторомъ еще въ бытность его профессоромъ Томскаго университета, всѣ-же такъ называемыя критическія формы или новыя были изслѣдованы имъ въ С.-Петербургскомъ ботанич. саду. Отправившись изъ Томска къ концу марта (нов. ст.), Коржинскій доѣхалъ до р. Амура въ срединѣ мая и до осени изслѣдовалъ южную (т. е. среднюю) часть долины Амура, предгорья хребта Хинганъ, или (по Радде) Буревнскія горы, мѣстность между рр. Зеєю и Буреєю, заслуживающую большаго вниманія, какъ наиболѣе плодородную и представляющую обширныя площади, годныя для обработки и привлекающія переселенцевъ со всѣхъ концовъ Россіи и Сибири, отчасти также и горную страну вдоль верхняго Амура. Со взглядами почтеннаго ученаго на Амурскую область, какъ земледѣльческую колонію, читатели «Извѣстій В. С. Отдѣла» уже знакомы (см. Изв. т. XXIII, № 4—5), о настоящей-же статьѣ я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ отчасти потому, что она составляетъ выдающееся явленіе въ научной литературѣ о Сибири, отчасти потому, что нашъ Отдѣлъ имѣетъ право смотрѣть на эту работу, какъ на результатъ своихъ научныхъ предпріятій.

Прежніе изслѣдователи естественно-историческихъ условій Амурскаго края, какъ напр., Максимовичъ, Маакъ и др. дѣлали свои наблюденія, передвигаясь на лодкѣ вдоль Амура. Конечно, въ практическомъ отношеніи это наиболѣе удобный способъ, но въ научномъ отношеніи онъ заслуживаетъ упрекъ, потому что при такомъ передвиженіи изслѣдователь ограничивается лишь прибрежной полосой, оставляя внутренность страны совершенно неизслѣдованной. «Вообще для изученія какой-либо страны, говоритъ С. И. Коржинскій (см. Изв. Отд. I, с.), въ ботаническомъ отношеніи (и физико-географическомъ) наиболѣе пронаводительно пересѣкать ее по нѣсколькимъ меридіанамъ съ сѣвера къ югу. Но здѣсь, въ этой дикой странѣ, пересѣченной горными хребтами, покрытой необозримыми лѣсами и огромнѣйшими болотами, это совсѣмъ не такъ легко. Для выполненія такого плана нужно было-бы снарядить цѣлую экспедицію, которая потребовала-бы гораздо большія средства, чѣмъ тѣ, которыя были въ моемъ распоряженіи; притомъ передвигаться безъ всякихъ дорогъ среди этихъ лѣсовъ и болотъ пришлось-бы крайне медленно, такъ что одинъ подобный конецъ занялъ-бы

все лето и не оставилъ-бы времени для осмотра другихъ частей области. Кроме того, — продолжаетъ далѣе почтенный изслѣдователь, — имѣя въ виду цѣли Общества, я долженъ былъ главное свое вниманіе обратить на культурные районы Амурской области, такъ какъ изученіе ихъ почвъ имѣло особенное значеніе». Въ силу этихъ соображеній изслѣдователю не оставалось ничего другого, какъ вести свои наблюденія вдоль Амура, по возможности удаляясь вглубь страны, но все-таки проводя большую часть времени въ населенныхъ районахъ.

Не смотря на все это, въ списокѣ автора приведено 698 видовъ, какое число должно считаться очень великимъ, если принять еще во вниманіе, что изслѣдователь имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего до 3 только мѣсяцевъ, чтобы ознакомиться съ страной, по своему протяженію немногимъ уступающей Франціи, но страной полудикой, съ крайне несовершенными путями сообщенія, заставляющими ученаго на каждомъ шагу непроизводительно терять массу драгоцѣннаго времени. Не смотря на то, что для знакомства съ флорой Амурской области имѣется такой капитальный трудъ, какъ «*Primitiae florae amurensis*» покойнаго академика К. И. Максимовича, трудъ, постоянно цитирующійся какъ русскими, такъ и иностранными фитогеографами, представляющій результатъ гораздо болѣе продолжительнаго изслѣдованія ¹⁾, однако С. И. Коржневскому удалось найти нѣсколько новыхъ растительныхъ формъ, какъ видовъ, такъ и варіететовъ (*Cyperus setiformis*, *Tigra Maximowiczii* и др.) и указать нахожденіе въ области такихъ растений, которыя у Максимовича въ «*Primitiae fl. amur.*» и не указаны ²⁾.

¹⁾ К. И. Максимовичъ былъ командированъ въ 1853 г. С.-П. Ботан. Садамъ сопровождать фрегатъ «Діану» въ кругосвѣтн. плаваніи. Вскорѣ затѣмъ возгорѣвшаяся война заставила фрегатъ войти въ заливъ Де-Кастри. Максимовичъ оставилъ здѣсь фрегатъ и съ поля 1854 г. до осени 1856 г. онъ посвятилъ себя ботаническому изслѣдованію дотолѣ еще вовсе неизвѣстнаго Амурскаго края, отрѣзанный отъ всего прочаго ученаго міра и среди самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ мартѣ 1857 г. путешественникъ возвратился въ Петербургъ съ богатыми коллекціями. При обработкѣ своей коллекціи авторъ воспользовался также растениями, которыя были собраны Шренкомъ, путешествовавшимъ отъ академіи наукъ, въ Николаевскѣ и въ другихъ мѣстахъ приморской области, а также во время его обратнаго пути лѣтомъ на Амурѣ. Кроме того, при составленіи «*Primitiae fl. amurensis*» авторъ воспользовался весьма богатою коллекціею, которую собралъ Р. Маакъ, путешествовавшій въ Амурскомъ краѣ отъ Географическаго Общества, а также и нѣкоторыми другими, хотя и не обширными коллекціями гг. д-ра Вейриха, К. Ф. Дитмара, Орлова и Кузнецова, отчасти съ остр. Сахалина, такъ что въ это сочиненіе вошло почти все, что до 1859 г. получено изъ Амурскихъ растений въ Европѣ.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что, кроме «*Primit. fl. amurensis*» знакомящійся съ составомъ флоры Амурской области долженъ имѣть въ виду и другія

Къ числу послѣднихъ, напр., относятся: *Trapa bispinosa* Roxb., *Pycnostelma chinense* Bunge, *Linum stellerioides* Planch., *Elatine orthosperma* Dübner, *Clrysosplenium flagelliferum* Fr. Schmidt (найден. Шмидтомъ на о. Сахалинѣ), *Utricularia vulgaris* L., *U. intermedia* Hayne, *U. minor* L. (въ Prim. fl. am. указанъ только одинъ видъ *U. sp. indeterminata*), *Parietaria debilis* Forst., *Najas minor* All., 5 видовъ *Potamogeton* (у Максимовича только *P. perfoliatus* L.) и друг.

Приводя списокъ найденныхъ растительныхъ формъ, авторъ вездѣ отмѣчаетъ мѣстонахожденіе растенія, его болѣе употребительные синонимы и при очень многихъ видахъ и разновидностяхъ даетъ въ высшей степени цѣнными примѣчанія и соображенія, уясняющія отношенія той или другой растительной формы къ близкимъ. Эта сторона работы дѣлаетъ знакомство съ нею обязательнымъ не только для изучающаго флору Амурской области, но и для всякаго ботаника, работающаго вообще въ Сибири. Но настоящей статьѣй не ограничивается результатъ ботаническихъ изслѣдованій автора, и онъ обѣщаетъ въ будущемъ изложить результаты своихъ фито-географическихъ наблюденій, которыя, судя по прежнимъ геоботаническимъ работамъ Коржинскаго, несомнѣнно будутъ очень интересны.

Значительный ботанико-географическій интересъ представляетъ нахождение 3 видовъ *Trapa* (*T. patans*, *Maximowiczii*, *bispinosa*), *Aldrovandia vesiculosa* L., *Salvinia patans* Hoffm. и *Hydrilla verticillata* Casp. Первые три (*Trapa*, *Aldrovandia* и *Salvinia*) относятся къ той группѣ растеній, которую Декандоль назвалъ «*espèces disjointes*» (De-Candolle Géographie botanique raisonnée v. II, p. 993. 1855). Растенія, принадлежащія къ этой группѣ, занимаютъ весьма обширную область обитанія, но разбитую на отдѣльные, обособленные районы, изолированные другъ отъ друга часто значительными пространствами морей; да и въ этихъ изолированныхъ районахъ ихъ можно считать рѣдко и спорадически встрѣчающимся формами. Попытки объясненія подобной изолированности, опирающіяся на вліяніе тѣхъ факторовъ, которымъ приписываютъ наиболѣе значительную роль въ расселеніи растеній, какъ-то: атмосфернымъ теченіямъ и перелетамъ птицъ, едва-ли могутъ считаться удачными. По этому поводу Декандоль выражается, что *Aldrovandia vesiculosa* и подобныя ей «*espèces disjointes*» представляютъ собою «*des phénomènes de disjonction, inexplicables par l'état actuel des choses, si l'on suppose l'origine des espèces par un seul individu, ou par plusieurs individus*

сочиненія, напр.: Regel Tentam. fl. Ussuriensis, Regel et Herder Plantae Raddeanae, Radde Bericht über s. Reise im Süden von Ost-Sibirien., Fr. Schmidt Reise im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin, Maximowicz Diagnoses plant. nov. asiaticarum, Diagnoses breves plantarum novarum Japoniae et Mandshuriae и др.

et un seul centre». Подобно Декандолю смотреть на дѣло и Коржинскій, говоря въ своей работѣ объ *Aldrovandia vesiculosa* (Матеріалы къ геогр., морф. и биологіи *Aldr. vesiculosa* L. Труды Каз. Общ. Естеств. т. XVII, в I), что перечисленные выше формы «являются членами той ассоціаціи, которая населяла стоячія воды Европы въ минувшія эпохи, являются какъ-бы живыми остатками третичной флоры». Къ указанной группѣ растений, по мнѣнію А. Бирюза (см. его фито-географическій этюдъ объ *Hydrilla verticillata* Casp. въ Вѣстн. естествознанія за 1890 г. № 5), можно прибавить также и *Hydrilla verticillata* Casp., которая, какъ уже сказано выше, также найдена была Коржинскимъ и въ Амурской области (in lacubus prope Michailowskoje inter Zejam et Burejam, гдѣ также найдена и *Salvinia natans*; въ томъ-же районѣ между Зеей и Буреей найдена и *Aldrovandia vesiculosa* — prope Iwanowskoje et Oserki, а также и *Trapa Maximowiczii* — in lacubus secus flumen Zawitaja prope Michailowskoje). Это нахожденіе ея на Амурѣ расширяетъ азіатскій районъ обитанія *Hydrilla*, которая, какъ говоритъ Бирюза, изучившій ея распространеніе по литературнымъ источникамъ, въ азіатскомъ районѣ «встрѣчается главнымъ образомъ въ низкихъ и болотистыхъ мѣстахъ Бенгала и соседнихъ частей Индо-Китая; найдена она также въ Кашмирѣ, на Коромандельскомъ берегу и Цейлонѣ. Можно ожидать ея нахожденія и въ южныхъ провинціяхъ Китая; тогда мы будемъ имѣть связь съ ея мѣстонахожденіемъ въ Японіи. Нахожденіе ея на Явѣ даетъ возможность связать азіатскую область съ австралійской, гдѣ *Hydrilla* найдена Миллеромъ въ низовьяхъ р. Муррея». Фактъ частаго нахожденія *Hydrilla* въ азіатскомъ районѣ, продолжаетъ далѣе Бирюза, позволяетъ допустить, что въ этомъ районѣ она не представляетъ столь рѣзко выраженнаго вымиранія, какъ въ Европѣ, гдѣ она даже въ обитаемыхъ ею озерахъ составляетъ рѣдкость. Въ Бенгалѣ и областяхъ, смежныхъ съ нимъ, *Hydrilla* не только натуралисты находили очень часто, но около Калькутты оно на столько обыкновенно, что имѣетъ даже практическое примѣненіе въ сахароваренномъ производствѣ, употребляясь подъ именемъ «djandji». Въ Японіи также не разъ его находили, и Зибольдъ описалъ даже одну форму *Hydrilla* подъ видовымъ названіемъ *Hydrilla japonica*. Къ сожалѣнію изъ работы г. Коржинскаго нельзя видѣть, можно-ли считать это растеніе въ Амурской области вымирающимъ, или нѣтъ. Принимая во вниманіе, что какъ это растеніе, такъ и *Tr. Maximowiczii*, *Aldrovandia vesiculosa* и *Salvinia natans* найдены Коржинскимъ въ озерахъ, расположенныхъ въ районѣ между Зеей и Буреей, легко представить себѣ, что подробное изслѣдованіе флоры этихъ озерковъ можетъ имѣть значительный интересъ. Весьма интересно также нахожденіе въ Амурской области *Parietaria debilis* Forst., встрѣчающейся въ прибайкальской и приалтайской Сибири, на материкѣ Австраліи и на Новой

Зеланди, въ Абисини, Гималайской области, а также (если соединить въ одинъ видъ съ *P. debilis* *P. arpendiculata* и другіе банакіе виды, что, по Буассье, повидимому, вполне возможно, на остр. Канарскихъ, Мадейръ и въ Тропической Америкѣ. Оставивъ въ сторонѣ новыя растительныя формы, описанныя Коржинскимъ, и интересъ, вызываемый находеніемъ въ области, кромѣ вышепоименованныхъ, нѣкоторыхъ другихъ растений, что выведо-бы меня изъ предѣловъ библиографической замѣтки, имѣющей только цѣлю обратить вниманіе на трудъ С. И. Коржинскаго, перейду къ статистикѣ флоры Амурскаго края по даннымъ настоящаго изслѣдованія, хотя подробно на ней останавливаться не считаю возможнымъ, такъ какъ статистика флоры, выведенная на основаніи только одного соч. Максимовича «*Primitiae fl. amurensis*, указывающаго на находеніе въ Амурскомъ краѣ 904 видовъ явнобрачныхъ и сосудистыхъ тайнобрачныхъ¹⁾ (какое число значительно болѣе числа 693 видовъ явнобрачныхъ и сосудистыхъ тайнобрачныхъ, собранныхъ Коржинскимъ), очевидно, болѣе будетъ соответствовать истинѣ, такъ какъ, если г. Коржинскій и указываетъ съ одной стороны на формы, не указанные въ «*Primitiae fl. amur.*», то съ другой не нашелъ и многихъ такихъ растений, которыя были найдены Максимовичемъ и отмѣчены въ упомянутомъ его сочиненіи. Впрочемъ, не смотря на то, что у Коржинскаго указано только 698 видовъ, статистика флоры въ общемъ почти та-же, которую можно вывести изъ соч. Максимовича. Какъ по Максимовичу, такъ и по Коржинскому первыя мѣста по порядку по числу видовъ занимаютъ: *Compositae*, *Ranunculaceae*, *Gramineae* и *Cyperaceae*, остальныя наиболѣе численныя видами семейства по тѣмъ и другимъ изслѣдованіямъ почти одни и тѣже, а именно: *Rosaceae*, *Caryophylleae*, *Leguminosae*, *Liliaceae*, *Umbelliferae*, *Labiatae*, *Polygonaceae*, *Scrophulariaceae* и т. д. Интересно весьма очень низкое положеніе *Leguminosae*, занимающихъ во многихъ районахъ Европ. и Азіатск. Россіи болѣе высокое положеніе.—Сказаннымъ только что здѣсь и нахожу возможнымъ ограничиться, такъ какъ имѣю въ виду въ настоящей замѣткѣ только отмѣтить, повторяю, появленіе капитальнаго труда въ

¹⁾ Максимовичъ въ спеціальной части своего сочиненія непрерывную нумерацію явнобрачныхъ видовъ доводитъ до 880, а вмѣстѣ съ сосудистыми тайнобрачными до 915. Однако изъ этой суммы слѣдуетъ вычесть культурируемыя растенія, числомъ 21, и 9 найденныхъ только на о. Сахалинѣ. Съ другой стороны изъ дополненій (см. стр. 460 *Pr. fl. amur.*) слѣдуетъ присоединить 11 видовъ, и 16 видовъ изъ списка Турчанинова для самаго восточнаго угла Даурія, потому что Максимовичъ распространяетъ Амурскую флору до этого предѣла. Вслѣдствіе этихъ поправокъ Максимовичъ опредѣляетъ число породъ въ 904, изъ коихъ 877 явнобрачныхъ. (См. отзывъ акад. Рупрехта о работѣ Максимовича).

литературѣ о Сибири, труда, который былъ совершенъ по порученію В. С. Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

А. Прейнъ.

Землевѣдѣніе Азіи Карла Риттера. Восточная Сибирь: озеро Байкаль и прибайкальскія страны, Забайкалье и степь Гоби. Новѣйшія свѣдѣнія объ этихъ странахъ (1832—1893 г.), служащія послѣдующими выпусками къ русскому тексту Риттера, изданному подъ приведеннымъ заглавіемъ въ 1879 г. ч. I. *Саянское нагорье въ предѣлахъ Иркутской губерніи до Ю. З. оконечности оз. Байкала, къ югу отъ большаго сибирскаго тракта.* Сост. по порученію И. Р. Геогр. Общ.: П. П. Семеновъ, П. Д. Черскій и Г. Г. ф. Петцъ—С. П. Б. 1894 г. стр. XI+605 in 8°.

И. И. П О П О В А.

Имп. Русск. Геогр. Общ., желая собрать и издать существующія сочиненія о землевѣдѣніи Россіи, съ первыхъ-же годовъ своего существованія предприняло переводъ *Erdkunde Ritter's* и издало тѣ томы, въ которыхъ были описаны вся южная Сибирь, Иранъ, Туркестанъ, Манчжурія и Монголія. Послѣдній томъ Риттеровой Азіи, заключающій въ себѣ описание оз. Байкала, Прибайкальскихъ горъ, Забайкалья съ бассейнами Селенги, Шилки и Аргуни и степи Гоби, былъ изданъ въ 1879 г. Томъ этотъ, законченный Риттеромъ въ 1832 г., былъ составленъ на основаніи данныхъ, заключающихся въ европейской географической литературѣ не позже 1832 г. Но съ тѣхъ поръ географическая наука сдѣлала большіе успѣхи и обогатилась многими открытіями, а потому явилась необходимость пополнить Риттера новѣйшими свѣдѣніями. Въ 1877 г., подъ редакціей П. П. Семенова были изданы дополненія къ III т. Риттера, заключающія въ себѣ обзоръ новѣйшихъ свѣдѣній объ Алтаѣ и зап. Саянахъ, и въ томъ-же году вышелъ I-й т. дополненій къ тексту Риттера о Прибайкальи.

За 60-ти лѣтній періодъ съ 1832 г. до 1893 г. этихъ дополненій, благодаря богатству географическихъ изслѣдованій Сибири, накопилось столько, что потребовалось изданіе 3-хъ томовъ; первый томъ, уже изданный, заключаетъ въ себѣ описаніе страны на зап. отъ Иркутска; во 2-й части предполагается описать восточную и сѣверную части Иркутской губерніи, а въ 3-мъ—Забайкалье и Гоби. Но, быть можетъ, если матеріалъ окажется великъ, то описанію Гоби будетъ посвященъ 4-й томъ. По изданіи всѣхъ этихъ трехъ или четырехъ томовъ будетъ подведенъ итогъ географическимъ,

геоботаническимъ и этнографическимъ даннымъ, когда-либо появлявшимся въ литературѣ съ 1832 г. и вплоть до послѣдняго времени. Этотъ, такъ сказать, географическій итогъ будетъ результатомъ «плодотворной дѣятельности русскихъ изслѣдователей».

Редакція дополненій къ Риттеровой Азіи была поручена П. П. Семенову; уже одно имя почтеннаго ученаго служитъ лучшей рекомендаціей этого капитальнаго труда. Въ свою очередь, П. П. Семеновъ, составленіе дополненій поручилъ И. Д. Черскому, какъ человѣку наиболѣе ознакомленному съ краемъ и заявившему себя солидными учеными работами. 20 лѣтъ Черскій трудился надъ геологіей Окологбайкаля, и ѣздомъ обошелъ кругомъ Байкала, изучая его берега и дѣлая экскурсіи въ другія части изслѣдуемаго края. Лучшаго составителя дополненій нельзя было найти, такъ какъ на ряду съ личнымъ осмотромъ страны, Черскій хорошо былъ знакомъ со всею накопившейся литературой о краѣ.

Пять лѣтъ работалъ Черскій надъ дополненіями къ III т. Риттеровой Азіи, посылая по частямъ свой трудъ П. П. Семенову, который долженъ былъ окончательно редактировать его. Но въ виду того, что въ трудѣ Черскаго встрѣчались существенныя пробѣлы, указанные самимъ покойнымъ и, что при необычайной полнотѣ географическихъ и геологическихъ данныхъ, относящихся къ описываемой странѣ, въ литературѣ имѣлось сравнительно мало свѣдѣній о размѣщеніи населенія въ странѣ, объ экономической жизни его, о томъ, насколько оно оказало вліянія на природу страны и т. п. — въ виду всѣхъ этихъ пробѣловъ, а также и тѣхъ, которые Черскій имѣлъ въ виду пополнить при окончательной редакціи, изданіе «Дополненій» было отложено до возвращенія Черскаго изъ его экспедиціи на дальній сѣверъ Азіи. Но въ 1892 г. безпріютная тундра на всегда приняла въ свои объятія этого талантливаго и трудолюбиваго ученаго. За смертью Черскаго пополнить пробѣлы, замѣченные въ трудѣ покойнаго, было поручено геологу Г. Г. ф. Петцу. Самъ-же г. Семеновъ, кромѣ общей редакціи «Дополненій», принялъ на себя трудъ разработать всѣ статистико-экономическія данныя о русскомъ и объ осѣдомъ и неосѣдомъ ищородческомъ населеніи. Богатый матеріалъ для этихъ данныхъ былъ полученъ имъ главнымъ образомъ изъ солиднаго труда, представляющаго результатъ изслѣдованія о земледѣльствѣ и хозяйственномъ бытѣ населенія Иркутской губерніи, пронаведеннаго по инициативѣ гр. А. П. Игнатъева стат. бюро съ 1888 по 1893 г.

Вышедшій 1-й томъ «Дополненій» содержитъ много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній: ученый получаетъ полный отчетъ о томъ, что сдѣлано въ наукѣ для знакомства съ краемъ въ періодъ отъ 1832 г. до 1894, а дилетантъ географъ найдетъ въ немъ интересныя описанія всѣхъ выдающихся явленій окологбайкальской природы; всѣ позднѣйшія данныя изслѣдованія

края вошли въ книгу: здѣсь мы находимъ и геологическія изслѣдованія Обручева и геоботаническія изслѣдованія Прейна, анализы почвъ, исполненныя въ позднѣйшее время, данныя статистическихъ изслѣдованій и пр. и пр. На ряду съ этими свѣдѣніями въ книгѣ встрѣчаются любопытныя описанія отдѣльных мѣстностей, напр. описаніе Мунко-Сардына, съ его ледниками и альпійской флорой, пріиска Алибера съ его исторіей, долины р. Оки съ кратерами, лавой и проч., новѣйшія свѣдѣнія и изслѣдованія о нефритѣ, о лаписъ-лазури и т. п.; цѣлыя главы представляютъ изъ себя этнографическіе очерки, какъ напр., «пробываніе у сойотовъ», «населеніе р. Бѣлой» и друг.

Вообще цѣль изданія достигнута вполне не смотря на то, что она была поставлена очень широко, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ словъ самого издателя: «мы имѣли въ виду», пишетъ П. П. Семеновъ, «прежде всего удовлетворить возрастающій интересъ всей образованной Россіи къ Сибири... Отъ души желаемъ, чтобы наше изданіе, исчерпывающее по возможности все существующіе научные географическіе матеріалы о тѣхъ частяхъ Сибири, которыя въ ней описаны, замѣнило бы для желающихъ ознакомиться со страной, а въ особенности для путешественниковъ или мѣстныхъ изслѣдователей, желающихъ предпринять новыя въ ней изслѣдованія, совершенно недоступную и едва-ли могущую быть собранною частнымъ человѣкомъ бібліотеку оффиціальныхъ, періодическихъ и др. изданій, въ которыхъ разбросаны самыя важныя свѣдѣнія о странѣ, и, указавъ на пробѣлы нашихъ знаній, послужило-бы исходною точкою новыхъ изслѣдованій о Сибири».

И. И. Поповъ.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Вост. ч. (1867) КОЛОКОВ